

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

Сборник

МОСКВА 2018

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом ФГКУ «ВНИИ МВД России»*

Р е ц е н з е н т ы :

В. Н. Орлов, доктор юридических наук, доцент
(ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»);

И. В. Калашников, кандидат юридических наук
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

И. Б. Колчевский (председатель),

Т. М. Бормотова (заместитель председателя),

В. А. Рачицкая,

А. В. Евсеев (ответственный секретарь)

Преступность и общество : сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 178 с.

Представлены тезисы, доклады выступлений, научные статьи, раскрывающие проблемы криминологии и уголовной политики; вопросы функционирования мнения населения о деятельности полиции; перспективы развития современной отечественной криминологической науки, уголовного права и социологической науки.

Для руководителей и сотрудников органов внутренних дел, научных сотрудников научных организаций, преподавателей, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России.

М. С. Андрианов,
кандидат психологических наук
(НИИ Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации)

СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА

В современной правовой психологии особое внимание уделяется изучению существующих в обществе социально-правовых представлений. Именно социальные представления о праве, практике его применения и деятельности правоохранительных органов являются ключевой составной частью массового правового сознания. Такие представления воплощаются в общественное мнение и в этом виде могут быть выявлены и измерены, например, по степени своего распространения.

Соответственно, при организации работы правоохранительных органов (полиции, прокуратуры и др.) важно знать мнения рядовых граждан, выступающих своеобразной общественной оценкой, о функционировании каждой структуры правовой системы государства, а также о том, какой обобщенный образ этих структур у них сформировался. Под образом того или иного правоохранительного органа понимаются особые, эмоционально окрашенные, смысловые образования, встроенные в уникальную систему социально-правовых представлений индивида или группы людей. В них фиксируется весь правовой опыт человека, его информированность о конкретном органе и всей правовой реальности в целом. Как правило, такой образ довольно устойчив во времени, но может изменяться под влиянием происходящих событий и трендов социально-правовой действительности¹.

В современных условиях общественное мнение о деятельности правоохранительных органов и суда имеет особое значение в правовом регулировании общественных отношений. Степень удовлетворенности населения качеством их работы служит одним из показателей эффективности правовой системы, влияет на состояние законно-

¹ См.: Правовая психология. Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 91–92.

сти и вовлеченность россиян в решение проблем укрепления правопорядка. При этом мнения людей об авторитетности правовых институтов играют решающую роль в профессиональной мотивации их сотрудников².

В настоящее время в России существует и функционирует система постоянно действующих социологических центров, профессионально изучающих общественное мнение по широкому спектру социальных вопросов. Они регулярно публикуют результаты репрезентативных опросов населения, что позволяет использовать полученные данные для анализа социально-правовой действительности, но не исключает возможность и необходимость проведения собственных социологических замеров заинтересованными в этом научно-исследовательскими организациями.

Мониторинг всех доступных социологических исследований о праве, практике его применения, состоянии законности, правопорядка и деятельности правоохранительных органов в течение длительного времени осуществляется юридическими психологами НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, а описание выявленных тенденций общественного мнения стало постоянной рубрикой – разделом ежегодной информационно-аналитической записки Генеральному прокурору РФ «Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры»³.

Практика мониторинга показывает, что одним из самых распространенных вопросов исследований, посвященных органам правоохраны, является: «Как Вы оцениваете их деятельность?» (вариант: «Одобряете ли Вы их деятельность?»). Полученные результаты – в виде усредненной оценки по определенной шкале либо в виде суммарного значения того или иного выбора респондентов в процентном выражении – дают основания социологам (равно как и другим заинтересованным лицам) вынести суждение об отношении граждан к этим социальным объектам. Наиболее известны в этом плане опросы, проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), в которых ежемесячно фиксируется оценка

² См.: Престиж органов прокуратуры (социально-психологические аспекты): науч.-метод. пособие. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ, 2001. С. 23–30.

³ См.: Андрианов М.С. Изучение и мониторинг общественного мнения по социально-правовой тематике. Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности: монография / под ред. О.Д. Ситковской. М.: Проспект, 2016. С. 84–95.

одобрения населением работы основных социальных институтов, что позволяет отслеживать ее динамику. В таблице 1 приводится фрагмент результатов определения общественных оценок работы правоохранительных органов и судебной системы⁴.

Таблица 1

**Общественная оценка работы правоохранительных органов
и судебной системы с 2011 по 2017 г.**

Государственные органы	Годы						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Правоохранительные органы	34,0	35,1	36,2	51,9	52,2	54,6	61,1
Судебная система	26,0	28,4	32,8	36,6	38,4	40,0	44,8

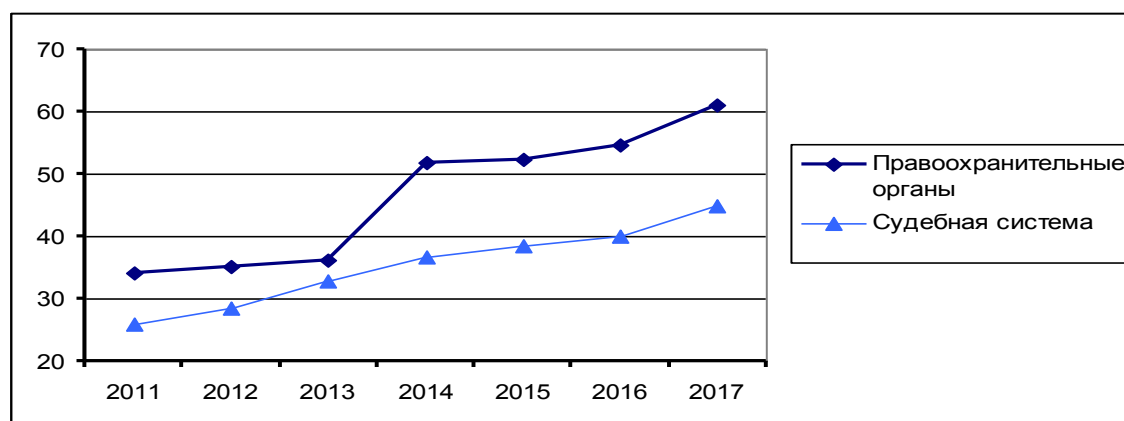

Рис. 1. Динамика оценок одобрения деятельности институтов правовой сферы (в процентах от числа опрошенных, ВЦИОМ)⁵

Как видно из приведенных данных (рис. 1), общественная оценка деятельности российских правоохранительных органов в настоящее время довольно высока и ее динамика позитивна: с начала десятилетия число респондентов, одобряющих эту деятельность, выросло практически вдвое.

Эта особенность, по мнению некоторых экспертов, интерпретирующих результаты социологов, дает основания говорить о тренде укрепления блока так называемых «силовых» структур (кроме указанных, обычно к ним добавляют еще и Вооруженные силы), что обусловлено «внешнеполитической турбулентностью»: сложная об-

⁴ Это единственные институты правовой сферы, представленные в данном исследовании. При этом к нашему сожалению, правоохранительные органы здесь не разделяются на составляющие – полицию, прокуратуру и др.

⁵ Составлена по результатам исследований ВЦИОМа, представленных на официальном сайте. См.: URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyh_institutov/ (дата обращения: 15.09.2017).

становка на международной арене требует от российских органов власти укрепления государственности, способствует росту патриотических настроений в обществе и декларируемой поддержке не только главе государства, но и всем основным социальным институтам, но особенно — «силовым» ведомствам и «придает им в глазах общественности дополнительную ценность»⁶.

С подобным экспертным мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку такая интерпретация в некоторой степени «принижает» вклад в зафиксированную общественную оценку собственно самого оцениваемого института — рост показателей объясняется «внешними», во многом исключительно ситуативными обстоятельствами, в то время как есть веские основания считать, что рост показателей правоохранительных органов определяется именно повышением эффективности деятельности. Россияне замечают изменения в правовом регулировании общественных отношений в стране, состоянии правопорядка и противодействии преступности, отмечают вклад полиции, прокуратуры и органов госбезопасности в эти процессы, признавая их возросшую способность твердо и последовательно отстаивать соблюдение законов, обеспечивая социальную стабильность и, что особенно значимо в современных условиях, национальную безопасность.

Однако важно отметить, что сегодня, во времена обилия разнообразных социологических данных удовлетворяться результатами только одного указанного показателя было бы неправильно, тем более что у него есть известные, вполне очевидные «минусы»: сам вопрос ставится респондентам слишком «прямо» (специалисты называют подобные вопросы «лобовыми»), в определенном смысле «подталкивая» опрашиваемого давать социально желаемые ответы. При этом очевидно, что спектр мнений населения о работе органов правоохраны не исчерпывается оценками одобрения (неодобрения).

Кроме того, рядовому гражданину зачастую довольно затруднительно максимально «объективно» оценить какой-либо социальный институт по вопросу социологов. Давая ответ, каждый респондент, вероятно, опирается на самые разные субъективные основания и представления об объекте: личные впечатления от непосредственных контактов с его представителями; сообщения о деятельности данного института в центральных и региональных СМИ, особенно частота и

⁶ См.: Россияне распределили роли политических институтов: сообщение от 31 янв. 2017 г. на новостном интернет-портале «Известия». URL: <http://iz.ru/news/661104> (дата обращения: 03.07.2017).

поводы таких сообщений; а также на основании высказываний о нем значимых других (например, близких людей или авторитетных медийных персон)⁷. Таким образом, человек сначала мысленно обращается к его сформировавшемуся образу, определяя «положение» объекта в своем внутреннем смысловом пространстве значений различных понятий, и в зависимости от этого делает свой выбор из предложенных вариантов ответа. Соответственно, для максимальной полноты картины об актуальной общественной оценке деятельности правоохранительных органов необходимо рассматривать и другие доступные социологические показатели, а также понимать, что собой представляет смысловое пространство.

Так, другая известная социологическая служба Левада-Центр использует для выяснения общественного мнения о функционировании основных социальных институтов следующие критерии: оценки граждан их роли в жизни страны и индексы институционального доверия. Отметим, что в некотором роде эти опросы отличаются от определения оценок одобрения. Когда людей просят оценить роль каждого института в целом, причем в некой оценке, например, по балльной шкале, то понятно, что вопрос касается не только собственно функциональной, содержательной деятельности оцениваемого объекта, но и, в первую очередь, обладания его общественным весом, социальной значимостью. Конечно, включенные в опрос институты выполняют самые разные социальные функции, объективно заданные в системе общественных отношений. Следовательно, в буквальном понимании и роли у них совершенно разные. Но в своей совокупности они регулируют действия индивидов в рамках социальных отношений, обеспечивая их устойчивость⁸. Таким образом, отвечая на вопрос о роли институтов в жизни страны, опрашиваемый оценивает, как с этим объектом взаимодействуют другие социальные структуры, насколько он имеет внутривластный вес, его авторитет, влияние. В определенном смысле респонденты оценивают «силу» каждого объекта. В таблице 2 приводится фрагмент результатов общественных оценок влияния основных правоохранительных и судебных органов.

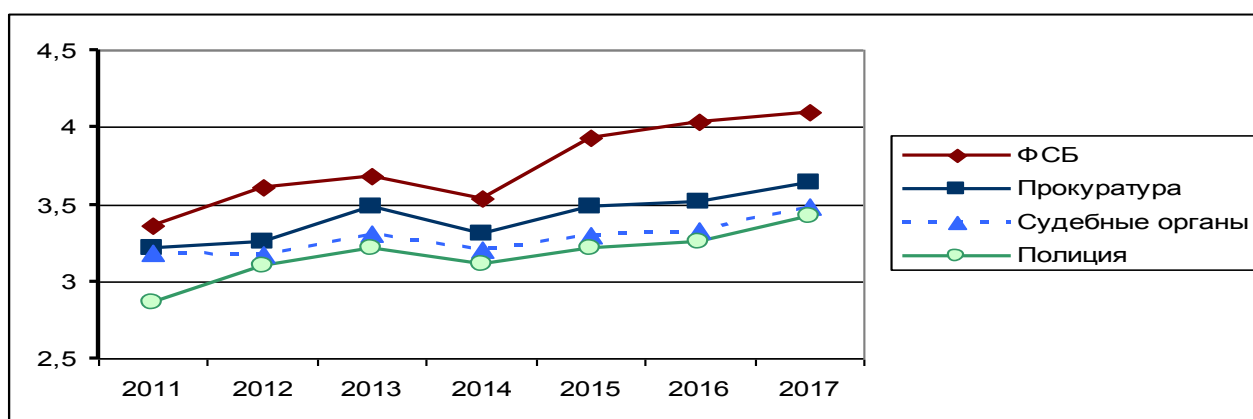
⁷ См.: Андрианов М.С. Общественное мнение о социальной значимости органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3 (5). С. 61–65.

⁸ См.: Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: МПСИ, 2000.

Таблица 2

**Общественная оценка влияния правоохранительных органов
и судебной системы с 2011 по 2017 г.**

Государственные органы	Годы						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ФСБ	3,36	3,61	3,68	3,54	3,93	4,03	4,10
Прокуратура	3,32	3,26	3,48	3,31	3,48	3,52	3,64
Судебные органы	3,18	3,17	3,31	3,20	3,30	3,33	3,48
Полиция	2,86	3,10	3,21	3,11	3,22	3,26	3,42

**Рис. 2. Динамика оценок влияния правоохранительных
и судебных органов (ср. балл по пятибалльной шкале, Левада-Центр)⁹**

Еще один социологический параметр, регулярно измеряемый Левада-Центром, – индекс институционального доверия, в котором оценивается, как люди лично относятся к социальным институтам. Доверие (как категория морали) – важный психологический и социальный феномен. Это социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность того, что действия его участников (рядовых граждан и представителей института) будут протекать в соответствии с ожидаемым порядком, основанном на убеждениях, материальных интересах, моральных обязательствах и ценностных представлениях, в силу культурных традиций разделяемых, как правило, большинством членов данного общества. Именно доверие выступает нравственным регулятором отношений между людьми¹⁰. При этом «институциональное доверие» – особый социальный механизм, характе-

⁹ Составлена по результатам исследований Левада-Центра, представленных на официальном сайте. См.: URL: <http://www.levada.ru/2017/01/31/roli-institutov> (дата обращения: 03.02.2017).

¹⁰ См.: Скрипкина Т.П. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). Ростов н/Д.: изд-во РГПУ, 1997.

ризующий эффективность и значимость различных институтов, а способность различать границы их действия является одним из свидетельств дееспособности и социализированности индивидов.

Формирование социальных отношений, соответствующих нормам современного правового демократического общества, невозможно не только без эффективных социальных институтов, но и без повышения доверия населения им. Отметим, что «невысокое доверие» – это, как правило, исключительно декларативное доверие, высказываемое гражданами в ходе социологического опроса. Люди признают важность какого-либо социального института, но при этом одновременно испытывают к нему и немало устойчивых негативных поведенческих установок: сомнения в компетентности и общественно значимых помыслах его представителей, подозрительность к ним, отчуждение и страх, а, как следствие, нежелание иметь с ними дело, кроме как в случаях крайней нужды. «Высокий» уровень доверия означает очевидное снижение подобных установок относительно практической деятельности оцениваемого института и повышение его социальной значимости, в том числе в силу растущей эффективности обеспечения запросов населения¹¹.

Таким образом, институциональное доверие является значимой социальной категорией, а его показатели важны не только в качестве «обратной связи» деятельности института, но и для понимания всей ситуации в целом, а также для совершенствования существующих механизмов социальной регуляции. При этом доказано, что если индивид оказывается вне зоны доверия основным общественным институтам, то он активно «включает» нормы недоверия им и, как правило, демонстрирует это в различных формах социально деструктивного поведения. В таблице 3 приводится фрагмент результатов измерения доверия правоохранительным и судебным органам.

Таблица 3

Государственные органы	Годы					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ФСБ	34	33	36	46	50	46
Прокуратура	22	23	26	32	37	24
Судебные органы	19	23	21	26	29	22
Полиция	20	20	18	21	29	24

¹¹ См.: Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.

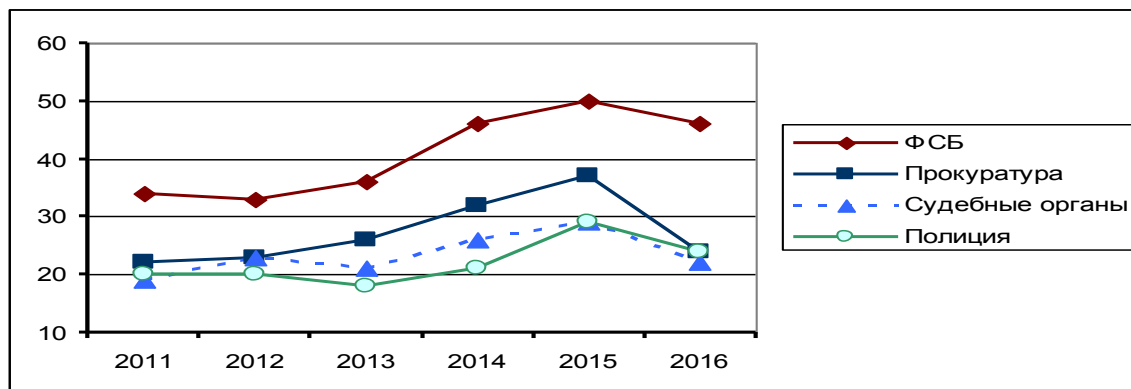

Рис. 3. Динамика оценок институционального доверия (в процентах от числа опрошенных, Левада-Центр)¹²

Социологические параметры – оценка роли института и доверие ему – дополняют друг друга. И хотя по своему содержанию оценка «влиятельности» и оценка «доверия» различаются (первая опирается в основном на рациональные знания об объекте, вторая – во многом иррациональна и формируется под влиянием эмоций), но они неразрывно связаны именно потому, что являются компонентами целостной смысловой структуры восприятия индивидом социальных объектов.

Собственно, такова психологическая особенность социального восприятия. Все разнообразие оцениваемых атрибутов (качеств) объекта, по сути, сводится к трем основным: активен он или пассивен, каким потенциалом действия обладает – насколько он силен, а также насколько он значим (ценен) для воспринимающего (например, опасен или безопасен, хороший или плохой, и т.п.). В итоге, эти три ключевых параметра составляют «оси координат» внутреннего смыслового пространства – когнитивной области значений понятий, обозначающих разные социальные объекты. Существование подобной закономерности впервые отметил Ч. Осгуд¹³, изучающий коннотативные значения различных понятий. Как оказалось, три биполярные шкалы (Активность – Сила – Ценность объекта) составляют основу – три измерения – семантических пространств. Они необходимы и достаточны человеку для смыслового оценивания объекта и определения его «месторасположения» не только относительно других объек-

¹² Составлена по результатам исследований Левада-Центра, опубликованных в сборнике материалов: *Общественное мнение-2016: Ежегодник*. М.: Левада-Центр, 2017. С. 103.

¹³ Именно идеи Ч. Осгуда легли в основу новой отрасли науки – психосемантики, методология которой активно применяется сегодня в прикладных исследованиях широкого спектра аспектов социальной действительности. (См.: *Osgood Ch. E. Focus of meaning. Vol. 1: Exploration of semantic space*. Hague: Mouton. 1976).

тов, но и в когнитивном пространстве, которое тесно связано с существующими у данного человека представлениями, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, но, как правило, мало осознаваемыми формами смыслового обобщения¹⁴. Определение «позиции» каждого социального объекта в таких семантических пространствах (как индивидуального, так и массового сознания) на основе оценочных ответов респондентов позволяет выявлять уникальное психологическое наполнение, который данный объект приобрел для людей в процессе их социализации и взаимодействия с ним.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что три рассматриваемых здесь социологических параметра (с определенной долей условности и некоторыми допущениями) и составляют три оси координат смыслового пространства социальных представлений о деятельности правоохранительных органов:

ось Y «Активность объекта» (оценка одобрения деятельности) – оценивается, насколько он активен, в приложении к социальным институтам – насколько он функционален, а его деятельность – результативна; ось X «Сила» (оценка влиятельности) – насколько объект силен, обладает ли должным авторитетом и социальной значимостью; ось Z «Ценность» (институциональное доверие) – оценка объекта в зависимости от эмоций, которые он вызывает – заслуживает ли он доверия или его надо опасаться (рис. 4).

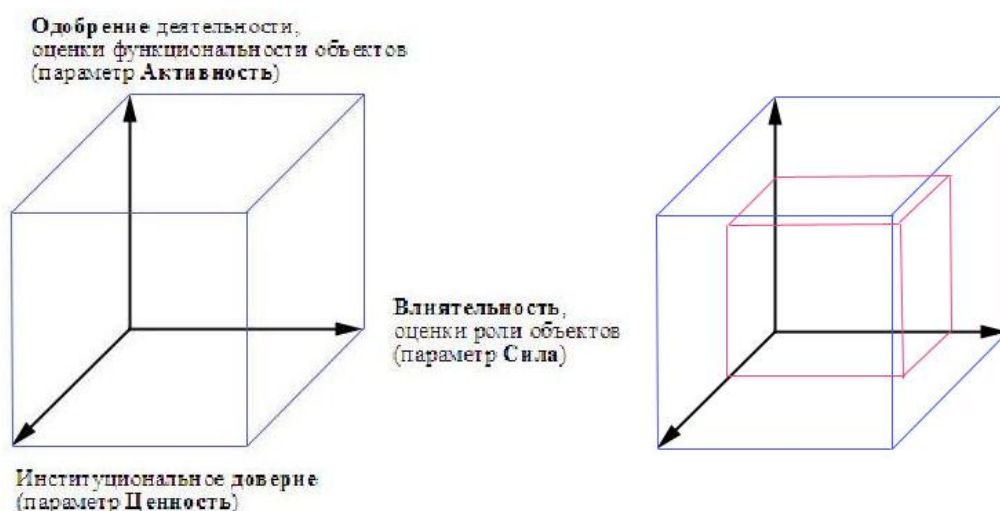

Рис. 4. Смысловое пространство социальных представлений с указанием границ образа правоохранительных органов (малый, «внутренний» куб на изображении справа)

¹⁴ См.: Уланович О.И. Психолингвистика: учеб. пособие. Минск: изд-во Гревцова, 2010; Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: МГУ, 1988; и др.

Конечно, данное изображение всего лишь иллюстрация особенностей социального восприятия актуального образа правоохранительных органов на основе доступных социологических исследований. При построении этой схемы была произведена условная унификация указанных выше социологических показателей: во-первых, использованы данные, полученные не только на разных выборках респондентов, но и разными центрами, а во-вторых, сами эти показатели различны, в одном случае – это результат процедуры шкалирования, в двух других – проценты от числа опрошенных¹⁵. Тем не менее, на наш взгляд, даже в таком условном схематичном виде убедительно показано, какие широкие возможности представляют сегодня публикуемые данные социологических исследований, а опора на результаты только одного репрезентативного опроса общественного мнения недостаточна для получения объективной (причем объемной) и максимальной приближенной к реальности картины того, как общество воспринимает и оценивает деятельность правоохранительных органов.

Кроме того, предложенная схема смыслового пространства социальных представлений позволяет отметить одну важную особенность: несмотря на то, что образ всех правоохранительных органов (равно как и каждого по отдельности) в настоящее время в целом позитивен и имеет выраженную тенденцию к своему улучшению в будущем, есть одно «слабое звено» – показатели общественного доверия им заметно отстают, что указывает главное направление (зону ближайшего развития) по совершенствованию их работы: важно не только повышать эффективность профессиональной деятельности, но необходимо добиваться и того, чтобы люди, признавая силу, действенность и социальную значимость полиции и прокуратуры, не опасались их сотрудников, а начали больше доверять им. Именно это – залог не только улучшения образов этих социальных институтов, но и решения многих острых социально-правовых проблем, а также достижения цели построения развитого правового государства.

¹⁵ Процедура построения семантических пространств с соблюдением всех требований сбора и обработки информации известна, отработана и широко применяется в прикладных психосемантических исследованиях. См.: Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

Т. М. Б о р м о т о в а,
доктор социологических наук
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИНТЕРНЕТ

Обладая колоссальным потенциалом информационного воздействия на общество, масс-медиа способны преподносить те или иные сведения либо факты в определенном контексте, придавая им конкретное значение. Причем одни и те же сведения, представляемые разными масс-медиа, могут по значению заметно отличаться. Следует отметить, что масс-медиа являются инструментом в руках субъектов (частные лица, организации, государства и т.д.), определяющих их содержание. Как и любой инструмент, масс-медиа могут быть использованы в различных целях, как позитивных, так и негативных.

Несомненно, сотрудники полиции при осуществлении своей деятельности стремятся обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан. Однако не стоит забывать о том, что и представители средств массовой информации, будучи так называемой «четвертой властью», несут большую ответственность за каждое написанное ими слово, так как именно оно влияет на социальные процессы и создает общественное мнение, в том числе и о работе органов внутренних дел.

Как известно, наиболее значимая информация, в том числе о деятельности полиции, сегодня концентрируется, обсуждается и распространяется преимущественно в сети Интернет, которая, благодаря своей доступности и популярности, выступает в роли одного из источников сведений наряду с печатными изданиями, радио, телевидением, но при этом качественно отличается от них. В сети Интернет существенно меняется сам процесс сбора, хранения, передачи и обработки информации. Если ранее он включал такие этапы, как получение информации, ее проверку и распространение, то сегодня информация, точнее, ее тематика формируется рейтингом запросов.

Число пользователей сети Интернет растет революционными темпами: в начале 90-х годов оно не превышало 70 тыс. чел., в 1993 г. в мире пользователями сети Интернет являлись уже 10 млн чел., а в начале 2012 г. этот показатель превысил 2 млрд чел. В 2018 г. 57 %

респондентов ежедневно или практически ежедневно выходят в интернет¹.

Таким образом, сеть Интернет в настоящее время является тем инструментом, который при рациональном использовании в интересах органов внутренних дел может не только обеспечить эффективное взаимодействие с гражданским обществом, но и способствовать укреплению авторитета полиции, повышению доверия граждан к ней.

Социальные сети аналогично распространяются, охватывая все большее число россиян. На сегодняшний день «хотя бы раз в неделю» использует сети около 55 % россиян (в том числе около трети – «ежедневно или почти ежедневно»). Никогда не пользовалось сетями около 30 %².

Отметим, что данные изменения произошли в стране всего за 10–12 лет – время, прошедшее с момента появления социальных сетей. За эти годы происходило не только общее увеличение аудитории, но и изменение соотношения конкретных социальных сетей. Так, согласно данным, доля регулярных пользователей «Одноклассниками» последние два года остается практически неизменной (чуть выше 40 %). Быстро растет популярность у «ВКонтакте» (40 %) и Instagram, которые сравнялись по популярности с Facebook (около 11–12 %). За последние три года заметно снизилась доля сети «Мой мир» (до 7 %). Данные результаты позволяют предположить, что рост аудитории социальных сетей идет, в первую очередь, за счет пользователей молодых возрастов.

Официальная оценка деятельности полиции представляет собой общественное мнение, закрепленное в п. 6 ст. 9 Федерального закона «О полиции». Субъектом общественного мнения выступают общности разного уровня – от отдельных социальных групп до целого населения страны, выделяемых по разным признакам (территория, демография, профессия и т.д.). МВД России ежегодно в соответствии с требованиями п. 3.2 приказа МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777³ «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» проводит изучение общественного мнения.

Использование интернет-ресурсов в общественно-политическом взаимодействии стало популярным после заявления Д.А. Медведева о

¹ См.: Пользование интернетом // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/13/polzovanie-internetom-2/> (дата обращения: 17.11.2018).

² См.: Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ–2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/> (дата обращения: 17.11.2018).

³ См.: Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: приказ МВД России от 1 дек. 2016 г. № 777.

необходимости повысить общую компьютерную грамотность и расширить использование интернет-технологий⁴.

Авторизация политика или сотрудника правоохранительных органов в социальной сети делает их такими же, как и всех остальных пользователей: они могут выкладывать фотографии, комментировать чужие посты и тем самым показывать свое мнение о проблемной ситуации, можно увидеть их увлечения и в целом, чем они занимаются в повседневной жизни. Следовательно, сотрудники органов внутренних дел становятся доступными для общества, что влияет на мнение людей об их открытости и внушает больше доверия, чем человек с экрана телевизора.

Важным аспектом в формировании общественного мнения о деятельности полиции является налаживание взаимодействия с интернет-технологиями, в том числе с социальными сетями⁵. Заметим, что за счет реализации целого комплекса мер МВД России в последнее время удалось добиться положительных результатов в освещении деятельности сотрудников полиции (раскрытие преступлений, задержание подозреваемых, обнаружение лиц, хранящих оружие или наркотики).

Если говорить о каналах информации, то социальные сети и интернет продолжают укрепляться на месте информационных ресурсов, к которым обращаются за получением новостей. «Непользователи» категорически не доверяют интернет-новостям, а среди «пользователей» – интернет и социальные сети входят в тройку лидеров по уровню доверия⁶.

ВЦИОМ опубликовал результаты исследования, проведенного в 2018 г., о степени доверия или недоверия граждан к сотрудникам различных подразделений полиции. Так, больше всего россияне доверяют полицейским на транспорте (65 %), сотрудникам дежурной части (63 %) и участковым уполномоченным (61 %). ГИБДД доверяют только 53 %, а следователям из следственного департамента 50 % респондентов. Недоверие испытывают только 35 % опрошенных⁷.

⁴ См.: Киселева А.М., Шпак Е.А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Вопросы управления. 2015. № 6 (18). С. 66–75.

⁵ См.: Абрамов О.А., Демидов Н.Н. Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел: проблемы и пути формирования // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 14–21.

⁶ См.: Каналы информации // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/13/kanal-y-informatsii> (дата обращения: 17.11.2018).

⁷ См.: Работа полиции: оценки россиян ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418> (дата обращения: 09.11.2018).

Однако россияне привыкли доверять интернету и социальным сетям (в особенности молодежь) и не осознают, что могут получать не объективные данные. Информация может быть подана таким образом, чтобы аудитория представила ситуацию в лучшем свете (хотя она не является таковой) или наоборот, в худшем для собственной выгоды информанта⁸.

Таким образом, человек, не желающий анализировать информацию, становится мишенью для информационного воздействия, то есть интернет осуществляет не только передачу информации о деятельности полиции, но и становится рычагом участия в социальном управлении, оказывая воздействие на общественное мнение и формируя определенную оценку эффективности деятельности полиции.

Несмотря на это, по результатам исследований можно констатировать в целом повышение доверия и уважения населения России к деятельности полиции и таким образом утверждать, что работа по формированию общественного мнения, по укреплению имиджа полицейских ведется целенаправленно и постоянно. Укрепление положительного образа деятельности полиции во многом зависит от освещения в интернет-ресурсах и социальных сетях их повседневной работы. Однако при всем этом органы внутренних дел должны совершенствовать способы коммуникации с населением, чтобы уровень доверия и положительная оценка гражданами их деятельности возрастали.

Как указано в материалах ВЦИОМ, «чаще всего россияне читают новости в социальных сетях (39 %) и в СМИ (38 %)». Новости в социальных сетях в основном предпочитает молодежь, эта доля составляет 56 % среди 18–24-летних против 27 % в группе респондентов старше 60 лет. А вот новостными статьями в СМИ, напротив, чаще интересуются люди старшего поколения: 43 % среди людей в возрасте старше 60 лет и 29 % в группе респондентов от 18 до 24 лет⁹.

Сидя в новостных сообществах или иных группах социальных сетей, молодежь подвергается информационному воздействию с помощью таких методов, как:

привлечение «частных агентов воздействия»: известные люди, заявляя о своих предпочтениях в той или иной ситуации, об отноше-

⁸ См.: Зуева О.В., Демидов Н.Н. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. 2016. № 3 (33). С. 79–84.

⁹ См.: РИА Новости: ВЦИОМ: россияне предпочитают новости в соцсетях художественной литературе. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9317> (дата обращения: 17.11.2018).

нии к деятельности полиции, создают эффект идентификации и «присоединения к большинству»;

постоянное обнародование результатов опросов «общественного мнения». Здесь также работает эффект «присоединения к большинству»: видя результаты опросов, люди приходят к выводу, что они были неправы, и соглашаются с «большинством»;

дебаты и дискуссии (ток-шоу), вырезки из программ, выражения, вырванные из контекста, приводят к эффекту «поляризации мнений» и кристаллизации установок, но в случае невыраженных исходных установок – к эффекту «присоединения к большинству», так как во многих ток-шоу подсчитываются голоса и объявляются «победители».

Оценка и удовлетворенность общества деятельностью полиции складывается из следующих факторов: профессионализм и активность самих полицейских в работе, частота обращений граждан с проблемами к сотрудникам полиции, своевременность и качество оказанной помощи, роль СМИ, интернета и социальных сетей.

Для улучшения работы сотрудников органов внутренних дел респонденты выделили следующие меры: повысить профессионализм, обсуждать проблемы правопорядка, ужесточить законодательство, проводить мероприятия с участием ОВД, улучшить внешний вид сотрудников и их манеры общения с гражданами¹⁰.

В заключении отметим, что изучение состояния и динамики общественного мнения о деятельности полиции – один из важнейших критериев общей оценки их работы, который позволяет обеспечить своевременное получение информации об отклонениях в сфере коммуникации между ОВД и обществом. При этом одной из приоритетных управленческих задач руководителей всех уровней органов правопорядка должно стать формирование позитивного общественного мнения о деятельности подчиненных служб и подразделений. Для ее решения нужно продолжить создание системы информирования граждан о деятельности полиции, включающей в себя взаимодействие со СМИ, использование возможностей сети Интернет, популярных социальных сетей, реализацию имиджевых проектов. Осуществление предложенных мер будет способствовать росту общественного доверия к деятельности органов внутренних дел, а также создаст условия для повышения эффективности в решении стоящих перед ними задач.

¹⁰ См.: Дадаева Т.М., Костромкина К.А. Факторы формирования общественного мнения о работе участковых полиции (на примере г. Саранска) // Регионология. 2016. № 2 (95). С. 137–146.

С. И. Винокуров,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации
(НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРЕВЕНЦИИ В ПРАВЕ

Для раскрытия заявленной темы представляется принципиально важным уяснить, прежде всего, насколько востребован и значим феномен превенции в качестве объекта научного исследования для юриспруденции.

В связи с этим необходимо обратить внимание на сущностную характеристику самого права. Как известно, его базисом является упорядоченная отраслевая система законов (законодательство).

В свою очередь, как показывает научный анализ, данная система заведомо и реально содержит в себе превентивную составляющую в качестве важного, присущего законодательству атрибута. При этом плодотворная, предохранительная роль превенции обусловлена ее сущностью. Последняя проявляется в том, что превенция является субъективной категорией, элементом правосознания (психики) человека. В силу этого она действует на всех этапах функционирования системы права и правоотношений. Превенция ориентирует граждан на правомерные способы поведения, формирует у них позитивную психическую установку, нацеленную на сдерживание, недопущение нарушений закона, главным образом, с помощью потенциальной угрозы применения наказания (наступления иных неблагоприятных последствий) к правонарушителям.

Указанная роль превенции уже давно была подмечена выдающимися античными философами, которые однозначно придавали исключительно большое значение превентивному воздействию законов. Например, Платон отводил им весьма важную роль в отвращении от преступления тех, кто может сделаться преступником¹. Аристотель признавал приоритетную роль закона и угрозы наказанием в психическом сдерживании преступных действий и поступков². Аналогичных взглядов придерживались и другие авторитетные мыслители прошлых эпох. Так, Чезаре Беккариа основное предназначение законов также видел в недопущении преступлений. Соответственно вос-

¹ См.: Платон. Законы // Платон. Соч.: в 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2. С. 108–111, 219.

² См.: Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 288–289.

принимал он и цель наказания, которая, по его мнению, должна состоять в том, чтобы помешать преступнику совершать иные преступления и оказывать сдерживающее воздействие на остальных граждан³.

Приведенная выше характеристика превенции позволяет, по нашему мнению, прийти к выводу о том, что данное явление носит сквозной, всеобъемлющий характер. В целом превенция присуща всем стадиям правовой жизни каждого отдельно взятого индивидуума, общества и государства, представляя собой важный атрибут системы права, занимая одно из приоритетных мест среди ее функций. При этом, несмотря на самостоятельный характер превентивной функции, направленной на сдерживание, недопущение правонарушений, она, тем не менее, органично сочетается, взаимодействует с регулятивной, охранительной, воспитательной функциями права, существенно дополняя и обогащая их.

Отсюда вполне логично рассматривать превенцию в качестве неотъемлемой, важнейшей функции всей системы права. Именно поэтому превенция должна, по нашему мнению, стать востребованным объектом научного исследования, занять достойное место в теории права. Данным обстоятельством и определяется, на наш взгляд, актуальность и практическая значимость разработки теории (института) превенции в праве.

Вместе с тем, несмотря на исторически признанную важность и практическую значимость, превенция, как это ни парадоксально, в современной теории права оказалась обделенной вниманием ученых. Надлежащего интереса к исследованию ее сущности, содержания, закономерностей, а также критериев соотношения и разграничения с другими родственными понятиями, к сожалению, проявлено не было, и это притом, что в правоведении очень широко используются, наряду с превенцией, другие родственные ей понятия, такие как предупреждение, профилактика, предотвращение, пресечение.

При этом весьма показательным, что все указанные понятия объединяет одно общее, ключевое свойство: целеполагание. Оно в целом выражается в сдерживании, минимизации, недопущении правонарушений.

Характерно также, что названные понятия зачастую не согласуются ни с самой превенцией, ни между собой, поскольку толкуются многими специалистами весьма произвольно и противоречиво. В ре-

³ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. С. 95, 103.

зультате этого феномен превенции чаще всего фигурирует на понятийно-терминологическом уровне как синоним предупреждения правонарушений, что затушевывает существенные различия между данными превентивными понятиями. Все это свидетельствует, как представляется, о недолжном внимании к феномену превенции со стороны теоретиков права и является серьезным упущением юриспруденции, которое необходимо восполнить.

В связи с тем, что речь здесь идет о криминологических проблемах превенции, важное значение приобретает уяснение соотношения превенции и криминологии. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что превенция выступает, по нашему мнению, в качестве весьма значимой функции не только системы права, но и иных общественных наук (социологии, психологии, педагогики и др.). Поскольку криминология является социально-правовой наукой, то превентивный аспект для нее также очень важен и весьма заметно представлен в различных ее частях, разделах, криминологических теориях.

Так, он тесно взаимосвязан с некоторыми весьма значимыми детерминантами преступности, такими, например, как криминализация массового общественного сознания, обусловленная изъятиями проводимой в стране уголовной политики. В частности, она не всегда справедлива, зачастую не отражает интересы подавляющего большинства граждан. Кроме того, в качестве серьезных детерминант преступности выступают ее высокая латентность, а также системное ущемление прав потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе. Наиболее ярко проявляется превентивный аспект в разделе криминологии, посвященном исследованию и разработке мер предупреждения преступности. Естественно, что сопряжение, переплетение, взаимодействие криминологических и превентивных аспектов противодействия преступности высвечивает определенные взаимосвязи и проблемы, на которых и следует кратко остановиться.

Криминализация массового общественного сознания является чрезвычайно опасным криминогенным фактором расширенного воспроизводства преступности и имеет самую непосредственную взаимосвязь с превенцией. Это обусловлено тем, что обычно закон адресован неопределенному кругу лиц, среди которых, как показывает практика, подавляющее большинство составляют законопослушные граждане. Для них вполне достаточным является четкое уяснение предписанных законом правил поведения и установленных им запретов, подкрепленных соответствующими санкциями.

Для данной категории лиц не имеет решающего значения частота, эффективность фактического применения правоприменителем реальных карательных мер в отношении лиц, совершивших преступления. Здесь интересы соблюдения правопорядка обеспечиваются лишь с помощью механизма общей превенции, когда потенциально могущие возникнуть уголовные правоотношения не реализуются по причине действия сдерживающего, субъективного (психического) арсенала правовых и иных средств (нравственных понятий, смыслов, запретов закона, опасений и т.п.).

Совсем другая ситуация складывается применительно к лицам, заведомо склонным к совершению правонарушений и преступлений. Для них психическое воздействие общей превенции, как правило, недостаточно. Для данной категории лиц приоритетное значение приобретают оценка степени риска, реальной опасности, а еще более весомо – неотвратимости наступления адекватной юридической ответственности и наказания за содеянное. Причем, если такая опасность весьма велика или неотвратима, то криминально ориентированные лица, как правило, отказываются от совершения чрезвычайно рискованных посягательств, и наоборот.

Таким образом, при высоком уровне криминализации массового общественного сознания в социуме значительно увеличивается число лиц, склонных к совершению преступлений и, соответственно, заметно уменьшается количество законопослушных граждан. В результате этого существенно возрастает криминогенный потенциал социума, разрушается, дезорганизуется сдерживающий потенциал превенции.

Серьезное криминологическое значение приобретает взаимосвязь превенции и латентности. Это обусловлено тем, что, как отмечалось выше, для значительной части лиц, склонных к совершению уголовных правонарушений, принципиально значимым фактором удержания их от преступного поведения является неотвратимость наказания за содеянное. В свою очередь, указанная неотвратимость в значительной мере обусловлена практикой своевременного обнаружения и эффективного раскрытия преступлений: чем она результативней, тем ниже латентность и более действенно проявляется сдерживающее превентивное (психическое) воздействие уголовных предписаний и запретов на потенциальных правонарушителей, и наоборот. Данная закономерность весьма наглядно высвечивает тесную взаимосвязь криминологии и превенции, обуславливает необходимость углубленного исследования различных сторон и аспектов их взаимодействия.

Еще одним серьезным криминогенным фактором, существенно влияющим на взаимодействие превенции и криминологии, является системное ущемление законных прав потерпевших от преступлений. В значительной мере это связано не только с ущербной реализацией принципа неотвратимости наказания, о чем выше уже упоминалось, но и принципа его справедливости.

Последнее имеет особое значение применительно к превенции, поскольку ее нравственно-психологический смысл (нравственное начало) предполагает необходимость адекватного, соразмерного применения наказания к виновным и одновременно повышенного внимания и заботы к потерпевшим от преступлений.

При этом важно особо отметить, что данная категория граждан представляет собой, как правило, законопослушных лиц, которые являются основным адресатом реализации превентивной функции права и наиболее полно обеспечивают ее действенность и эффективность.

В принципе, приоритетная защита прав потерпевших является вполне логичной и обоснованной для любого нормального законодательства. Это может быть обусловлено тем, что для цивилизованного, правового государства, озабоченного потребностями и интересами граждан, а равно соблюдением законности и правопорядка в стране, преступники представляют повышенную опасность не только непосредственно для него, но и, что более резонансно, для конкретных рядовых граждан и общества в целом. Поэтому реально высокая преступность – это знаковый сигнал о серьезной болезни общества и ненадлежащем его государственном устройстве.

Таким образом, лица, склонные к совершению преступлений либо их уже совершившие, представляют для личности, общества и государства реальную угрозу в связи с высокой вероятностью совершения ими преступлений, в том числе рецидивных.

Данные соображения логично приводят к мысли о том, что приоритетное внимание и забота о законопослушных гражданах и, прежде всего, потерпевших как естественных союзниках, надежной опоре разумного государства должны быть нормой любого цивилизованного законодательства, поскольку это имеет важный превентивный смысл. Он заключается в том, что реализация государством надлежащей уголовной политики, приоритетно направленной на защиту прав потерпевших, может служить дополнительным стимулом для удержания, в том числе неустойчивых, колеблющихся лиц от совершения уголов-

ных деяний, а равно склонения их к осознанному выбору правомерных способов поведения.

Наиболее тесной является взаимосвязь понятий «превенция» и «предупреждение преступности». В связи с этим следует четко уяснить их сущность и содержание, проанализировать сходства и различия.

В качестве базового, ключевого сходства явлений (и соответственно понятий) предупреждения и превенции в контексте криминологии следует отметить общность их целеполагания: оба они направлены на сдерживание, устранение, недопущение преступлений. Что касается других важных признаков данных понятий, то они свидетельствуют о существенных различиях превенции и предупреждения.

Так, в отличие от характерного для превенции внутреннего, субъективного механизма сдерживания, недопущения уголовных деяний, предупреждение как практическая часть превенции отражает, прежде всего, внешнюю, деятельную сторону противодействия преступности, которая реализуется только на стадии правоприменения. Вместе с тем можно указать и на другие отличительные от превенции признаки предупреждения преступности.

Это, во-первых, объективный, физический способ реализации всех мер, составляющих предупредительную деятельность. Во-вторых, осуществление всех предупредительных действий производится исключительно в сфере правоприменения. В-третьих, указанные предупредительные меры (решения и действия) реализуются субъектами, обязанными в соответствии со своей компетенцией осуществлять противодействие преступности в качестве основной публичной функции и в отношении неопределенного круга лиц, то есть публичными правоприменителями. В-четвертых, вся система предупредительных мер имеет сложный, комплексный, многоступенчатый характер и последовательно приводится в действие реальным процессуальным механизмом противодействия уголовным посягательствам.

В-пятых, следует особо указать на особенности предупредительной деятельности, обусловленные спецификой недопущения рецидива преступлений. В данных ситуациях в содержание указанной деятельности дополнительно включаются совершенно новые элементы, не свойственные предупреждению первичной преступности.

Имеется в виду осуществление широкого круга уголовно-процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на эффективное расследование и раскрытие уже совершенных преступлений, изобличение виновных и применение к

ним соответствующих мер уголовно-правового характера (наказания), а равно оказание воспитательного воздействия на лиц, отбывающих соответствующее наказание, с целью их исправления.

При этом все перечисленные и иные комплексные меры в сфере правоприменения, с одной стороны, нацелены на решение основных задач уголовного судопроизводства, а с другой – объективно направлены на сдерживание, минимизацию, недопущение рецидивной преступности. Таким образом, на данном уголовно-процессуальном этапе одновременно реализуется также и предупредительный, следовательно, и превентивный потенциал права.

Д. В. Г а л к и н,
кандидат юридических наук
(Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации)

ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В РЕГИОНАХ

Одним из ключевых моментов в реформе правоохранительных органов в России является вопрос об оценке их деятельности и поддержании их связи с текущими запросами общества. Одним из основных критериев официальной оценки деятельности органов внутренних дел в соответствии с ч. 6 ст. 9 Федеральный закон «О полиции» является общественное мнение. С 2009 г. оно изучается путем проведения социологических опросов независимыми социологическими службами. В последние годы изучение общественного мнения о деятельности полиции проводится Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России. В соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами, кроме общественного мнения, критериями оценки являются статистические показатели преступности, собираемые и систематизируемые Главным информационно-аналитическим центром МВД России и информационными центрами органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, в настоящее время главные критерии оценки деятельности полиции – это статистика преступности и общественное мнение. Рассмотрим достоинства и недостатки этих инструментов управления правоохранительной деятельностью.

В большинстве регионов страны опросы граждан фиксируют те же тенденции, что и официальная статистика преступности. Так, например, по данным Главного информационного центра МВД России, в 2012 г. в Амурской области количество преступлений снизилось – по сравнению с 2011 г. их число сократилось на 1 %. При этом снизилось количество преступлений, относящихся к категории наименее латентных. Так, число убийств сократилось на 18 %, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 3,5 %. Количество зарегистрированных в Амурской области грабежей, по сравнению с предыдущим годом, снизилось на 5 %, нарушений правил дорожного движения, повлекших смерть человека, – почти на 14 %. Аналогич-

ные тенденции фиксируют социологические опросы. По данным очередного исследования, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2012 г., на фоне общероссийских федеральных показателей в Амурской области наблюдается низкий уровень социальной тревожности, всевозможных криминологических страхов и опасений. При этом данный показатель улучшился, по сравнению с результатом 2011 г.: доля респондентов, ответивших, что жизнь стала опаснее, уменьшилась на 16 процентных пункта (с 63 до 47). Позитивная динамика представлена рядом показателей, характеризующих отношение граждан к сотрудникам полиции, а положительные перемены в работе полиции Амурской области отметили большинство респондентов¹.

Вместе с тем изучение общественного мнения на основе социологических опросов выявляет лишь общие тенденции изменения в субъективных ощущениях безопасности граждан и их отношения к правоохранительной системе и не способствуют достижению цели, заявленной в ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О полиции» – стремлению полиции обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан.

Социологические опросы в данном формате (с размером выборки в несколько сотен человек в каждом регионе) не позволяют:

выявить конкретные правовые, организационные и иные проблемы в деятельности органов внутренних дел того или иного региона;

акцентировать работу органов внутренних дел региона на наиболее важных и актуальных, с точки зрения общественности, направлениях правоохранительной деятельности;

обоснованно и юридически грамотно сформулировать предложения по совершенствованию деятельности органов внутренних дел на предстоящий период.

Таким образом, даже в самых малонаселенных регионах абсолютное большинство граждан не принимает участия в обсуждении и оценке деятельности органов внутренних дел, что не способствует росту доверия и поддержке граждан. В то же время обеспечить прямое участие большинства жителей региона в этом процессе экономически неэффективно. Однако и увеличение числа респондентов не решает обозначенных выше проблем. Наиболее объективное мнение может быть сформулировано у граждан, непосредственно контакти-

¹ См.: Прогноз развития криминальной ситуации на территории Амурской области до 2016 года с учетом изменения социально-экономических условий. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. С. 87.

рующих с полицией при разрешении конкретного процесса (события, правонарушения), но это небольшая часть граждан. Что касается подавляющего большинства, то следует отметить, что население в большей своей части не имеет непосредственных контактов с полицией. Более того, в дальнейшем при активной, эффективной работе полиции во всех сферах своей деятельности непосредственный контакт будет сокращаться, так как при активизации работы полиции меньше будет преступлений, административных правонарушений. Следовательно, объективность оценки снижается. Таким образом, и граждане, и полиция заинтересованы в объективности информации о деятельности полиции, получаемой из всех источников².

Опыт аналитической и прогнозной работы по вопросам правоохранительной деятельности показывает, что при отсутствии конкретной фактической информации граждане склонны оценивать состояние борьбы с преступностью скорее отрицательно, чем положительно. Общественное сознание фиксирует в памяти отдельные отрицательные моменты, игнорируя позитивные тенденции.

Особый, более гибкий подход необходим при оценивании эффективности работы полиции по отдельным направлениям, например, деятельности подразделений по экономическим и финансовым правонарушениям, деятельности по реализации законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности (деликтного законодательства субъектов) и в некоторых других сферах правоохранительной деятельности. Непрофессионалу сложно оценить эффективность работы полиции по этим направлениям. Эта работа не влияет напрямую на ощущения граждан о собственной безопасности, на выявлении которых основано большинство вопросов анкеты. Общественность судит об этом направлении работы полиции лишь по громким уголовным делам, освещаемым в средствах массовой информации.

Административная деятельность полиции часто подвергается жесткой критике со стороны общественности – как в средствах массовой информации, так и в ходе социологических опросов. Не секрет, что деятельность правоохранительных органов является весьма специфической и не находит поддержки среди отдельных слоев населения, мнение которых тоже может быть учтено при опросе граждан. Массовое общественное сознание поддерживает в основном деятель-

² См.: Идрисова С. Мнение граждан как основной критерий оценки деятельности полиции // Профессионал. М., 2012. № 1 (105). С. 35.

ность полиции по борьбе с тяжкими преступлениями, ратует за более серьезные наказания для преступников и гораздо меньше поддерживает административную деятельность полиции, не осознавая ее важного превентивного значения. Статистика административной деликтности в России, а также оценка ее латентной составляющей позволяют говорить о том, что практически каждый взрослый российский гражданин попадал в поле зрения полиции как нарушитель административно-деликтного законодательства. Часто нарушаются правила дорожного движения, охоты и рыболовства и многие другие.

Официальная статистика преступности как источник сведений для оценки эффективности полиции также не лишена недостатков. После знакомства с данными уголовной статистики, особенно если они демонстрируют столь существенные положительные тенденции в изменении криминальной ситуации, у многих специалистов, не говоря уже про широкую общественность, возникает вопрос: насколько можно доверять приведенным цифрам? Несомненно, столь впечатляющие показатели снижения преступности могут вызвать скепсис даже у части профессионального правоохранительного сообщества, не говоря уже про граждан, не знающих «изнутри» работу полиции и не знакомых с системой уголовной статистики, с технологией регистрации преступлений. Недоверие подогревается заявлениями некоторых российских государственных и общественных деятелей, выступающих с критикой отечественной правоохранительной системы и откровенно не доверяющих ведомственной статистике преступлений. Вину отечественной системе учета преступлений ставится, прежде всего, высокий уровень латентной преступности, то есть преступлений, по объективным и субъективным причинам не учтенных официальной статистикой.

Вместе с тем иных действенных показателей оценки криминальной ситуации и состояния правопорядка в обществе, кроме уголовной статистики, в нынешней российской действительности просто не существует. Да, в новом законе «О полиции» закреплён принцип учета общественного мнения об эффективности деятельности полиции в целях оценки последней, однако не предусмотрено механизмов и процедур реализации этой, без всякого сомнения, прогрессивной нормы. В системе МВД России с 2009 г. принято решение о ежегодном проведении независимых социологических опросов о состоянии правопорядка и деятельности полиции в каждом субъекте Российской Федерации. Но параметры и условия проведения опросов таковы, что

они делают их результаты мало пригодными для объективной оценки криминальной обстановки в регионе³.

Между тем возможности использования уголовной статистики как средства объективной оценки состояния правопорядка отнюдь не исчерпаны. Действительно, большую часть регистрируемых преступлений в Хабаровском крае составляют имущественные преступления – кражи (45 %), грабежи (8 %), мошенничества (4 %), а также преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (7 %) и экономические преступления (5 %). Необходимо отметить, что такая структура преступности в последние годы типична для подавляющего большинства субъектов Российской Федерации. Все перечисленные виды преступлений имеют высокий уровень латентности. По оценкам специалистов, реальное количество таких криминальных деяний, по сравнению с официально зарегистрированными фактами, может быть в несколько раз и даже десятков раз выше.

В то же время другие виды преступлений учитываются официальной статистикой гораздо более полно, что позволяет по показателям их уровня и динамики судить об изменениях в состоянии правопорядка. К таковым можно отнести, в частности, убийства. В связи с этим характеристика совершаемых убийств приобретает особое значение, позволяя объективно оценивать изменения динамики и уровня всей преступности. Таким образом, данные об убийствах могут служить индикатором реального состояния преступности.

Конечно, определенный уровень латентности присутствует и в этом сегменте преступности, о чем говорят данные о лицах, пропавших без вести и находящихся в розыске в течение продолжительного времени. Очевидно, что некоторые из лиц, местонахождение которых не установлено, могли стать жертвами преступлений. Тем не менее, по сравнению с другими видами криминальных деяний, доля латентной составляющей среди тяжких насильственных преступлений является минимальной.

В силу особенностей отечественного уголовного законодательства к наименее латентным видам преступлений можно также отнести преступления, квалифицируемые по ч. 4 ст. 111 УК РФ – (причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть человека). В большинстве стран мира такой нормы нет, а подобные криминальные действия квалифицируются как убийства.

³ См.: Никитенко И.В., Галкин Д.В. Общественное мнение как один из основных критериев оценки правоохранительной деятельности в контексте Федерального закона «О полиции» // Полиция УМВД России по Хабаровскому краю. 2011 г. № 7.

Удельный вес традиционных видов насильственной преступности в ее общей структуре относительно мал, в последние годы он составляет около 4–5 %, в зависимости от региона. Тем не менее, именно к тяжким насильственным преступлениям приковано наибольшее внимание общественности и средств массовой информации, раскрытие именно этих преступлений служит одним из главных критериев оценки населением полицейской работы.

Конечно, показатели убийств и причинений тяжкого вреда здоровью не отражают всего спектра криминальных проявлений. Динамика имущественных, экономических и некоторых других видов преступлений может не совпадать с динамикой тяжелой насильственной преступности против личности, к которым относятся рассмотренные нами преступления. Показатели динамики и уровня тяжких насильственных преступлений – убийств и причинения тяжкого вреда здоровью – не могут претендовать на роль единственного объективного индикатора степени напряженности криминальной ситуации и состояния правопорядка на той или иной территории.

Очевидно, что система регистрации преступлений и иных правонарушений требует дальнейшего совершенствования. Несомненно, что одним из основных его направлений станет повышение доступности и прозрачности уголовной статистики⁴. Статистические сведения о состоянии преступности в России не являются сведениями, отнесенными к государственной тайне, тем не менее доступ к ним весьма затруднен. Возможно, компромиссным могло бы стать решение о публикации данных уголовной статистики в открытых источниках, доступных для каждого гражданина, например, на интернет-сайте МВД России. Доступ гражданского общества к данным уголовной статистики позволит повысить ее объективность, укрепить доверие граждан к деятельности правоохранительных органов. Одним из последних шагов, сделанных в данном направлении, стало создание интернет-сайта правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на котором представлены в открытом доступе некоторые сведения о состоянии, структуре и динамике преступности в России и за рубежом. Сайт www.crimestat.ru запущен в 2013 г. и служит для информирования граждан о состоянии преступности в отдельных субъектах Федерации и стране в целом, для сравнения Рос-

⁴ См.: Лузин А.В., Галкин Д.В. Влияние прикладных исследований на организацию оперативно-служебной деятельности // Профессионал: правовой альманах МВД России 2011 г. № 4 (102) С. 13–15.

сии с другими странами мира по ряду ключевых показателей, характеризующих криминальную ситуацию⁵.

Изложенные аргументы указывают на необходимость и целесообразность опосредованного участия граждан в оценке деятельности органов внутренних дел. Представляется, что более профессиональную и юридически грамотную оценку деятельности органов внутренних дел, в то же время основанную на мнении общественности, могли бы дать представительные органы власти субъектов Российской Федерации, в частности, в Хабаровском крае – Законодательная Дума Хабаровского края.

Такой элемент общего механизма оценки деятельности органов внутренних дел, во-первых, позволит более полно учесть в работе органов внутренних дел интересы и мнение общественности региона, во-вторых, даст возможность руководству органов внутренних дел довести до сведения общественности и региональных властей профессиональное видение сложившейся криминальной ситуации и имеющихся проблем в правоохранительной деятельности, и в-третьих, обеспечит органам внутренних дел поддержку региональных и муниципальных властей в профилактике и предупреждении преступности. Такая поддержка, а также слаженные совместные действия федеральных правоохранительных органов и региональных властей имеют важнейшее значение в предупреждении преступности.

Возможность региональных и муниципальных властей влиять на организацию правоохранительной работы на территории является одним из важнейших элементов эффективного обеспечения общественной безопасности в условиях федеративного государства. Принцип софинансирования органов внутренних дел – одновременно из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации – отменен в ходе реформы органов внутренних дел в 2011 г. В настоящее время деятельность органов внутренних дел финансируется исключительно из средств федерального бюджета. Необходимость более гибкого подхода к формированию структуры полицейских служб и их материально-техническому обеспечению, подразумевающего участие региональных и муниципальных властей, признана руководством МВД России и экспертами⁶.

Представительные (законодательные) органы власти субъектов Российской Федерации могли бы давать свою формализованную

⁵ См.: URL: www.crimestat.ru (дата обращения: 03.09.2018).

⁶ См.: Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: www.mvd.ru (дата обращения: 03.09.2018).

оценку деятельности органов внутренних дел соответствующего региона с учетом данных социологических опросов в регионе и результатов комплексного криминологического анализа преступности.

Представленные предложения не противоречат ст. 71–73 Конституции Российской Федерации, регламентирующим разграничение предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, а также не противоречат другим нормам федерального законодательства.

Возможна детализация критериев оценки, например, по следующим направлениям:

- роль полиции в противодействии экономической преступности в регионе;

- предупреждение хищений и нецелевого использования средств бюджета субъекта Российской Федерации и муниципальных бюджетов в регионе;

- состояние правопорядка в общественных местах и на улицах, работа патрульных нарядов в населенных пунктах региона;

- противодействие правонарушениям, свойственным для отдельных регионов (например, в Хабаровском крае – незаконные порубки леса, добыча рыбы осетровых пород в бассейне реки Амур).

Возможно, что оценка деятельности полиции представительными органами власти субъектов не обязательно должна немедленно вытеснить ныне существующие критерии оценки. На первоначальном этапе, а возможно, и в дальнейшем разные подходы к оцениванию эффективности полицейской работы не исключают друг друга и могут использоваться параллельно.

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преступность России (по итогам 9 мес. 2018 г.) характеризуется продолжающейся тенденцией снижения ее статистических показателей (рис. 1).

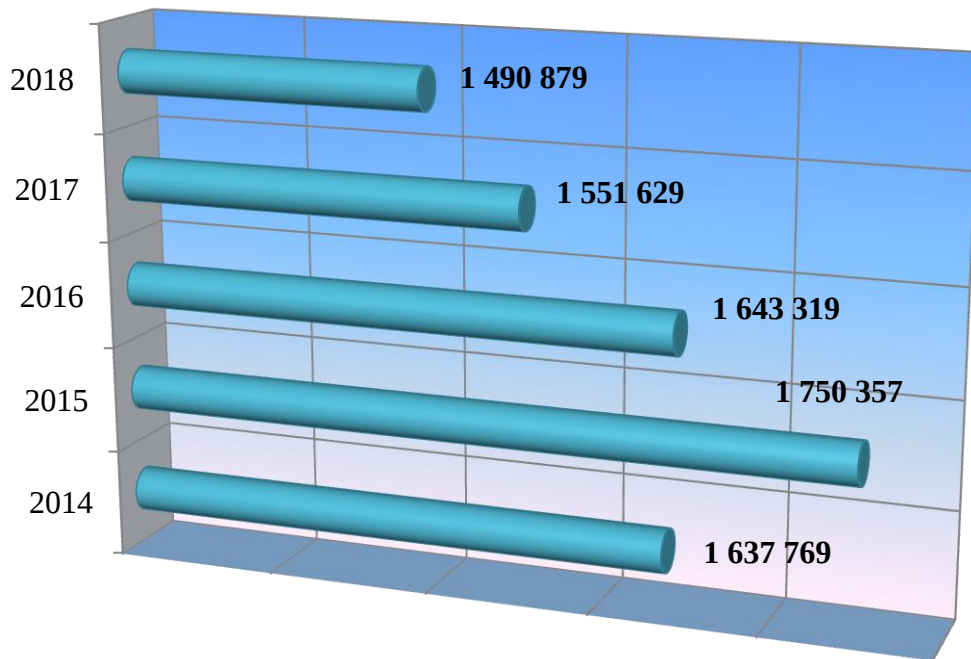

Рис. 1. Динамика преступности в России в январе–сентябре 2014–2018 гг.

В указанный период зарегистрировано 1 490 879 преступлений (–3,9 %). Снижение показателей преступности произошло за счет преступлений всех категорий – особо тяжких (–1,8 %, всего – 84 818), тяжких (–1,5 %, всего – 248 837), средней тяжести (–6,4 %, всего – 490 394) и небольшой тяжести (–3,2 %, всего – 666 829).

Снизилась абсолютные показатели преступлений террористического характера (–10,4 %, всего – 1 341), экстремистской направленности (–2,9 %, всего – 1 165); преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (–4,4 %, всего – 21 705) и наркотиков (–4,6 %, всего – 151 252); экологических деяний (–1,0 %, всего – 17 767).

Тенденцию снижения абсолютного числа преступлений повторяет число лиц, выявленных за совершение преступлений, которое по итогам 9 мес. 2018 г. снизилось на 3,6 % (713 129) (рис. 2).

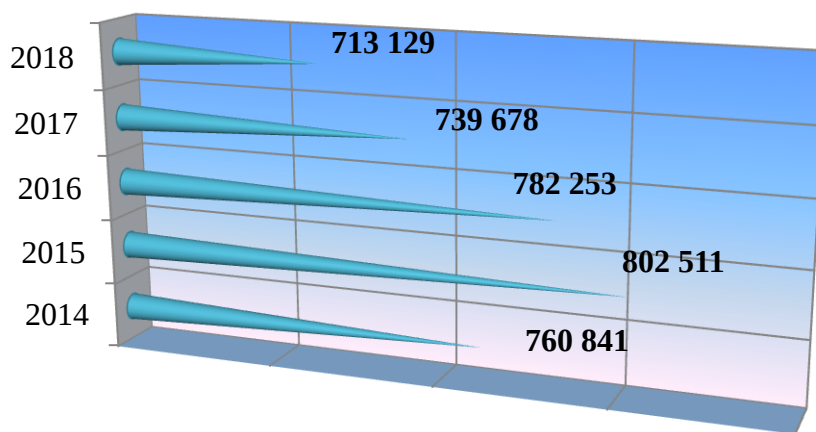

Рис. 2. Динамика числа лиц, выявленных за совершение преступлений в России в январе-сентябре 2014–2018 гг.

Следует отметить, что снижение показателей регистрируемой преступности характерно не только для Российской Федерации, это общемировая тенденция, связанная с трансформациями уголовного законодательства, выражающимися:

- в развитии так называемого дополнительного уголовного законодательства;

- преобразовании гражданского законодательства;

- замещении узкоотраслевой уголовно-правовой специализации межотраслевым подходом.

Кроме того, на снижение зарегистрированных показателей преступности оказывают влияние следующие обстоятельства:

- «традиционную» преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые высоколатентные виды преступлений эпохи научно-технического прогресса, в частности, киберпреступность. Так, по итогам 9 мес. 2018 г. значительно выросло число преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (+94 %, всего – 121 247);

- снижается криминальная активность лиц молодого возраста (до 25 лет), чья социальная жизнь все больше перемещается в виртуальный мир интернета. Статистические данные фиксируют продолжающееся снижение числа несовершеннолетних, совершивших преступления, а также учащихся и студентов (в 2017 г.: –16,7 % и –12,2 %; в 2018 г.: –3,7 % и –1,2 % соответственно);

- повышается общая «секьюритизация» (видеокамеры, беспилотники, охранная сигнализация и т. п.);

- происходит либерализация общественных отношений (смягчаются санкции уголовного закона, расширяются права участников про-

цесса со стороны защиты с одновременным ограничением (либо существенным усложнением порядка реализации) полномочий правоохранительных органов – стороны обвинения)¹.

Сохраняет актуальность проблема латентной преступности, уровень которой остается высоким. При среднем числе регистрируемых преступлений 2,5-3 млн, латентность по разным методикам расчета составляет 22 млн посягательств². Об этом свидетельствуют:

низкая регистрация «интеллектуальных» деяний;

тот факт, что 65,1% всех выявленных за совершение преступлений являются лицами «без постоянного источника доходов», в своем большинстве способными совершать лишь традиционные общеуголовные деяния;

имеющие место факты «соглашений» между потерпевшими и преступниками;

недостаточно высокий уровень доверия части населения правоохранительным органам. По данным социологических измерений ФСО России в 2017 г. уровень доверия им в среднем по России составил 38,3 % и по сравнению с 2016 г. незначительно, но снизился (39,06 %; –1,9 %)³.

О том, что криминальная ситуация на территории Российской Федерации не вполне благополучна, свидетельствует и все большее внедрение преступности в социальную структуру общества; ее адаптированность к происходящим изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса; перерождение в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля; смещение мотивов преступного поведения в сторону корыстных со стремлением извлечения быстрых сверхдоходов; развитие «преступлений ненависти» по мотивам национальной, расовой, религиозной вражды, религиозной неприязни или вражды; в отношении сексуальных и иных меньшинств и других проявлений ксенофобии⁴.

¹ См.: Ищенко Е.П. О насущных проблемах раскрытия и расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 130.

² См.: Репецкая А.Л. Современное состояние преступности и правоохранительная деятельность: перспективы развития // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 72.

³ См.: Преступность в России: современные тенденции и прогноз развития: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. С. 9.

⁴ См.: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова, и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 4–5.

Несмотря на уменьшение количественных объемов подавляющего большинства преступлений, в структуре преступности увеличилось число преступлений экономической (+3,5 %, всего – 92 961) и коррупционной (+0,6 %, всего – 25 004) направленности; связанных с оборонно-промышленным комплексом (+13,6 %, всего – 518). Незначительно возросла доля особо тяжких преступлений с 5,6 % в 2017 г. до 5,7 % в 2018 г. Также увеличилась и доля тяжких преступлений +0,4 %.

Структура преступности в исследуемом периоде 2018 г. в сравнении с итоговыми показателями 2017 г. значительных изменений не претерпела. Традиционно основную массу деяний составили преступления против собственности (53,0 %; 790 359), против личности (9,8 %; 145 823) и связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (10,1 %; 151 252). Остальные группы деяний распределены следующим образом: преступления экономической направленности (6,2 %; 92 961), коррупционной направленности (1,7 %; 25 004), связанные с незаконным оборотом оружия (1,5 %; 21 705); экологические (1,2 %; 17 767); террористического характера (0,1 %; 1 341); экстремистской направленности (0,1 %; 1 165) и иные (16,3 %; 243 502) (рис. 3).

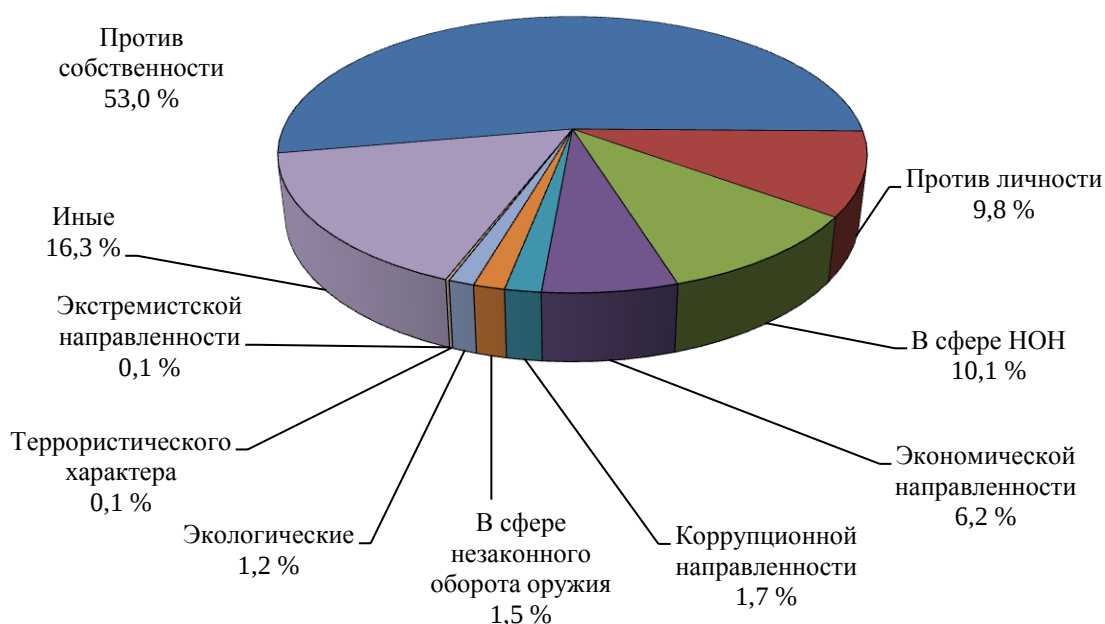

Рис. 3. Структура преступности в России в январе–сентябре 2018 г.

По итогам анализа статистических показателей за 9 мес. 2018 г. преступность в России характеризуется следующим образом:

снижением абсолютных значений преступлений всех категорий – особо тяжких, тяжких, средней и небольшой тяжести;

ростом преступлений экономической и коррупционной направленности, связанных с оборонно-промышленным комплексом, а также совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий;

традиционным преобладанием в структуре преступлений против собственности и личности, деяний в сфере незаконного оборота наркотиков;

снижением общего числа лиц, выявленных за совершение преступлений.

В целом сохраняющаяся отрицательная динамика числа зарегистрированных преступлений позволяет предположить, что по итогам 2018 г. будет зафиксировано снижение количественных показателей преступности.

Н. Н. Дьяченко,
кандидат юридических наук
(Главное управление собственной
безопасности МВД России)

ЗНАЧЕНИЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К ПОЛИЦИИ

Динамика последних лет указывает, что несмотря на все принимаемые меры, в том числе проведенное реформирование ОВД, не удастся преломить ситуацию, связанную с восприятием полиции гражданами. Большая часть граждан откровенно не доверяет полиции и предпочитает решать возникающие проблемы самостоятельно либо путем обращения в иные государственные органы.

По данным исследований, проведенных службой специальной связи и информации ФСО России, о своем доверии полиции в обеспечении личных и имущественных интересов от преступных посягательств в 2016 г. заявили 38 % граждан. Одновременно, согласно материалам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), число лиц, доверяющих полиции, в 2016 г. сохраняется на уровне прошлого года и составляет 47 %, что ниже уровня доверия 2014 г. – 56 %. Результаты аналогичного исследования, проведенного группой «Левада-центр», демонстрируют еще более низкие показатели уровня доверия населения: 2016 г. – 24 % (2015 г. – 29 %; 2014 г. – 21 %)¹.

На отношение общества к полиции в значительной степени оказала влияние масштабная кампания по дискредитации органов внутренних дел и их сотрудников в средствах массовой информации и сети Интернет, ведущаяся на протяжении последних 20 лет. Это и негативные сюжеты о деятельности полицейских, и юмористические картинки, порой в довольно жесткой форме высмеивающие недостатки российской полиции, и кино- и телесериалы, основными героями которых зачастую выступают стражи порядка, нацеленные исключи-

¹ См.: Общественное мнение о деятельности полиции по данным опросов ведущих социологических организаций России: аналитический обзор с предложениями. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2015; О деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2016 году: информационные материалы по результатам работ по исследованию общественного мнения. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России». С. 3, 14, 18, 20.

тельно на личное обогащение с применением криминальных методов и средств.

В российском обществе отмечается повышенный спрос на скандальную информацию о деятельности ОВД. В СМИ отмечается явный перекос в сторону публикации негатива о полиции, общественные и политические деятели в своих выступлениях привлекают внимание к полицейскому произволу и коррупции, граждане активно используют сеть Интернет для повышения собственных рейтингов путем видео- и фоторепортажей о недостатках в работе полиции, деятельность органов внутренних дел бурно обсуждается на интернет-форумах и в сообществах.

Только в 2016 г. в СМИ и на интернет-ресурсах опубликовано 42 030 521 материалов, затрагивающих сферу интересов органов внутренних дел. При этом детальный их анализ свидетельствует о приоритете материалов о негативе в деятельности Российской полиции. Это легко можно проследить из данных о количестве публикаций в СМИ:

о задержании 8 сентября 2016 г. заместителя начальника управления «Т» ГУЭБиПК МВД России Дмитрия Захарченко при проведении совместного мероприятия ФСБ России и ГУСБ МВД России – 8 842 публикации;

о героическом поступке, совершенном 10 июля 2016 г. младшим лейтенантом полиции Магомедом Нурбагандовым, удостоенным посмертно звания Героя России, – 1 822 публикации.

о спасении 1 сентября 2016 г. сотрудником ГУ МВД России по г. Москве старшим сержантом полиции Михаилом Панкратовым полуторагодовалого ребенка, упавшего в коллектор в г. Бронницы, – 64 публикации;

о спасении 31 октября сотрудниками ГУ МВД России по Кемеровской области 14 человек из горящего деревянного многоквартирного дома в г. Мариинске – 50 публикаций².

Как явствует из приведенной подборки, факт противозаконного поведения сотрудников имеет в глазах граждан куда большую информационную ценность, чем сведения о героизме, проявленном полицейскими при исполнении служебного долга.

Спрос на подобного рода скандальные публикации формирует соответствующее предложение со стороны СМИ, информационных агентств, блогеров, обозревателей, журналистов и проч. При этом ря-

² Письма УОС МВД России от 7 июля 2016 г. исх. № 23/867; 19 авг. 2016 г. исх. № 23/1081; 5 окт. 2016 г. исх. № 23/1335; 10 янв. 2017 г. исх. № 23/10.

довой гражданин, не обладающий специальными юридическими познаниями, не задумывается о причинах и следствиях, а смело переносит единичный негативный факт на деятельность ОВД.

Распространению дискредитирующей информации о деятельности полиции способствует не только ее востребованность, но также легкость и абсолютная бесконтрольность опубликования подобных сведений, особенно в сетевом пространстве. Этим пользуется широкий круг лиц для реализации собственных целей, начиная от самопиара и зарабатывания денег и заканчивая противодействием деятельности полиции по выявлению противоправных деяний.

Например, в январе 2016 г. известным блогером Э.Д. Китуашвили были размещены в сети Интернет видеоролики под названием: «Охота на Давидыча», содержащие порочащую информацию в отношении руководства ГУ МВД России. Согласно проведенной проверке, целью размещения указанных материалов было оказание давления на руководство ГУ МВД России по г. Москве и избегание ответственности³.

Публикации обусловили резкое повышение рейтингов пользователя: если в 2015 г. по запросу «Эрик Давидович» поисковой системой «Яндекс» составлялось около 50 тыс. показов ежемесячно, то начиная с января, их количество начало резко расти и в феврале достигло 200 тысяч. На волне этого интереса интернет-пользователям ежемесячно составляется свыше 1 000 показов по запросу видеоролика «Охота на Давидыча», в том числе порядка 30 пользователей было ориентировано на скачивание указанных роликов⁴.

Подобного рода «сетевое лихачество» порождает худшие примеры социального подражания. В итоге видеосервисы сети Интернет заполнены сюжетами, в которых граждане препятствуют сотрудникам полиции исполнять служебные обязанности и под предлогом общественного контроля откровенно их провоцируют. Такие видеоролики вызывают бурные дискуссии, набирая по несколько страниц с комментариями, содержащими порочащие и оскорбительные выска-

³ Заключение от 9 февраля 2016 года по результатам проверки по факту размещения в сети Интернет видеоматериалов: «Охота на Давидыча. Удар первый» и «Охота на Давидыча. Удар второй» (вх. № 15231 от 28 дек. 2015 г.); заключение по результатам проверки рапорта начальника УГИБДД ГУ МВД России по г. Москве (вх. № 13932 от 30 нояб. 2015 г.) (исх. ГУ МВД России по г. Москве от 16 февр. 2016 № 100/665).

⁴ См.: URL: <https://wordstat.yandex.ru/#!/history?words=%D0%AD%D1%80%D0%B8%D0%BA%20%D0%94%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 02.02.2017).

зывания в отношении полицейских, служб и подразделений органов внутренних дел, а также МВД России в целом.

Например, 3 августа 2015 г. гр. Ширмановым Е.А. была осуществлена видеосъемка с последующим размещением в сети Интернет видеоролика о деятельности сотрудников ГИБДД УМВД России по г. Пензе под названием «Сказ о том, как 10 Пензяков-ГАИшников составляли один протокол».

Во время видеосъемки гражданин активно вмешивался в служебную деятельность сотрудников полиции, препятствовал составлению административного материала, за что был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Решением суда по гражданскому делу от 18.02.2016 г. № 2-203(1)/2016 видеоролик гр. Ширманова Е.А. был признан не содержащим сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сотрудника. Вместе с тем на протяжении восьми месяцев с момента публикации только на одном из интернет-ресурсов указанный ролик собрал больше сотни комментариев порочащего характера: «стадо баранов, ни одного юридически подкованного полиция, все знания поверхностные»; «клоуны в погонах», «чмо в форме полицейского» и проч.⁵

Негативную роль в общественном восприятии полиции играют публичные высказывания политиков, правозащитников, журналистов относительно действий сотрудников органов внутренних дел, которые также получают широкое распространение в средствах массовой коммуникации.

В частности, в марте 2015 г. на официальном интернет-сайте ЦК КППРФ-KPRF.RU опубликована статья депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члена Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Синельщикова Ю.П. «Почему юристы нарушают закон»⁶, в которой автором дается довольно резкая оценка деятельности судей, работников прокуратуры, следователей, дознавателей, инспекторов ГИБДД, адвокатов, судебных приставов, нотариусов и проч.

Как показывает анализ указанной публикации, громкие критические утверждения автора не подтверждаются ни данными прове-

⁵ См.: URL: <http://www.moscatalogue.ru/videos/wwwveKdDnfSk-video.html> (дата обращения: 14.04.2016). Авторская орфография и пунктуация сохранены.

⁶ См.: URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/140909.html?print/> (дата обращения: 14.05.2015).

денных прежде авторских исследований, ни официальной статистикой или ссылками на официальные издания. Примеры коррумпированности должностных лиц не содержат ссылок на материалы судебных решений, что вступает в явное противоречие со ст. 49 Конституции Российской Федерации. По тексту автор выказывает неосведомленность о проводимых МВД России мероприятиях в рамках противодействия коррупции, а в подтверждение собственных доводов ссылается на свой опыт работы в прокуратуре и в Государственной Думе. Таким образом, указанная публикация не соответствует требованиям, предъявляемым для научной статьи⁷, и фактически является частной позицией гражданина, высказанной публично с применением средств сети Интернет.

Как свидетельствуют результаты исследований⁸, будучи заявленной официальным лицом, облаченным весомым социальным статусом, негативная информация принимается на веру без какого-либо критического ее осмысления.

Следствием подобных злоупотреблений свободой слова выступает падение общественного доверия к правоохранительной системе государства. Происходит трансформация роли полицейского от защитника к «оборотню в погонах», которая вызывает откровенно агрессивную реакцию граждан.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, в течение последних нескольких лет ежегодно регистрируется порядка 25 000 преступлений, совершаемых в отношении личного состава органов внутренних дел, из них более 75 % – при исполнении сотрудниками служебных обязанностей. Третья часть указанных посягательств осуществляется с применением насилия.

Только в 2016 г. в отношении сотрудников органов внутренних дел совершено 24 471 преступление, при этом 20 439 потерпевших находились при исполнении служебных обязанностей. В результате преступных посягательств пострадали 27 007 чел., из них 139 чел. погибли, 172 чел. причинен тяжкий вред здоровью.

⁷ См. подробнее: Викулов С.Ф. О требованиях к подготовке и оформлению научных статей: методические рекомендации по подготовке к изданию научных статей. М., 2011.

⁸ См.: Отчет по результатам проблемного экспресс-исследования в целях оперативного информационного обеспечения принятия управленческих решений в системе МВД России. В рамках научно-исследовательской работы «Исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел» Российской Федерации» / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: РГСУ, 2015.

Из года в год каждое второе преступление, совершаемое в отношении личного состава ОВД, связано с оскорблением представителя власти (ст. 319 УК РФ). В 2016 г. зафиксировано 13 038 таких деяний (их число в предыдущие годы составило 11 946 – 2015 г., 11 490 – 2014 г., 9 694 – 2013 г.)⁹. (рис. 1).

Растет число заведомо ложных доносов – 61 в 2016 г. (62 в 2015 г., 47 в 2014 г.).

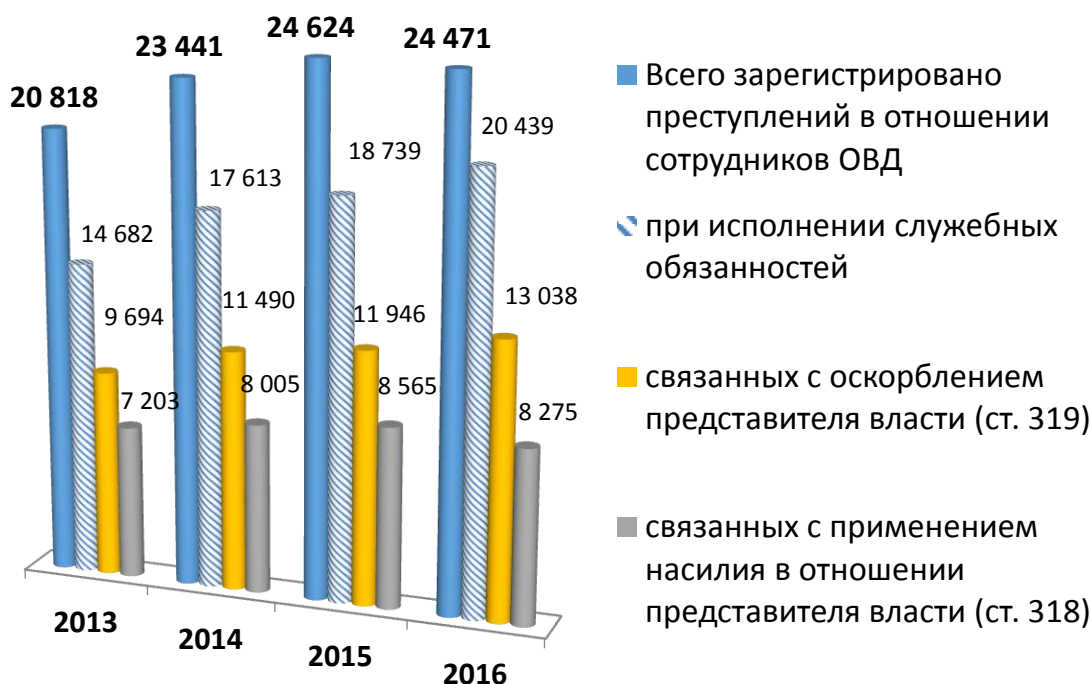

Рис. 1. Количество преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД

Одновременно с противоправными посягательствами растет число необоснованных заявлений граждан в отношении сотрудников полиции. Изучение динамики обращений в подразделения собственной безопасности на неправомерные действия сотрудников полиции показало, что половина из них в ходе проведения проверок не находит своего подтверждения.

Таким образом, в настоящее время значительное количество ресурсов системы МВД России затрачивается на проверку откровенно ложной информации и последующее восстановление нарушенных че-

⁹ Сводный отчет по России о противоправных посягательствах в отношении сотрудников ОВД за 2012–2016 гг.; Экспресс-информация по России о противоправных посягательствах в отношении сотрудников ОВД за 2012–2016 гг.

сти и достоинства сотрудников, а также деловой репутации подразделений ОВД в ущерб работе по исполнению иных функций.

С учетом приведенных данных, можно утверждать, что в современных условиях дискредитация приобрела массовый характер и повсеместную распространенность, а формирование негативного общественного мнения об ОВД России привело к осложнению условий деятельности личного состава, исключая возможность полноценного исполнения ими своих служебных обязанностей.

Отсутствие должного внимания к проблеме дискредитации способствует росту отчуждения между органами внутренних дел и населением, отказу граждан от сотрудничества с ОВД, что, в свою очередь, ведет к осложнению оперативной обстановки и росту преступности в стране.

Представляется, что противодействие дискредитации личного состава ОВД следует в обязательном порядке включать в систему мер по повышению рейтингов полицейского ведомства и формированию общественного доверия полиции.

А. В. Евсеев,
кандидат юридических наук;
И. Н. Чупис
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

АНАЛИЗ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Происходящие в настоящее время изменения во всех сферах жизнедеятельности нашего общества, сложившаяся криминогенная обстановка обостряют потребность в научном осмыслении процессов, явлений и факторов, влияющих на преступность.

Это связано, прежде всего, с тем, что принятие криминологически обоснованных управленческих решений, направленных на нейтрализацию существующих криминогенных угроз общественному порядку и общественной безопасности, требует формирования необходимой информационной базы, содержащей как всесторонний и глубокий анализ криминальной ситуации, так и прогнозные оценки возможных вариантов ее развития.

Научно обоснованные прогнозы будущего состояния преступности на объектах транспорта Российской Федерации¹ являются базой для подготовки органами внутренних дел² планов мероприятий по противодействию преступности на предстоящий период, предусматривающих разрешение вопросов организационного, материально-технического, финансового, кадрового и иных направлений обеспечения правоохранительной практики.

Следует отметить, что учеными-криминологами нашей страны анализу преступности и ее предупреждению уделяется приоритетное внимание.

Однако следует признать, что проблемы противодействия преступности на объектах транспорта, приоритеты превентивной деятельности остаются, как и прежде, недостаточно изученными.

Вместе с тем определение первоочередных задач профилактической работы, основанных на всестороннем и глубоком анализе криминальной ситуации, является необходимым и ключевым условием успешного противодействия преступности правоохранительными органами.

¹ Далее – России, РФ.

² Далее – ОВД.

Так, криминологический анализ показывает, что количество зарегистрированных преступлений на объектах транспорта России в 2017 г. составило 38 647 (+3,9 % к 2016 г.) (рис.1).

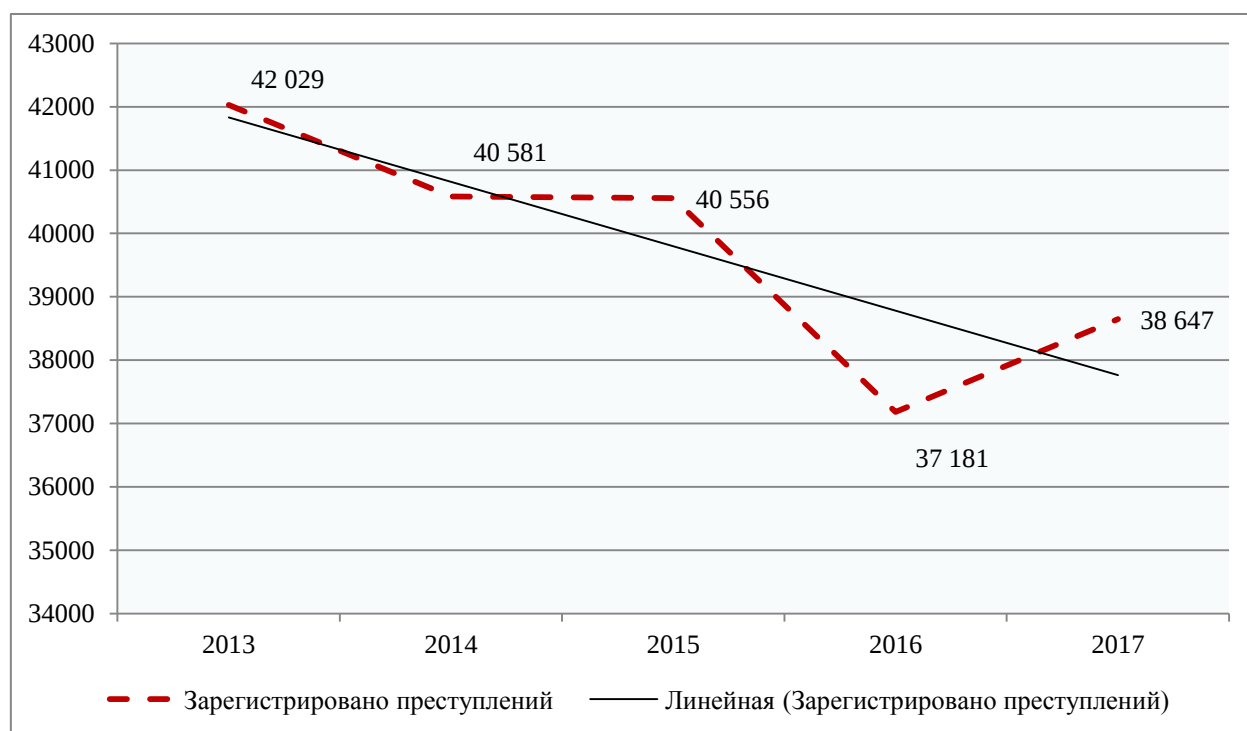

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Наибольший рост числа зарегистрированных преступлений на объектах транспорта России наблюдается на территории оперативного обслуживания УТ МВД России по Южному ФО (+34,3 %), Восточно-Сибирского ЛУ МВД России (+10,3 %) и УТ МВД России по Северо-Западному ФО (+8,5 %). Снижение данного показателя наблюдается на территории оперативного обслуживания УТ МВД России по Приволжскому ФО (–7,7 %) и УТ МВД России по Дальневосточному ФО (–4,5 %). При этом устойчивая динамика ежегодного увеличения числа зарегистрированных преступлений с 2014 г. усматривается только на объектах обслуживания Забайкальского ЛУ МВД России и УТ МВД России по Южному ФО.

В 2017 г. отмечено незначительное снижение количества выявленных лиц, совершивших преступления на объектах транспорта (–0,2 %), тенденция сокращения которых наблюдается в течение трех последних лет (табл. 1).

Таблица 1

Количество выявленных лиц, совершивших преступления на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Территориальные органы внутренних дел на транспорте	Годы					Прирост (+/–) к 2016 г., %
	2013	2014	2015	2016	2017	
Восточно-Сибирское ЛУ МВД России	1 397	1 227	1 173	1 014	1 208	+19,1
Забайкальское ЛУ МВД России	901	765	838	917	1095	+19,4
УТ МВД России по Центральному ФО	4 679	4 551	4 866	4 370	3 813	–12,7
УТ МВД России по Северо-Западному ФО	2 768	2 798	2 783	2 694	2 731	+1,4
УТ МВД России по Южному ФО	626	598	725	721	895	+24,1
УТ МВД России по Северо-Кавказскому ФО	2 005	1 774	1 761	1 570	1 816	+15,7
УТ МВД России по Приволжскому ФО	4 633	4 330	4 235	3 599	3 269	–9,2
УТ МВД России по Уральскому ФО	3 280	3 178	3 240	2 563	2 588	+1,0
УТ МВД России по Сибирскому ФО	3 016	2 979	3 192	2 649	2 848	+7,5
УТ МВД России по Дальневосточному ФО	2 178	2 183	2 170	2 111	1 910	–9,5
Симферопольское ЛО МВД России		112	194			
Транспорт России	25 483	24 495	25 177	22 208	22 173	–0,2
Всего по России	1012563	1006003	1075333	1015875	967103	–4,8

Вместе с тем на фоне роста особо тяжких и небольшой тяжести преступлений на 19,2 % и 6,5 % соответственно фиксируется снижение регистрации противоправных деяний, отнесенных к категории тяжких (–4,7 %) и средней тяжести (–0,1 %) (рис. 2).

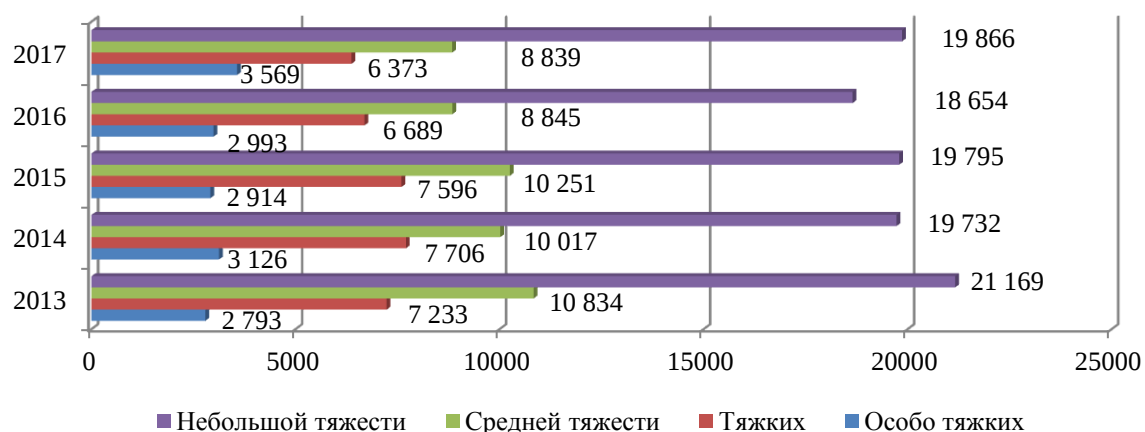

Рис. 2. Динамика количества зарегистрированных преступлений по степени тяжести на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Стоит заметить, что при устойчивой динамике снижения с 2014 г. количества тяжких и с 2015 г. – средней тяжести преступлений на протяжении последних трех лет наблюдается ежегодный рост числа зарегистрированных уголовно наказуемых деяний, отнесенных к категории особо тяжких (табл. 2).

Таблица 2

Количество зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации по степени тяжести (2013–2017 гг.)

Категории преступлений		Годы					Прирост (+/–) к 2016 г., %
		2013	2014	2015	2016	2017	
Всего		42 029	40 581	40 556	37 181	3 8647	+3,9
в том числе	Особо тяжких	2 793	3 126	2 914	2 993	3 569	+19,2
	Тяжких	7 233	7706	7 596	6 689	6 373	–4,7
	Средней тяжести	10 834	10 017	10 251	8 845	8 839	–0,1
	Небольшой тяжести	21 169	19 732	19 795	18 654	19 866	+6,5

В структуре преступности по-прежнему основную массу составляют преступления, отнесенные к категориям небольшой тяжести (51,4 %; 19 866) и средней тяжести (22,9 %; 8 839) (рис. 3).

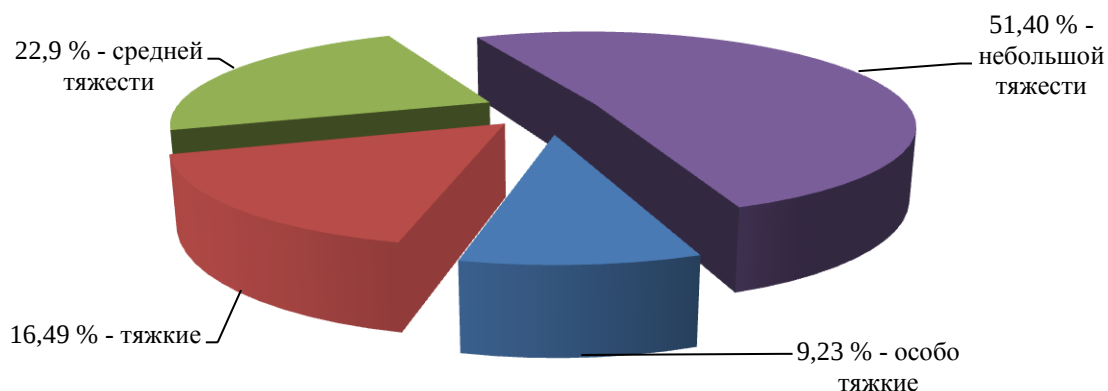

Рис. 3. Доля зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации по степени тяжести в 2017 г.

В прошедшем году на объектах транспорта зарегистрировано 5 877 преступлений экономической направленности (–6,1 % к 2016 г.), устойчивая динамика снижения которых наблюдается с 2015 г. (рис. 4).

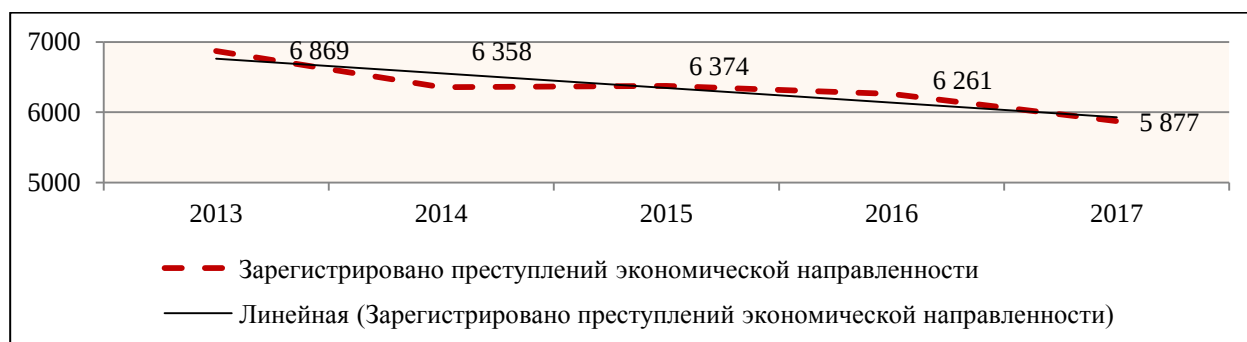

Рис. 4. Динамика количества зарегистрированных преступлений экономической направленности на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Снижение числа преступлений экономической направленности связано:

с реализацией государственной политики и совершенствованием нормативно-правового регулирования в области обеспечения экономической безопасности;

реализацией МВД России комплекса совместных мероприятий с Генеральной прокуратурой РФ, ФСБ России, Росфинмониторингом, ФНС России, Центральным Банком РФ, ФТС России, Минэнерго России, Росприроднадзором, Ростехнадзором по усилению борьбы с преступностью (в оборонно-промышленном и топливно-энергетическом комплексах, банковской и финансово-кредитной сферах);

распространением информации о подозрительных операциях, содержащих признаки экономических составов;

усовершенствованием методов выявления, раскрытия и профилактики преступных деяний и т.д.

Кроме того, состояние экономической преступности во многом зависит от активности органов внутренних дел в выявлении фактов ее проявления, поэтому, возможно, снижение показателей экономической преступности связано и с повышением латентной ее составляющей.

В 2017 г. в структуре экономической преступности зафиксированы наибольшие темпы роста следующих видов уголовно наказуемых деяний:

мошенничество в сфере страхования, ст. 159.5 УК РФ (+50,0 %);

присвоение и растрата, ст. 160 УК РФ (+35,6 %);

мошенничество при получении выплат, ст. 159.2 УК РФ (+20,2 %) (табл. 3).

Таблица 3

Количество отдельных видов преступлений экономической направленности, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Виды преступлений	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Прирост (+/–) к 2016 г., %
Мошенничество, ст. 159 УК РФ	1 891	1 606	1 564	1 390	1 553	+11,7
Мошенничество в сфере кредитования, ст. 159.1 УК РФ	22	44	15	24	19	–20,8
Мошенничество при получении выплат, ст. 159.2 УК РФ	186	120	134	119	143	+20,2
Мошенничество с использованием платежных карт, ст. 159.3 УК РФ	13	2	4	4	1	–75,0
Мошенничество в сфере страхования, ст. 159.5 УК РФ	0	2	2	4	6	+50,0
Мошенничество в сфере компьютерной информации, ст. 159.6 УК РФ	1	84	76	46	4	–91,3
Присвоение или растрата, ст. 160 УК РФ	711	597	641	542	735	+35,6

Следует отметить, что более чем на четверть сократилось количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (–25,5 % к 2016 г.), устойчивой динамики ежегодного роста (снижения) которых за рассматриваемый период не фиксируется (рис. 5).

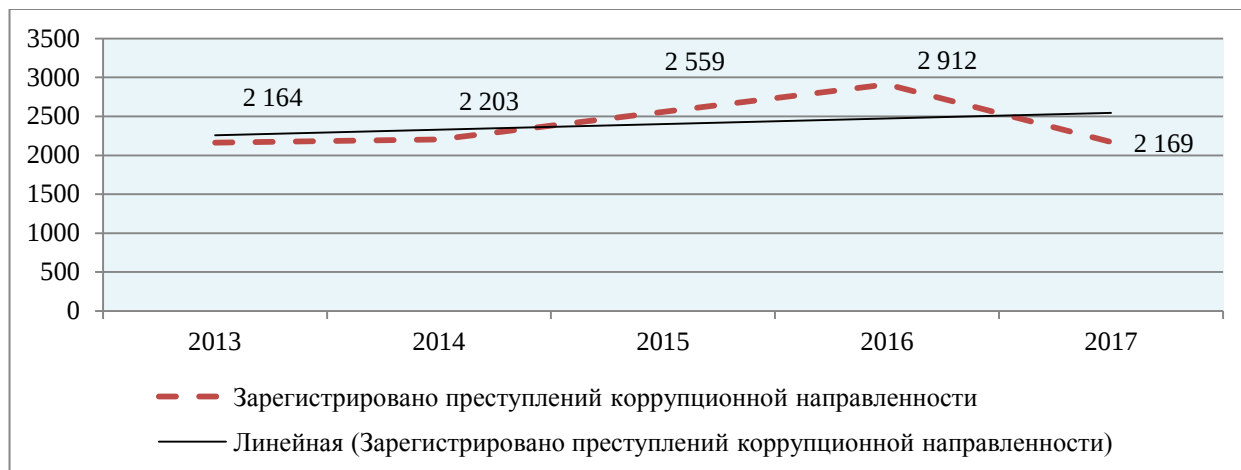

Рис. 5. Динамика количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Уменьшение количественных показателей преступлений коррупционной направленности может быть обусловлено:

реализацией мероприятий Национального плана по противодействию коррупции на 2016–2017 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147;

совместной работой правоохранительных органов по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений коррупционной направленности;

деятельностью созданных на федеральном и региональном уровнях межведомственных рабочих групп по противодействию коррупции и обеспечением их эффективной работой;

внедрением службы «Одного окна» и дистанционных способов документооборота и т.д.

В 2017 г. в структуре зарегистрированных преступлений коррупционной направленности преобладали противоправные деяния, предусмотренные ст. 292.2 УК РФ (36,1 %), ст. 290 УК РФ (8,7 %) и ст. 291 УК РФ (5,5 %).

При этом с 2015 г. наблюдалось ежегодное снижение числа рассматриваемых преступлений:

дача взятки, ст. 291 УК РФ (–73,7 % к 2016 г.);

получение взятки, ст. 290 УК РФ (–54,0 %);
 злоупотребление должностными полномочиями, ст. 285 УК РФ
 (–7,8 %) (табл. 4).

Таблица 4

**Количество отдельных видов преступлений коррупционной
 направленности, зарегистрированных на объектах транспорта
 Российской Федерации (2013–2017 гг.)**

Виды преступлений	Годы					Прирост (+/-) к 2016 г., %
	2013	2014	2015	2016	2017	
Злоупотребление должностными полномочиями, ст. 285 УК РФ	158	50	92	90	83	–7,8
Превышение должностных полномочий, ст. 286 УК РФ	53	69	64	74	100	+35,1
Получение взятки, ст. 290 УК РФ	321	366	507	411	189	–54,0
Дача взятки, ст. 291 УК РФ	572	779	809	453	119	–73,7
Посредничество во взяточничестве, ст. 291.1 УК РФ	9	23	38	20	20	0,0
Мелкое взяточничество, ст. 291.2 УК РФ	–	–	–	–	783	–
Служебный подлог, ст. 292 УК РФ	523	450	391	543	312	–42,5

С 2013 по 2017 г. на объектах транспорта фиксируется ежегодный рост числа зарегистрированных экологических преступлений, который за рассматриваемый период составил 28,0 % (рис. 6).

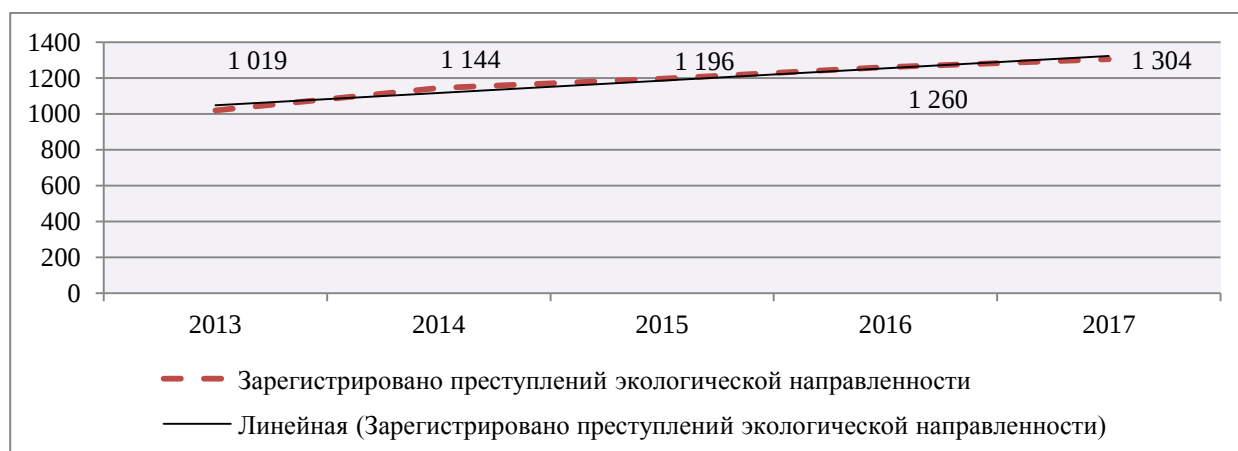

Рис. 6. Динамика количества зарегистрированных экологических преступлений на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

В отчетном периоде зафиксирован рост числа зарегистрированных преступлений как экстремистской направленности, так и террористического характера, количество которых составило 4 и 10 соответственно. При этом за последние пять лет устойчивой тенденции увеличения (уменьшения) количества противоправных деяний рассматриваемых видов не наблюдается.

К сказанному добавим, что если число преступлений экстремистской направленности за рассматриваемый период возросло на 66,7 %, то террористического характера уменьшилось на 60,0 % (рис. 7).

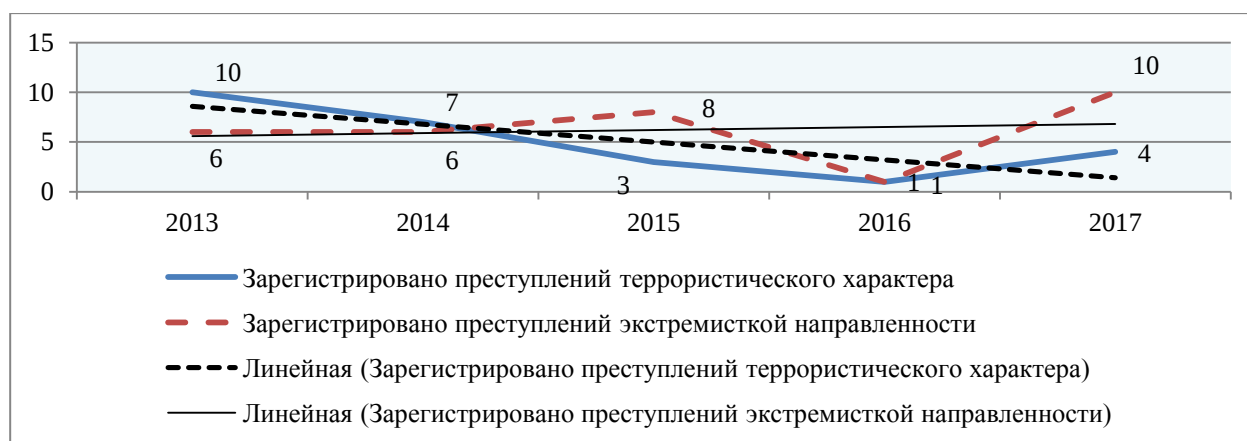

Рис. 7. Динамика количества отдельных видов преступлений, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

Тенденция уменьшения числа преступлений террористического характера анализируемый период лет обусловлена:

- активизацией деятельности правоохранительных органов по выявлению и привлечению к уголовной ответственности членов террористических группировок, осуществляющих вербовку граждан России и государств-участников СНГ для участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических организаций;

- установлением и перекрытием маршрутов переправки рекрутов в страны Ближнего Востока для участия в вооруженных конфликтах;

- реализацией комплекса мер, направленных на предупреждение преступлений при проведении общественно-политических, культурно-массовых, спортивно-зрелищных и религиозных мероприятий;

- усилением контроля за производством и хранением оружия и боеприпасов;

- активизацией деятельности по противодействию распространению радикального ислама.

В свою очередь, рост числа выявленных преступлений экстремистской направленности связан:

с решением задач, определенных для органов внутренних дел Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года³;

осуществлением комплекса организационных и практических мероприятий, направленных на повышение эффективности противодействия всем видам экстремистских проявлений – от бытовой ксенофобии до сепаратизма и терроризма;

реализацией Межведомственного плана по противодействию экстремизму на 2013–2018 годы;

реализацией мероприятий по противодействию деятельности международных неправительственных организаций и фондов, направленных на поддержку носителей протестного потенциала.

Отметим, что вышеперечисленные меры борьбы с преступлениями террористического и экстремистского характера, реализуемые в целом по России, имеют определенную специфику применительно к транспорту.

На объектах транспорта с 2016 по 2017 г. возросло количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (+5,0 %). Однако общая тенденция динамики показывает незначительное снижение этих преступлений с 2013 по 2017 г. (рис. 8).

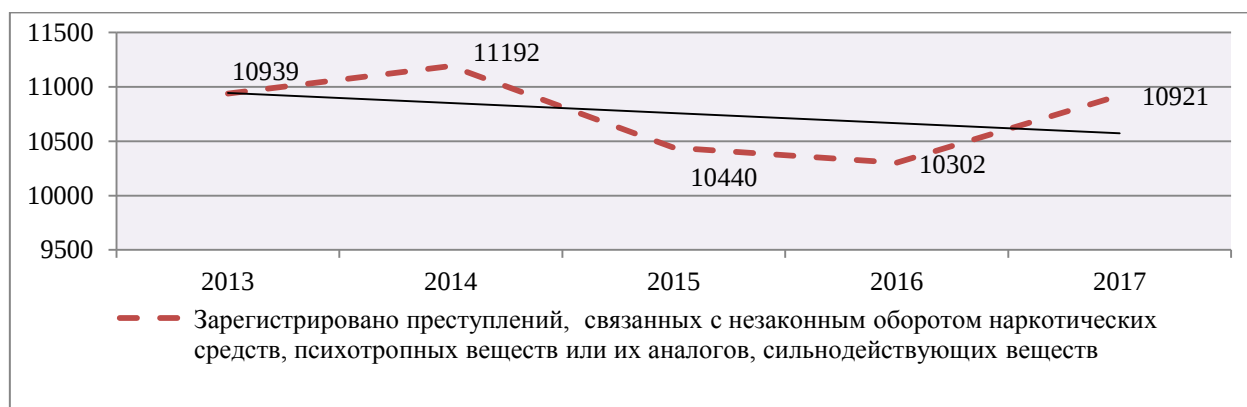

Рис. 8. Динамика количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

³ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом Рос. Федерации 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753.

Увеличение числа зарегистрированных в 2017 г. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, обусловлено:

регулярным пополнением наркорынка новыми потенциально опасными психоактивными веществами, вызывающими у человека состояние наркотического опьянения;

увеличением незаконного оборота синтетических наркотиков;

применением современных информационных технологий в торговле наркотиками.

В 2017 г. отмечен незначительный рост количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (+4,8 %).

При этом на протяжении четырех лет (2013–2016 гг.) фиксировалась устойчивая тенденция снижения данного показателя (рис. 9).

Стоит заметить, что количество зарегистрированных в 2017 г. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в сравнении с 2013 г. сократилось на 23,4 %.

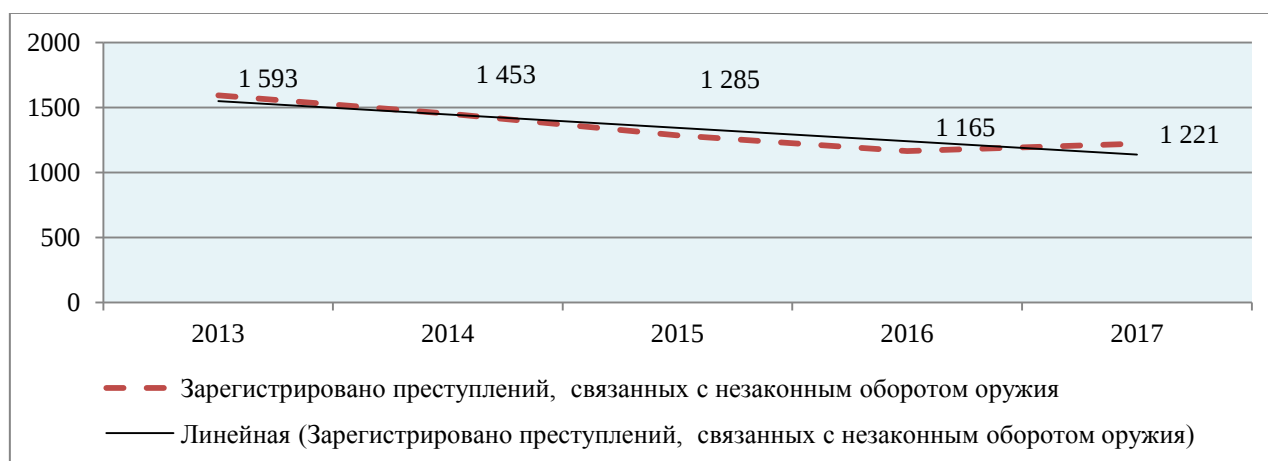

Рис. 9. Динамика количества зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации, связанных с незаконным оборотом оружия (2013–2017 гг.)

На фоне незначительного роста числа зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота оружия на объектах транспорта в 2017 г. отмечен незначительный рост зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия (+3 % к 2016 г.).

При этом в сравнении с 2013 г. число зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида в 2017 г. сократилось на 33,3 % (рис. 10).

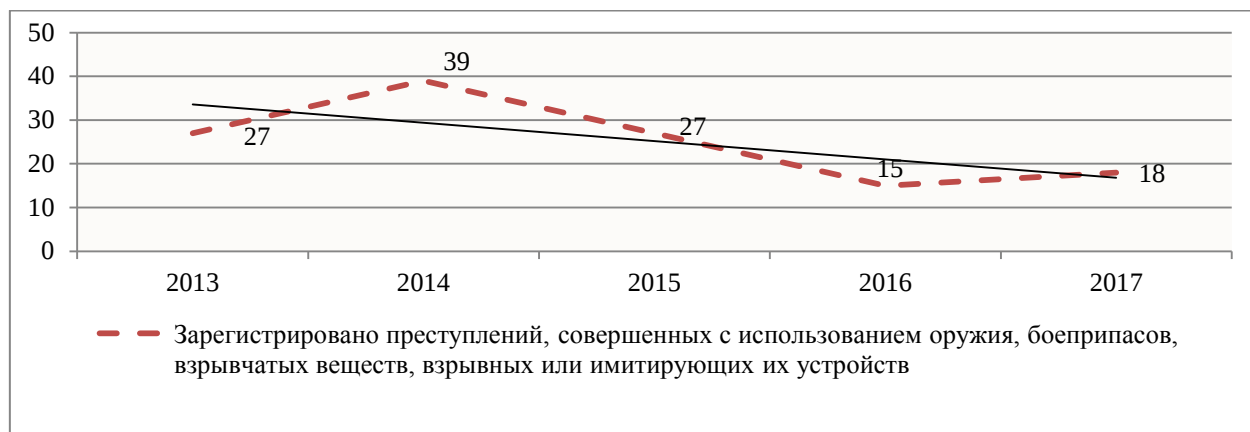

Рис. 10. Динамика количества зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств (2013–2017 гг.)

Важно отметить, что в прошедшем году на фоне увеличения общего числа зарегистрированных преступлений на объектах транспорта произошло значительное уменьшение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ и ст. 111 УК РФ, на 26,0 % и 32,0 % соответственно. Причем тенденция ежегодного снижения числа зарегистрированных убийств и покушений на убийство усматривается весь анализируемый период.

Более того, в прошлом году, в сравнении с 2013 г., количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ, сократилось на 53,2 %, а по ст. 111 УК РФ – на 48,5 % (рис. 11).

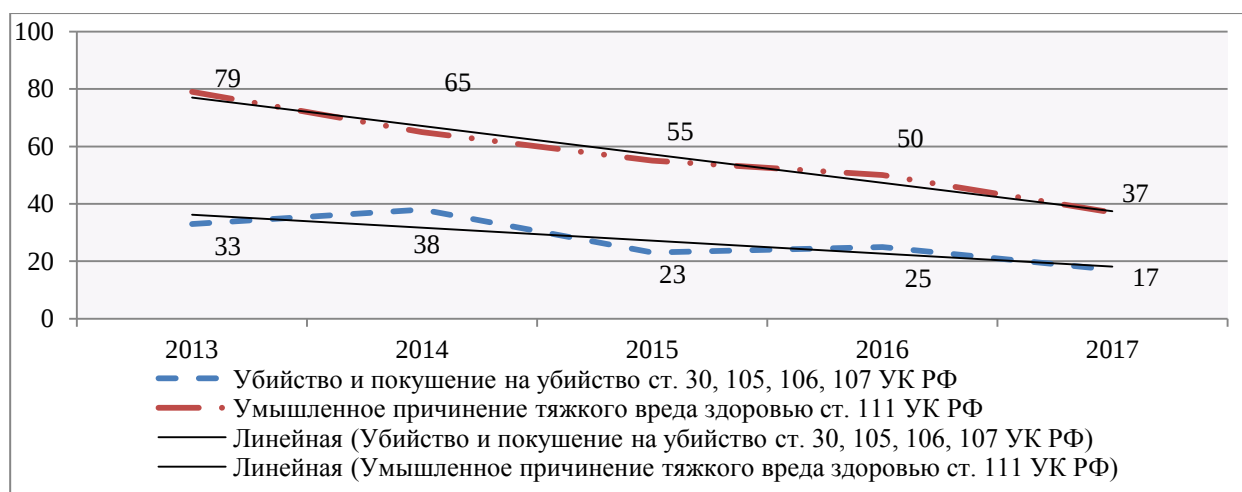

Рис. 11. Динамика количества отдельных видов преступлений, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2013–2017 гг.)

На 13,6 % увеличилось число грабежей и на 4,7 % – краж. В свою очередь, отмечено снижение количества зарегистрированных разбоев (–11,3 %) и вымогательств (–53,8 %).

Анализ статистических данных показывает, что в 2017 г., в сравнении с 2013 г., число зарегистрированных грабежей сократилось на 45,5 %, разбоев – на 52,0 %, вымогательств – на 77,8 % и краж – на 13,8 %. Среди перечисленных видов уголовно наказуемых деяний наблюдается тенденция ежегодного уменьшения разбоев (ст. 162 УК РФ).

В структуре преступности на объектах транспорта по-прежнему основную массу преступлений составляют кражи (38,8 %; 12 695), а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (28,0 %; 10 821), преступления экономической направленности (15,2 %; 5 877) и в сфере незаконного оборота оружия (3,2 %; 1 221).

Анализ криминальной ситуации на объектах транспорта по итогам 2017 г. в сравнении с 2016 г. позволяет констатировать следующие тенденции.

1. Увеличение:

общего количества преступлений (+3,9 %);

количества преступлений, отнесенных к категориям особо тяжких (+19,2 %) и небольшой тяжести (+6,5 %);

числа экологических преступлений (+3,5 %), преступлений экстремистской направленности (+900,0 %) и террористического характера (+300,0 %);

преступлений, совершенных в особо крупном размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере (+21,3 %);

умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (+26,2 %);

количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (+5,0 %) и незаконным оборотом оружия (+4,8 %);

числа преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств (+20,0 %);

количества преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) (+41,6 %);

числа изнасилований и покушений на изнасилование (+166,7 %); количества грабежей (+13,6 %) и краж (+4,7 %).

2. Снижение:

числа выявленных лиц, совершивших преступления (–0,2 %);

количества преступлений, отнесенных к категориям тяжких (–4,7 %) и средней тяжести (–0,1 %);

количества умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (–26,0 %);

числа преступлений экономической (–6,1 %) и коррупционной (–25,5 %) направленности;

убийств (–32,0 %), похищений человека (–66,7 %), разбоев (–11,4 %) и вымогательств (–53,8 %).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что фиксируемое в 2013–2017 гг. снижение абсолютных показателей преступности в целом и ее отдельных видов следует оценивать с учетом особенностей и процессов адаптации современного криминала к изменяющимся общественно-политическим и экономическим условиям, включая совершенствование правоприменительной практики в нашей стране.

Современная преступная среда качественно видоизменяется в следующих основных направлениях:

преступные организации и сообщества приобретают трансграничный характер. Это, в первую очередь, наркосиндикаты, группировки, специализирующиеся на незаконной торговле оружием, киберпреступлениях, отмывании доходов, полученных преступным путем, террористические и экстремистские организации;

выход на международный уровень ОГ и ПС, сформированных по этническому признаку, создание ими собственных преступных сетей;

переход ОГ и ПС от узкой специализации к сочетанию различных направлений преступной деятельности;

расширение преступности в виртуальном пространстве (киберпреступность). В частности, наблюдается рост числа преступлений в виртуальном пространстве, связанных с мошенничеством, незаконным оборотом наркотиков, экстремизмом и терроризмом, а также связанных с распространением детской порнографии.

Эффективность деятельности ОВД на транспорте во многом зависит от качества принимаемых управленческих решений в сфере борьбы с преступностью, основой для подготовки которых является анализ текущей криминальной ситуации и прогнозирование ее развития.

Прогнозные оценки возможных вариантов развития криминальной ситуации на объектах транспорта на определенный период времени позволяют сформулировать приоритеты в сфере борьбы с преступностью, а также вырабатывать адекватные меры, направленные на нейтрализацию (минимизацию) криминогенных угроз общественному порядку и общественной безопасности.

На основе анализа криминальной ситуации на объектах транспорта и с учетом криминологической оценки основных факторов, влияющих на ее изменения, в 2019 г. следует ожидать снижение общего количества зарегистрированных преступлений.

Взаимовлияние и возможная обоюдная нейтрализация позитивно оцениваемых и однозначно признаваемых негативных (криминогенных) факторов позволяют предположить, что в целом общая криминальная ситуация на объектах транспорта останется стабильной.

В числе первоочередных, на наш взгляд, следует выделить вопросы выработки эффективных мер, направленных на предупреждение особо тяжких и средней тяжести преступлений.

Кроме того, необходимо акцентировать внимание:

1. На подготовке управленческих решений, направленных на предупреждение следующих видов преступлений:

коррупционной и экологической направленности;

в сфере незаконного оборота наркотиков (на объектах железнодорожного транспорта);

краж (на объектах воздушного и морского транспорта);

в сфере незаконного оборота оружия (на объектах морского транспорта).

2. Выработке мер профилактического характера, способствующих снижению числа совершаемых преступлений в отношении приезжих, работников коммерческих структур, правоохранительных органов и органов власти ⁴.

⁴ См.: Комплексный анализ и прогноз развития криминальной ситуации на объектах железнодорожного и воздушного транспорта на 2019 год: аналитический обзор / И.Б. Колчевский, А.В. Евсеев, Г.Э. Бицадзе [и др.] М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 93.

Е. В. Ильюк,
кандидат юридических наук, доцент
(Московская академия СК России)

ХАРИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

На оценку деятельности правоохранительного органа напрямую влияет отношение подчиненных и отношение населения к его руководителю.

В современных условиях практически невозможно добиться успеха, если у руководителя нет необходимых харизматических и лидерских качеств. Власть эффективна не тогда, когда человек обладает статусом, а в случае если сами подчиненные признают за руководителем право руководить, когда подчиненные выполняют свою работу с желанием и в деловой атмосфере.

Сотрудники хотят видеть сильных руководителей, которые ради них способны решать проблемы, могут обеспечить их безопасность.

Государственные органы работают для людей (а не ради зарплаты, доходов, прибыли), демонстрируя не потребительские настроения, а скромность в удовлетворении личных потребностей. Если же обнаруживается, что руководитель занят удовлетворением своих мелких личных нужд и даже не скрывает этого, образ лидера тает. Лидеры-харизматики всегда демонстрируют, что в повседневной жизни обходятся самым малым.

Харизма связана с образом воображаемых «весов»: на одной чаше все, что лидер дает своему народу, на другой то, что он взял себе. Харизматическому лидеру важно, чтобы на этих весах сохранялся дисбаланс, чтобы чаша «давать» в глазах народа перевешивала¹. Эту чашу нужно постоянно нагружать: демонстрировать заботу о людях, показывать конкретные дела и поступки, направленные на их благополучие, нужна демонстративная обеспокоенность лишениями и страданиями других. Лампа в кабинете лидера должна гореть круглосуточно, свидетельствуя о труде на пользу людям, без выходных, и без перерывов. Но при всей демонстрации своего труда на благо человечества харизматик показывает и уменьшение чаши «брать». Нужно демонстрировать аскетизм, скромный образ жизни, пренебре-

¹ См.: Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2013. С. 122.

жительное отношение к своим личным потребностям²: «Мне нужно немного. Я человек простой».

Имидж строится сознательно, и выполнение норм Кодексов этики направлено именно на создание положительного образа сотрудника правоохранительного органа.

Лидер должен уметь умело управлять. Харизма при этом является инструментом, многократно усиливающим влияние и многократно усиливающим достижения³. Харизма – это качество руководителя, которому не нужно кричать, наказывать (можно, только иногда), с него берут пример подчиненные, его поведение «копируют», на него хотят быть похожи, его слова значимы, его удачные выражения становятся в коллективе поговорками, создавая нормы внутригрупповой культуры.

Харизма подразделяется на природную и соответствующую статусу. Ранее ее рассматривали как магические, сверхъестественные качества человека. Аристотель считал, что «одним всегда властвовать, другим раз и навсегда быть в подчинении»⁴.

Человек не может объяснить, почему он готов подчиняться харизматичной личности.

Бывает харизма по статусу. Если назначенному руководителю не присуща природная харизма, руководить коллективом ему будет значительно сложнее. Природная харизматичность есть с рождения, но ее можно и нужно развивать.

Приобретенную харизматичность приходится развивать в себе с нуля, долгим и упорным трудом над своей личностью. Харизму можно создавать тренировкой⁵.

² Один генерал-полковник докладывал Сталину о положении дел. Верховный главнокомандующий выглядел очень довольным и дважды одобрительно кивнул. Окончив доклад, военачальник замялся. Сталин спросил: «Вы хотите еще что-нибудь сказать?» «Да, у меня личный вопрос. В Германии я отобрал кое-какие интересующие меня вещи, но на контрольном пункте их задержали. Если можно, я просил бы вернуть их мне». «Это можно. Напишите рапорт, я наложу резолюцию». Генерал-полковник вытащил из кармана заранее заготовленный рапорт. Сталин наложил резолюцию. Проситель стал горячо благодарить. «Не стоит благодарности», – заметил Сталин. Прочитав написанную на рапорте резолюцию: «Вернуть полковнику его барахло. И. Сталин», генерал обратился к Верховному: «Тут описка, товарищ Сталин. Я не полковник, а генерал-полковник». «Нет, тут все правильно, товарищ полковник», – ответил Сталин. См.: URL: <http://fishki.net/1814918-20-ubojnyh-shutok-ot-iosifa-stalina.html?from=smi2> (дата обращения: 23.09.2017).

³ См.: Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2013. С. 213.

⁴ Аристотель. Политика. Т. 4. М., 1983.

⁵ См.: Титов К.В. Биологическая основа успешности. Управление главным социальным инстинктом для достижения богатства и статуса. М., 2017. С. 155.

Харизма оказывается особенно нужной в кризисные времена. Когда становится опасно, люди тянутся к харизматичным лидерам. Они чувствуют: под началом харизматика надежнее, безопаснее.

Харизматичных лидеров мы встречаем в организациях, которые созданы для преодоления критических ситуаций или постоянно в такой ситуации находятся.

В кризисные времена система управления упрощается, выстраивается простая пирамида. А в правоохранительных органах иерархическая структура была всегда. Для этих структур борьба – норма жизни, поэтому пирамидальная иерархическая структура для них эффективна, так как обеспечивает высокую скорость передачи информации и выполнения приказов: выполняй, не рассуждай.

Экстремальные ситуации заставляют принимать решения в условиях действия стрессогенных факторов: дефицита времени, недостатка информации.

Борьба – не смысл жизни лидера, борьба – это постоянно сопутствующее лидеру состояние, потому что ему приходится преодолевать сопротивление среды. Харизматичному лидеру борьбу нужно демонстрировать постоянно.

Харизматик делит мир на своих и чужих (врагов). Харизматичная личность всегда востребована там, где произошла беда, где нужно поднимать подчиненных на борьбу. Люди, наделенные харизмой, чувствуют, что эффективны в кризисные периоды. Без борьбы, без преодоления харизматику жить становится скучно.

Если обычный человек испытывает стресс при необходимости принимать важные решения, то для лидеров стрессовой оказывается ситуация, когда им не удастся взять решение задачи в свои руки. Харизматичные люди охотно взваливают на себя бремя, которое обычным людям показалось бы чрезмерным, готовы взять на себя ответственность. Большинство людей не хочет задумываться и принимать решения, им значительно проще быть, как все. По этой причине нужен лидер, чтобы ставить цели и указывать направление движения.

Лидер берет на себя ответственность за всю организацию какого-либо мероприятия, до совершения какого-либо поступка, а не после. Противоположность – поведение лиц типа «омега», когда достигаемый ими результат зависит от обстоятельств. Такие люди ничего не делают, пока не получают импульс. Лидеров в группе называют «альфа». «Альфа» – это первая буква латинского алфавита. «Омега» – последняя. Лица типа «омега» – изгои, жертвы. «Альфа» считается

формальным лидером в группе, является самым жизнеспособным, занимает доминирующее положение.

«Омеги» часто имеют низкую самооценку. Зависимые люди, сознательно или интуитивно идут туда, где выбор делают за них. Получая негативные результаты, они обвиняют обстоятельства, людей (например, сотрудники – начальника-деспота). «Омегам» в детстве внушили, что нельзя сдавать сдачи, нужно быть вежливыми, послушными. «Омеги» стараются быть правильными, прилежно учиться, считая, что это позволит им стать успешными. Послушные отличники, они не имеют опыта поведения в ситуации, когда нужно выкручиваться на ходу. Для троечника – это стандартная ситуация. А в жизни «думать – это когда ты ищешь ответ на вопрос, ответа на который не знаешь»⁶.

Люди – исполнители (нелидеры) склонны отвлекаться, им постоянно нужны перекуры, не могут работать без кофе. Они быстрее чувствуют усталость, не находят в себе сил для принятия решений и их отстаивания, оживляются лишь при подключении внешнего источника – энергичного руководителя или при чрезвычайных стрессовых внешних обстоятельствах. В обычном состоянии они инертны и не способны на многое. Когда человек заряжается целью, он перестает отвлекаться, болеть. Энергичность харизматика производит на окружающих сильный эффект, поэтому они говорят об особом «ореоле» лидера. Для харизматика важно, чтобы его цель не сводилась к покупке новых вещей, целью должно быть служение людям.

Харизма повышает эффективность работы лидера. Пользуясь своим харизматичным влиянием, он может отдавать распоряжения и добиваться их выполнения, не тратя время на объяснение важности и необходимости задачи. Бывают ситуации, когда слишком долго объяснять, зачем нужно выполнить то или иное действие. Бывает, что объяснить это невозможно, надо просто сделать. Никаких пояснений не нужно. Иди и сделай, любой ценой. Харизматическое влияние укрепляет авторитет лидера, побуждает к беспрекословному подчинению. Оно снижает критичность в отношении к лидеру.

Харизматичному лидеру нет необходимости чрезмерно использовать систему наказаний. Когда он говорит, все остальные молчат и внимают тому, что он говорит, не важно, что и как он будет говорить, важно, что все будут его слушать⁷.

⁶ Мороз Ю. Ваше кредо – вечно второй? Истина в тезисах. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. С. 136–137.

⁷ См.: Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2013. С. 158.

У харизматичного лидера особая модель коммуникации с другими. Даже если он моложе, он транслирует впечатление, будто обладает более обширным жизненным опытом.

Харизматичный лидер уверен в себе настолько, что окружающие даже и мысли не могут допустить, что он может сомневаться в своей правоте! Лидер обладает психологической установкой на победу.

Харизматик не всегда на самом деле знает, что нужно делать. Но даже если он и не знает, другие обязательно должны думать, что у него есть четкий план, а значит, все нормально⁸.

Наличие харизмы ослабляет критику поступков лидера, смягчает критические оценки. Таким образом, ошибки и негативные поступки харизматика оцениваются не просто, как безвредные или нейтральные, но даже как позитивные.

Для харизматика важно умение управлять своими эмоциями и их внешним выражением. Мудрый руководитель может сдерживать эмоции, если видит, что их проявление может навредить.

Существует ряд видимых маркеров лидера: особенности мимики, осанки, походки, голосовой режим. Лидеру по природе не нужно проявлять агрессию по отношению к членам своей группы, они на бессознательном уровне чувствуют, что перед ними лидер, и подчиняются ему. Альфа-лидер – тот, кому не нужно доказывать свое первенство в соревновании.

Харизма является формой влияния на других посредством личной привлекательности, вызывающей поддержку и признание лидерства, что обеспечивает ее обладателю власть над подчиненными.

Одни хотят сформировать у себя лидерские качества, чтобы повысить эффективность своих действий, другие (руководители) – подобрать кандидатуру на вакантную должность, чтобы впоследствии не страдать из-за ошибочного выбора⁹. «Если все завалит тот, кому он делегировал, то все равно ответственность несет тот, кто делегировал. Не то делегировал, или не так, или не тому»¹⁰.

Часто лидеры не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия. «Перейти Рубикон», «разрубить Гордиев узел» – это про лидеров, способных принимать решения и нести ответственность.

⁸ См.: Указ. соч. С. 158.

⁹ См.: Шейнов В.П. Психология власти. М., 2007. С. 92.

¹⁰ Мороз Ю. Ваше кредо – вечно второй? Истина в тезисах. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 173.

Умение видеть многогранность или многоаспектность проблемы, стратегически мыслить – другая особенность харизматика. Лидер видит *перспективу*.

У лидера сверхспособность – необычайная интуиция. В ее основе – качества профессионала. Харизматик может не обладать сверхспособностями, но люди приписывают их ему. Сверхинтеллект харизматика: например, умение делать несколько дел одновременно: писать, читать, слушать, декламировать, которое приписывали Юлию Цезарю и Александру Македонскому, или уникальная память¹¹.

Харизматичный руководитель не кричит на подчиненных, его слушаются, благодаря его авторитету и харизме. Личное обаяние – один из признаков харизмы. Он привлекателен для окружающих. Люди, обладающие обаянием, внушают свои идеи и чувства окружающим, и те им повинуются.

Отношения по вертикали власти: «слуга царю, отец солдатам». Харизму нужно демонстрировать подчиненным.

Проявления харизмы в поведении:

спокойствие-уверенность. Чем кризиснее ситуация, тем харизматичный лидер спокойнее и сдержаннее, не суетится по мелочам, его отличает достойная и уверенная манера держаться. Чувство спокойствия должно стать основным фоновым чувством, поэтому он выглядит собранным и владеющим ситуацией;

открытость-доброжелательность. Кто бы ни был перед ним – он не враждует. Лидер демонстрирует, что он действует *по правилам*. Даже в случае конфликта на работе доброжелательность лучше агрессии! Продемонстрировать деловое сотрудничество или спокойное, уважительное отношение к лицу, вызывающему тебя на конфликт – это тренинг¹², этому нужно и можно учиться.

Харизматик демонстрирует нечеловеческую выдержку и устойчивость. Он никогда, никому, ни в какой форме не жалуется, о чем бы ни шла речь: о том ли, что ему хочется пить, есть, спать; о том, что подвели коллеги; о том, что у него умер кто-то из близких¹³.

Речь харизматичного лидера (рекомендации):

Говори то, что точно знаешь. Ненужное не говори. В самом выражении лица лидера есть нечто, прерывающее любые возражения, когда он дает указания.

¹¹ См.: Гандапас Р.И. Харизма лидера. М., 2013. С. 135.

¹² См.: Титов К.В. Биологическая основа успешности. Управление главным социальным инстинктом для достижения богатства и статуса. М., 2017. С. 155.

¹³ См.: Гандапас Р.И. Харизма лидера. С. 158.

Вначале старайтесь говорить немного и по делу, любое взятое на себя обещание придется выполнять. Старайтесь говорить медленнее и более низким голосом, очень скоро вы обратите внимание, что ваши слова будут иметь большой вес. Но за любое слово придется отвечать.

Многие руководители видят свой персонал в нейтрально-отрицательном свете, ругают своих сотрудников за плохую работу, а постоянный страх запугивает людей. Подтверждение своего вклада в успех сотрудники слышат редко. Но каждый человек любит и уважает себя и успех подразделения воспринимает, как свой собственный. Чувство успеха – мощный генератор положительной мотивации. Крупные успехи бывают редко, поэтому руководитель должен вознаграждать и за малые победы. Обмен хорошими новостями – также хороший мотиватор к действию.

Харизматичные личности умеют, испытывая одни эмоции, внешне демонстрировать совсем другие. Например, говорят с провинившимся сотрудником ласково, хоть в действительности и испытывают чудовищное раздражение. Когда руководитель не кричит, не ругается, то этим полностью обезоруживает человека. Когда на нас кричат, когда нам указывают на недостатки, мы начинаем выстраивать оборонительную линию поведения, находим способы уклониться от удара. Есть харизматики, способные менять состояния и интонации в ходе одного монолога. То похвалят, то поругают, то опять похвалят, то опять поругают. Подчиненные цепенеют от этого ритма¹⁴.

Харизма – важнейшее и полезнейшее социальное качество человека, обязательное для эффективного руководителя. Харизма – не дар богов и не избранность. Это набор внутренних качеств, позволяющих влиять на окружающих в той степени, в которой это необходимо, а внутренние качества можно создать и развить¹⁵. Развивая свою харизму, свои качества эффективного управленца, руководитель делает работу подразделения более эффективной и повышает имидж правоохранительного органа.

¹⁴ См.: Указ. соч. С. 152.

¹⁵ См.: Титов К.В., Кондаков Г. Формирование личной харизмы. Интегрированный навык. СПб., 2018. С. 3.

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)

О ПРИНЦИПЕ ПРЕЗУМПЦИИ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ

В настоящее время специалистами и представителями гражданского общества обсуждается идея реализации в законодательстве принципа презумпции доверия к сотруднику полиции, провозглашающего изначально и бездоказательно правомерными любые действия полицейских.

Подобная концепция не нова. Так, в 1991 г. разрабатывался проект закона о полиции (милиции), в котором предусматривалась статья «Презумпция доверия сотруднику полиции», регламентировавшая конкретные общественные отношения в сфере оценки доказательств органом дознания, следователем, прокурором и судом. В этом законопроекте определялось, что показания сотрудника полиции в качестве потерпевшего или свидетеля по делу о противодействии его деятельности или о правонарушении, в пресечении которого он принимал участие, не могут быть опровергнуты только показаниями лиц, привлекаемых к ответственности, и иных заинтересованных лиц.

Соловей Ю.П. предлагал усилить это положение тем, что показания сотрудников милиции не требуют обязательного подтверждения другими доказательствами¹. Кроме того, им рекомендовалось, что предметы, вещи и документы, изъятые милицией в ходе задержания или личного досмотра задержанного на месте правонарушения, при их внезапном обнаружении, когда невозможно обеспечить присутствие понятых, признавались вещественными доказательствами, полученными в установленном законом порядке. По этому поводу в работе В.В. Кальницкого и О.И. Бекетова отмечалось, что «презумпция доверия государства к милиции» имеет под собой веские основания и его текстуальное закрепление в законодательстве в таком контексте является нужным и обоснованным. По их мнению, это будет способствовать активизации деятельности милиции по приобретению общественного доверия и поддержки – необходимого условия ее деятельности»². Однако авторы полагали, что «презумпция доверия не должна распро-

¹ См.: Соловей Ю.П. Закон РСФСР о полиции (Инициативный авторский проект) // Информационное и правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел. Омск, 1991. Ч.2. С.101.

² См.: Кальницкий, В.В. Бекетов О.И. О презумпции доверия к сотруднику милиции и оценке его показаний // Государство и право. М.: Наука. 1994. № 8–9. С. 136–143.

страняться на уголовно-процессуальные отношения и влечь за собой придание показаниям сотрудников милиции заранее установленной силы»³.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одного из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности является повышение доверия граждан к правоохранительной системе⁴. Бесспорно, сотрудники полиции несут повышенную ответственность за правомерность принятия управленческих решений при применении мер правового принуждения, поэтому они нуждаются в доверии и поддержке со стороны государства. Однако Федеральным законом от 7 февраля 2011. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») на достаточном правовом уровне регламентирован статус полиции как основного юрисдикционного государственного органа, который отличается от правового статуса иных правоохранительных органов. В ст. 9 ФЗ «О полиции» закреплено, что полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан⁵.

Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности. Поэтому основными принципами деятельности полиции являются соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина и законность.

Законность, выступая в качестве всеобщей конституционной обязанности соблюдать законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), является важнейшим обязательным принципом правового государства, без строго соблюдения которого механизм государства не сможет эффективно осуществлять поставленные перед ним задачи, обеспечивать правовой порядок в обществе. Этот принцип является универсальным в деятельности всех государственных органов (должностных лиц), в том числе полиции (сотрудников полиции).

Присущий всем видам государственной деятельности принцип законности применительно к деятельности полиции имеет особое содержание. Обеспечение порядка и законности является основной миссией полиции. В ст. 6 ФЗ «О полиции» закреплено, что «полиция осуществ-

³ См.: Кальницкий В.В., Бекетов О.И. Указ. соч. С. 136–143.

⁴ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683, п. 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. №1 (ч. 2), ст. 212.

⁵ См.: О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: ред. от 7 марта 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

ляет свою деятельность в точном соответствии с законом. Всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом».

Правовые нормы ст. 19 Конституции Российской Федерации провозглашают всеобщее равенство перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от должностного положения, принадлежности к общественным объединениям, в связи с чем сотрудники полиции не могут использовать свои юрисдикционные полномочия в судопроизводстве в качестве свидетелей или потерпевших.

На наш взгляд, применение принципа «презумпции доверия сотруднику полиции» нарушает не только принцип законности, но и другой важнейший принцип организации и деятельности каждого государственного органа – баланс интересов личности, общества и государства. Напомним, что принцип баланса интересов был предусмотрен в качестве основного принципа обеспечения безопасности в ранее действовавшем Законе Российской Федерации «О безопасности»⁶, но, к сожалению, не нашел своего отражения в новом Федеральном законе «О безопасности».

Как известно, личность, общество и государство находятся в состоянии противоречивых взаимодействия и взаимовлияния, характер которых зависит от множества объективных и субъективных факторов. Интересы личности, общества и государства, образуемые в своей совокупности национальные интересы, взаимодействуют друг с другом и влияют друг на друга. Соотношение интересов личности, общества, государства может находиться в состоянии приоритета, паритета и баланса. Однако только состояние баланса интересов позволяет наиболее полно учитывать интересы каждого объекта в конкретных исторических и иных условиях.

Соглашаясь с А.Г. Здравомысловым в том, что национальные интересы – это «совокупность процессов мобилизации, которые не заканчиваются никогда», и что в каждом новом поколении происходит «переопределение» национальных интересов⁷, мы подчеркиваем важность обеспечения баланса интересов как наиболее конструктивного средства

⁶ См.: О безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1, ст. 5 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 769.

⁷ Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., 1999. С. 170–175.

решения социальных конфликтов. Общество не должно распадаться на отдельные общности со своими интересами, поскольку это может привести к наступлению кризисных ситуаций. При балансе интересов учитываются не силовые ресурсы сторон, а интересы, стимулирующие целенаправленную деятельность этих сторон.

Например, в ст. 26.11 КоАП РФ закреплено, что «судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу»⁸. Подобным образом обеспечивается баланс интересов между органами юрисдикции и лицами, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, а также исключается возможность использования заведомо ложных показаний сотрудников полиции в административном юрисдикционном процессе.

Важно учитывать соотношение между государственными интересами и интересами личности, общества, поскольку существует проблема определения границ государственного присутствия в сферах жизнедеятельности. На нормативном правовом уровне государственное вмешательство ограничено юридическими рамками, в пределах которых осуществляется формирование компетенции органов государственной власти, призванных организационно-правовыми средствами обеспечить реализацию национальных интересов России в различных сферах государственного управления. Пределы вмешательства государства определяются положением п. 3. ст. 55 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Кроме того, по нашему мнению, в рассматриваемом институте «презумпции доверия» изначально заложены коррупциогенные факторы, устанавливающие для правоприменителя (сотрудников полиции) необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил (широту дискре-

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 3 апр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

ционных полномочий, выборочное изменение объема прав, чрезмерную свободу подзаконного нормотворчества, неполноту административных процедур, нормативные коллизии), а также коррупциогенные факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям (юридико-лингвистическую неопределенность)⁹.

Таким образом, полагаем, что провозглашение в ФЗ «О полиции» презумпции доверия полиции: во-первых, противоречит общеправовому принципу законности; во-вторых, нарушает принцип баланса интересов личности, общества и государства; в-третьих, влечет за собой злоупотребление властными полномочиями сотрудниками полиции.

⁹ См.: Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Рос. Федерации от 26 февр. 2010 г. № 96; ред. от 10 июля 2017 г. № 813 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10, ст. 1084.

В. И. К о в а л е н к о
доктор юридических наук, доцент;
Л. М. Ш у р а е в а,
кандидат юридических наук
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миграционные потоки являются неотъемлемой частью как региональных, так и международных социальных процессов. Миграция оказывает влияние на социально-демографические и экономические показатели, а незаконная миграция служит социальным фоном преступности, детерминируя негативные явления в сфере общественной безопасности. Деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с организацией незаконной миграции, определена в качестве одной из основных угроз национальной и общественной безопасности, обозначенных в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В настоящее время интенсивность миграционных процессов в нашей стране позволяет оценить миграционную ситуацию в целом как стабильную, что отражает взвешенную государственную политику Российской Федерации в этой сфере, эффективно действующее законодательство, результативность комплексных мер, направленных на предупреждение межнациональных конфликтов, выполняемых в рамках положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия».

По данным Федеральной службы государственной статистики (состояние на май 2017 г.)¹, в стране фиксируется стабильный миграционный прирост, составивший в 2016 г. 261 948 чел. Как можно наблюдать, на фоне увеличения за пятнадцатилетний период объема

¹ Для сравнения, в 2015 г. в Российскую Федерацию прибыло 4 734 523 лица, из них 598 617 чел. из зарубежных стран, в том числе из стран СНГ 536 157 чел., из стран дальнего зарубежья почти в десять раз меньше – 62 460 чел. Всего выбыло из России 4 489 139, миграционный прирост составил 245 384 чел. Для сравнения, в 2000 г., по данным Росстата, в России число прибывших лиц составило 2 662 329 чел., а выбывших – 2 420 574 чел., миграционный прирост составил 241 755 чел. См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 19.05.2017).

миграции (как внешней, так и внутренней) почти в два раза миграционный прирост в целом изменился не сильно и, в среднем достигнув пика в 2011 г. (319 761 чел.), стабилизировался с тенденцией к снижению.

В соответствии со статистикой Главного управления по вопросам миграции МВД России (ГУВМ МВД России) в 2017 г. осуществлено постановок на миграционный учет 15 710 227 иностранных граждан и лиц без гражданства (в 2016 г. – 14 337 084). Основные миграционные потоки образуют граждане Узбекистана (4 082 377 чел., 25,9 %), Таджикистана (2 106 256 чел., 13,4 %), Украины (1 792 247 чел., 11,4 %) и Китая (1 457 385 чел., 9,2 %), что отражает тенденцию последних лет².

Несмотря на отдельные проблемы в социально-экономической сфере, в настоящее время Россия является одним из наиболее стабильных регионов мира, в связи с чем продолжает оставаться привлекательной для огромной армии мигрантов. Согласно информационно-статистическим данным о численности вынужденных мигрантов, последние три года сохраняется тенденция снижения их числа. Численность лиц, признанных беженцами на территории Российской Федерации и состоящих на учете, по состоянию на 1 января 2018 г. составила 592 чел., вынужденных переселенцев – 13 795 чел., получивших временное убежище – 125 442 чел.³

Миграция беженцев из зоны военных действий в настоящее время и в ближайшей перспективе будет постоянно действующим фактором, что подкрепляется статистическими данными. Так, в наиболее активный период военных действий в Сирии, Украине был зафиксирован рост числа беженцев из этих стран. Согласно данным ГУВМ МВД России, к январю 2016 г. более 300 тыс. граждан Украины и более 1 тыс. граждан Сирии были поставлены на учет как лица, получившие временное убежище. Наибольшее число лиц, обратившихся за оформлением статуса беженца и оформивших его (состоят на учете) – граждане Афганистана и Украины⁴.

² Так, в 2016 г. количество поставленных на миграционный учет иностранных граждан составляло: Узбекистан – 3 354 389 чел., Украина – 1 933 825 чел., Таджикистан – 1 892 404 чел., Китай – 1 288 519 чел.

³ Для сравнения, в 2016 г. число беженцев составило 598 чел., вынужденных переселенцев – 19 327 чел., получивших временное убежище – 228 392 чел.; в 2015 г. беженцев – 770, вынужденных переселенцев – 25 359, получивших временное убежище – 313 707.

⁴ По состоянию на 1 января 2018 г. на учете в качестве лиц, получивших временное убежище на территории Российской Федерации, стоят 123 434 гражданина Украины и 1 128 граждан Сирии, в качестве беженцев – 305 граждан Афганистана и 166 граждан Украины.

Официальные данные о постоянном притоке законно прибывающих в страну мигрантов отражают стабильную на протяжении последних лет тенденцию усиления миграционных процессов, в первую очередь, трудовой миграции. Из регионов на первом месте по числу въезжающих иностранных граждан остается г. Москва (рис. 1)⁵.

Рис. 1. Субъекты Российской Федерации с наибольшей долей поставленных на миграционный учет иностранных граждан в 2017 г.

Анализ озвученных мигрантами целей прибытия в страну позволяет прийти к выводу, что основная масса прибывших являются трудовыми мигрантами, что подтверждается данными миграционной службы. Так, из общего числа первично поставленных на миграционный учет в 2017 г. иностранных граждан (10 630 541 чел.) у почти половины из них (45,7 %; 4 854 004 чел.) целью прибытия в Российскую Федерацию значится «работа». Основная масса трудовых мигрантов приходится на граждан Узбекистана (37,5 %), Таджикистана (19,3 %) и Украины (10,4 %).

Помимо «работы», основными целями въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию остаются «туризм» (23,5 %) и «частная цель» (19,1 %). Основными туристически привлекательными регионами стали г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (55,6 %), Иркутская область (7,1 %), Приморский край (7 %) и г. Москва (6,9 %). Наибольший поток туристов приходится на граждан Китая (42,1 %), Южной Кореи (6,6 %) и Германии (5,2 %).

Проведенный подсчет общего количества прибывших граждан, в зависимости от цели пребывания в нашу страну, показал следующее. Из общего количества прибывших почти 4 млн (3 931) чел. (данные

⁵ См.: Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 мес. 2017 года с распределением и регионам. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171> (дата обращения: 19.03.2018).

несколько округлены) указали цель – «работа по найму», наибольшую группу из них составили молодые мужчины в возрастных группах 18–29 лет (1,5 млн чел.) и 30–39 лет (753 тыс. чел.). Более 121 тыс. молодых людей и 3 тыс. девушек в возрасте 17 лет и менее также указали цель прибытия – «работа по найму», это притом, что с 2013 г. работа несовершеннолетних иностранцев на территории России запрещена (за исключением сферы спорта и культуры). Около 3 млн 850 тыс. чел. указали «частную» цель пребывания. Наибольшую группу опять составили молодые люди в возрасте 18–29 лет (630 тыс. чел.) и 30–39 лет (505 тыс. чел.). На наш взгляд, представляется, что в общей сложности именно эти две самые многочисленные (по цели пребывания) категории прибывших иностранных граждан – более 8 млн чел. и определяют «лицо» трудовой миграции⁶.

Российскими специалистами высокая мобильность населения⁷, в том числе миграция⁸, традиционно признается одним из факторов, способствующих нестабильности общества, и благоприятной средой для роста преступности.

Особенность миграционной ситуации как фактора, оказывающего влияние на криминогенную обстановку, состоит в том, что ее (миграцию), с одной стороны, нельзя однозначно оценивать как негативную, поскольку она несет в себе и позитивные моменты. С другой стороны, действие условно обозначаемых нами «миграционных» факторов нельзя признать постоянно действующими детерминантами, однако их качество таково, что от величины и глубины их проявления в обществе в конечном итоге зависит не только общая социально-экономическая (усиление конкуренции на рынке труда, повышение уровня безработицы), демографическая ситуация в стране, но и изменение социального фона преступности.

Особая обеспокоенность руководства страны, вызванная возникновением и распространением новых видов преступной деятельности, в том числе обусловленной миграционными процессами, отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 де-

⁶ См.: Коваленко В.И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2017. С. 312.

⁷ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРМА. М-НОРМА, 1997. С. 230.

⁸ См.: Бабаев М.М. Криминологическое исследование проблем миграции населения // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 86–90.

кабря 2015 г. № 683, в которой специально подчеркивается, что в настоящее время «обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми ... и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» (п. 22)⁹.

Несмотря на снижение абсолютных показателей преступности, связанной с незаконной миграцией (–24,3 %), в 2017 г. зарегистрировано 1 239 преступлений по ст. 322.1 УК РФ, миграция продолжает играть важную роль в детерминации некоторых видов преступлений (корыстных, корыстно-насильственных, экономических и пр.).

Наибольшее влияние миграция оказывает на состояние и тенденции следующих видов преступности: торговля людьми и криминальная эксплуатация человека; экстремизм и террористическая деятельность; незаконный оборот оружия; незаконный оборот наркотических средств.

Торговля людьми и криминальная эксплуатация человека. Взаимосвязи миграции с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека как международными экспертами, так и отечественными специалистами признаются наиболее тесными и взаимодетерминирующими. Усиление миграционных потоков способствовало проявлению негативных тенденций преступности в сфере торговли людьми, поскольку мигранты в силу своего статуса являются наиболее уязвимой группой населения, соглашаются на любые условия труда, в том числе в теневой сфере экономики, что еще сильнее снижает их правовую защищенность и делает удобной мишенью предприимчивых лиц в ходе преступной деятельности.

Так, результаты криминологического исследования преступлений в сфере торговли людьми и криминальной эксплуатации человека¹⁰ показали что значительная доля, а именно: каждый четвертый преступник – 24,3 % «трудовых эксплуататоров» и 14,8 % «сексуальных» эксплуататоров, то есть лиц, незаконно эксплуатировавших жертв в «теневом» секторе и секс-индустрии, – являлись гражданами иностранных государств (в основном СНГ), имели организаторские способности и необходимые связи для организации легальной трудовой деятельности, в рамках которой создавались теневая экономика с привлечением работников или подпольная индустрия оказания секс-услуг, в которой эксплуатации подвергались также прибывшие в страну мигранты.

⁹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.05.2018).

¹⁰ См.: Коваленко В.И. Указ. соч. С. 228.

Экстремизм и террористическая деятельность. Экстремизм как сложное социально-политическое и криминальное явление давно стал трендом современной криминологической ситуации. Геополитические приоритеты ряда ведущих зарубежных государств привели к широкому распространению крайних взглядов и методов действий в политической, религиозной и прочих сферах жизнедеятельности, особенно в молодежной среде. Очевидно, что наибольшему влиянию подвергаются представители наиболее уязвимых слоев населения, к которым, безусловно, можно отнести мигрантов. Находясь в течение длительного времени за пределами своей привычной среды обитания, без поддержки родных и близких, не имея возможности устроиться на работу, оплатить медицинские услуги и достойные условия проживания, мигранты становятся одним из главных объектов пропагандистской деятельности экстремистских формирований. Манипулируя религиозными чувствами мигрантов, лидеры экстремистского толка вербуют в свои ряды, в первую очередь, представителей мигрантской среды, используя последних, в зависимости от прагматических задач в преступной и антиобщественной деятельности (наркотрафик, трудовое рабство, торговля людьми, сексуальная эксплуатация и др.).

С расширением возможностей глобальной сети Интернет пропагандистская работа экстремистских организаций находит отклик у целевой аудитории. Данные процессы отражаются и в статистических показателях. К примеру, с начала военного конфликта на территории Украины, проведения референдума в Крыму и до настоящего времени продолжает увеличиваться число преступлений экстремистской направленности (за период с 2013 по 2017 г. количество зарегистрированных преступлений в этой сфере удвоилось: с 896 до 1 521 преступления).

Незаконный оборот оружия. Практика незаконного трафика оружия тесно связана с миграцией, особенно ее незаконной составляющей. Именно в районах конфликтов, соприкасающихся с российской государственной границей, объемы незаконного оборота оружия резко возрастают. Продолжающийся с 2014 г. рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (с 26 465 преступлений в 2014 г. до 28 916 в 2017 г.), специалисты главным образом связывают с военными действиями на территории Украины, вблизи границ Российской Федерации.

Незаконный оборот наркотических средств. Негативные тенденции наркопреступности обусловлены рядом факторов, в числе которых специалисты выделяют миграцию. Несмотря на то, что в основ-

ном наркотики производятся на территории Российской Федерации, располагающей значительной собственной сырьевой базой, многие из них также имеют зарубежное происхождение и поступают контрабандным путем из Афганистана, стран Центрально-Азиатского региона, Северной Африки (Марокко) и Европейского союза.

Стремительный рост незаконного оборота синтетических наркотических средств обусловлен и тем, что в большинстве случаев они поступают из Юго-Восточной Азии (Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса), Нидерландов, Германии, Польши, Прибалтики. Основными распространителями синтетических наркотиков на территории России являются граждане Украины. «Украинский» наркотрафик будет одним из наиболее опасных направлений в ближайшие годы.

В России по-прежнему сохраняется проблема интеграции мигрантов в новой социальной среде. Приток некоренного населения может способствовать социальной напряженности, обусловленной конкуренцией на рынке труда, нехваткой рабочих мест, безработицей, и, кроме того, может «подпитывать» криминогенную среду, поскольку уровень людей с бытовой неустроенностью и безработных особенно высок среди этой категории граждан, а следовательно, рассматриваемая группа лиц является как наиболее криминогенно «заряженной», склонной к противозаконному способу разрешения своих проблем, так и наиболее виктимной.

Миграция остается одним из основных факторов, оказывающих существенное влияние на демографические, политические процессы, социально-экономическое, культурно-историческое развитие страны. Интенсивность и направленность как внутренних, так и внешних миграционных потоков обуславливает состояние межэтнических отношений, в том числе этнодемографического баланса (риск сдвига в этнической структуре, этнокультурологические противоречия), значимых социально-экономических показателей (риск осложнения ситуации на рынке труда, нагрузка на социальную инфраструктуру), состояние общественной безопасности (риск возникновения межэтнических конфликтов, роста преступлений в мигрантской среде).

Формулирование основных миграционных рисков, оценка степени криминализации сферы незаконной миграции позволяет выявить основные направления превенции в механизме реализации миграционной политики. Преодоление таких негативных факторов, как недостаточная урегулированность миграционных процессов, вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов, не позволяющих в должной мере обеспечить текущие и будущие потребности

экономического, социального и демографического развития страны, интересы работодателей и российского общества в целом, нерешенность проблем беженцев и вынужденных переселенцев, незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, международная организованная преступность остаются в числе приоритетных направлений в сфере государственной национальной политики Российской Федерации¹¹.

¹¹ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // СПС КонсультантПлюс.

Г. Ф. Коимшиди,
кандидат технических наук;
А. А. Литвинов;
Е. А. Шекк
(НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Как утверждают ученые-криминологи, статистическая картина преступности отражает не столько действительную распространенность преступности, сколько активность правоохранительных органов по противодействию ей¹. Более того, в последние годы все чаще звучит мысль, что основная доля реальной преступности является латентной, а зарегистрирована лишь незначительная часть из всех совершенных преступлений. Так, например, при среднем количестве в 2,5–3 млн преступлений, регистрируемых каждый год, текущая латентность по разным методикам расчетов составляет 22 млн преступлений². Соглашаясь с такой позицией, следует отметить, что в полной мере это относится и такому виду преступности, как преступность иностранных граждан и лиц без гражданства, а также миграционной преступности в целом. Исходя из изложенной выше концепции, можно утверждать, что уровень такой преступности фактически выше, нежели официальные статистические данные. По этой причине анализ статистических показателей в данном контексте представляет собой фактически анализ состояния противодействия преступлениям рассматриваемой категории. С другой стороны, именно криминальная статистика является тем вектором, на который равняется правоохранительная система при определении приоритетных направлений своей деятельности.

Переходя к анализу статистических данных, необходимо иметь представление об особенностях анализируемого вида преступности, ориентируясь на которые целесообразно варьировать методические подходы.

¹ См., напр.: Репецкая А.Л. Современное состояние преступности и правоохранительная деятельность: перспективы развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 69–78.

² См., напр.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008; Латентность преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2007.

Преступность неграждан России представляет собой два различных направления преступной деятельности – это, во-первых, преступная деятельность, связанная с правовым статусом иностранного гражданина или лица без гражданства, и, во-вторых, общеуголовная преступная деятельность. В связи с этим представляется целесообразным преступность, связанную с незаконной миграцией (в частности, с социально-правовым статусом пребывания мигрантов-иностранцев на территории России), анализировать отдельно.

В свою очередь, преступность, связанную с незаконной миграцией, следует разделить на две категории, в зависимости от совершения преступлений: преступления, совершаемые гражданами и негражданами России.

Так, важным обстоятельством при проведении анализа состояния противодействия преступности мигрантов-иностранцев является необходимость внесения корректив, обусловленных наличием группы преступлений, совершение которых иностранцами связано с их социально-правовым статусом пребывания на территории России. Это существенная особенность методики анализа преступности иностранцев.

В государственной и ведомственной статистике на сегодняшний день отсутствуют обобщенные данные о преступлениях, связанных с незаконной миграцией. Между тем преступления, квалифицируемые по статьям главы 32 УК РФ, совершаемые иностранными гражданами (лицами без гражданства), составляют основу незаконной миграции – в структуре всей преступности иностранными гражданами (лицами без гражданства) России доля этих преступлений велика: почти каждое третье преступление (29,1 %) ³. Наглядно это видно на рис. 1. Для граждан России этот показатель всего 7,1 %.

В 2017 г. в России было раскрыто 13 395 таких преступлений, совершенных иностранными гражданами (лицами без гражданства), что на 15,1 % (или на 1 757 преступлений) больше, чем в предыдущем году (11 638).

Для адекватного криминологического анализа в преступности иностранцев следует выделять такие преступления, как незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ) и использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ).

³ Преступные деяния, связанные с незаконной миграцией, предусмотрены отдельными статьями главы 32 УК РФ. Данные имеются в статистической форме 3-ЕГС (493) ГП РФ.

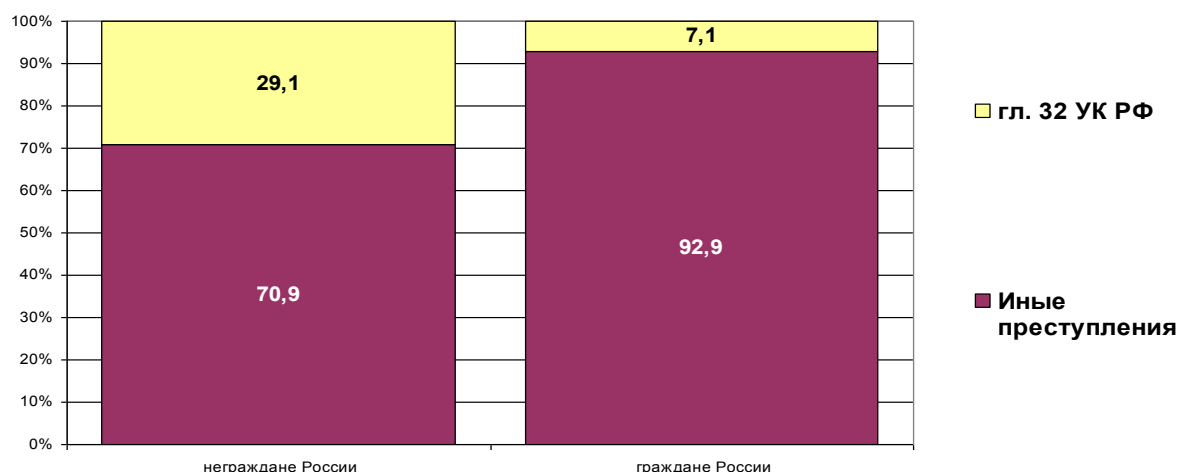

Рис. 1. Соотношение удельного веса преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, в структуре преступности граждан и иностранными гражданами (лицами без гражданства) в 2017 г.

Приведем типичный пример преступления, связанного с пересечением государственной границы: А., будучи гражданином иностранного государства, незаконно пересек государственную границу Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию, заведомо зная, что въезд для него не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации. Ранее, при попытке въезда с территории Украины в Российскую Федерацию в пункте пропуска через государственную границу Российской Федерации гражданин Республики Азербайджан А. не был пропущен на въезд в Российскую Федерацию, так как на основании п. 4 ст. 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» решением УФМС России по Московской области ему не разрешен въезд в Российскую Федерацию. В связи с этим А. был возвращен на территорию Украины, при этом сотрудниками пограничного органа ему было разъяснено о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. Однако, действуя умышленно, заведомо зная, что въезд для него не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, с целью незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации, осознавая противоправный характер своих действий, А. в нарушение ст. 6 и 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ от «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», ст. 9, 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г. № 4730-1, следуя в качестве водителя в ав-

томобиле марки «ВАЗ 21150», незаконно пересек государственную границу Российской Федерации по направлению из Республики Беларусь в Российскую Федерацию, после чего был выявлен и задержан сотрудниками ПУ ФСБ России по Брянской области. Действия А. квалифицированы по ч. 2 ст. 322 УК РФ.

В российских условиях характерным для иностранцев преступлением является также предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ использование заведомо подложного документа. Так, Б., являясь иностранным гражданином, въехал на территорию Российской Федерации через контрольно-пропускной пункт пограничного контроля. При пересечении границы Российской Федерации ему была выдана миграционная карта. В соответствии с требованиями ст. 5 Федерального закона 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «...Срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также в случае, если такой срок не продлен в соответствии с настоящим Федеральным законом. При этом непрерывный срок временного пребывания в Российской Федерации указанного иностранного гражданина не может превышать девяносто суток...». По окончании этого срока иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации. Между тем, когда официальный срок пребывания подходил к завершению, имея умысел на получение подложного штампа контрольно-пропускного пункта пограничного контроля Российской Федерации в своем паспорте и приобретение подложного документа – миграционной карты, с целью уклонения от исполнения возложенной на него законом обязанности выехать из Российской Федерации Б. решил незаконно приобрести официальный документ – миграционную карту как якобы вновь въехавшего в Россию иностранного гражданина. Осуществляя свой преступный умысел, Б. передал неустановленному лицу свой национальный паспорт гражданина Республики Узбекистан с целью проставления в нем поддельного оттиска контрольного пропускного пункта, а также получения миграционной карты с поддельным оттиском контрольно-пропускного пункта о въезде на территорию Российской Федерации, в результате чего приобрел заведомо подложный документ – миграционную карту с проставленными датами-штампами, согласно которым Б. якобы прибыл в Российскую Федерацию через

контрольно-пропускной пункт на границе России и Казахстана. Данный документ предоставлял ему право еще раз временно зарегистрироваться в Российской Федерации на срок до девяноста суток. Б. использовал его для нахождения на территории Российской Федерации, предъявив представителям правоохранительных органов, после чего его преступная деятельность 20 января 2017 г. была пресечена.

Использование методического приема выделения приведенных выше двух составов преступлений и исключения из всей массы совершенных иностранцами преступлений тех, которые относятся к гл. 32 УК РФ, представляется обоснованным и эффективным при оценке общественной опасности преступности иностранцев, в сравнении с преступностью мигрантов-россиян и местных жителей⁴. Ошибка в данном случае будет незначительной, так как основную массу преступлений, указанных выше, совершенных иностранцами, составляют случаи использования ими поддельных документов (ч. 3 ст. 327 УК РФ) и незаконного пересечения границы (ст. 322 УК РФ). Так, в 2017 г. удельный вес этих двух составов преступлений в структуре всех, предусмотренных гл. 32 УК РФ преступлений, совершенных иностранцами, составил почти 90 % (85,5 %). Одновременно нужно указать, что преступления, связанные с правовым статусом иностранных граждан, целесообразно анализировать отдельно.

Аргументом в пользу использования этого методического приема при сравнении преступности иностранцев с преступностью мигрантов-россиян и местных жителей служит тот факт, что с 2009 по 2013 г. количество преступлений, входящих в гл. 32 УК РФ, совершенных негражданами России, составляет ежегодно от 19,5 % до 24,0 % от всех расследованных преступлений этого вида. В период с 2014 г по 2016 г. удельный вес рассматриваемых преступлений, совершенных негражданами России, в числе расследованных преступлений постепенно снизился с 17,3 % в 2015 г. до 15,0 % в 2017 г.

Поскольку при анализе преступности иностранных граждан всегда целесообразно ее сравнение с преступностью граждан России, следует отметить, что граждане России тоже совершают преступления, предусмотренные гл. 32 УК РФ, связанные с незаконной миграцией. Кроме того, таких преступлений на порядок больше. Так, за период 2013–2017 гг. только удельный вес преступлений, совершенных гражданами России, в структуре всех оконченных преступлений составлял от 77 % в 2013 г. до 85 % в 2017 г.

⁴ См.: Преступность мигрантов-иностранцев и ее предупреждение: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 208.

Типичный пример такого преступления: гражданин России М., являясь руководителем коммерческой организации, осуществляющей производственную деятельность, связанную с обработкой леса, заведомо зная о том, что граждане Республики Узбекистан не состоят на миграционном учете, не имеют разрешения на работу на территории Российской Федерации, умышленно, из корыстных побуждений, с целью извлечения прибыли, в нарушение ст. 22 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» незаконно предоставил вышеуказанным иностранным гражданам место для проживания и работу на производственном объекте, тем самым организовал незаконное пребывание иностранных граждан на территории Российской Федерации с целью использования данных граждан в качестве наемных работников при осуществлении производственной деятельности. Таким образом, М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 322.1 УК РФ.

Еще одной особенностью анализа преступности, связанной с незаконной миграцией, представляется необходимость учитывать, что масса находящихся в России мигрантов отличается от местного населения по многим социально-демографическим показателям, прежде всего, по своей половозрастной структуре. В основном прибывают мужчины активного, зрелого возраста. Среди мигрантов-иностранцев очень низок процент несовершеннолетних, лиц пенсионного возраста. По этой причине сопоставлять следует преступность мигрантов-иностранцев с преступностью местных жителей тех половозрастных групп, которые доминируют в половозрастной структуре находящихся в России иностранцев. Методика таких расчетов необходима в криминологических целях, однако пока недостаточно отработана в связи с отсутствием реальных данных об общем количестве мигрантов-иностранцев (легальных и нелегальных).

В. Ю. К о к о р е в,
кандидат социологических наук, доцент;

О. В. Р о д и м у ш к и н а,
кандидат юридических наук
(ФГКУ «ВНИИ МВД России)

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ И ОТНОШЕНИЙ, ОХРАНЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ

Термин «презумпция» (лат. *praesumptio*) известен со времен римского права¹ и имеет несколько значений: присвоение, дерзость, преимущество, а также предположение². В ходе осмысления презумпции в различных сферах знаний появились другие трактовки ее понимания: в философии – предположение, основанное на вероятных посылках³; в правоведении – презумпция как предположение, которое считается истинным, пока правильность его не отвергнута⁴; в юриспруденции – признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное⁵, или заключение о наличии каких-либо положений, фактов, прав субъекта на основе доказанности других положений, фактов, прав субъекта⁶.

В настоящее время дефиниция правовой презумпции представляет собой одну из наиболее дискуссионных проблем в праве. В юридической науке нет единого мнения по вопросу о понятии правовой презумпции, по поводу ее юридической природы, правовых свойств, функциональной роли, не разработана целостная концепция правовых презумпций. Как следствие, в российском законодательстве не содержится даже самого общего определения правовой презумпции.

Показательно, что практически каждая презумпция, нашедшая отражение в российском законодательстве, становится предметом дискуссий и разноречивого толкования. Это относится и к презумп-

¹ См.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: Правовые презумпции, теория, практика, техника. Нижний Новгород, 2010. № 4. С. 464–465.

² См.: Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: по изданию 1896 г. М.: Спарк, 1998. С. 432.

³ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939. С. 735.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Словарь иностранных слов. 19-е изд. М., 1990. С. 406.

⁶ См.: Юридический словарь. 2-е изд. Т. 2 (О–Я). М., 1956. С. 222.

циям, давно существующим в правовой системе (например, презумпция невиновности, которая зачастую рассматривается как принцип уголовного судопроизводства), и к презумпциям, являющимся новеллой российского права (в частности, презумпция добросовестности налогоплательщика в налоговом праве).

В специальной литературе встречаются различные подходы к пониманию презумпции: как приема юридической техники, как правовой нормы (правила поведения в широком смысле), как механизма правового регулирования, как основания для установления предполагаемых фактов и др. При этом во всех случаях презумпция расценивается как сложная юридическая конструкция, а наиболее распространенными среди определений презумпций являются те, в которых презумпции отождествляются с предположениями.

Не углубляясь в анализ научных литературных источников, в которых встречается большое количество иных пониманий и характеристик презумпции как правовой категории, можно утверждать, что разработка понятия презумпции в праве продолжается в рамках двух самостоятельных подходов – философского (логико-философского или классического) и юридического (нормативного), оценивающих рассматриваемую категорию по различным критериям.

В соответствии с логико-философским подходом правовая презумпция есть разновидность общих презумпций и, в первую очередь, представляет собой логический прием (вывод из индуктивного обобщения). Критерием эффективности правовой презумпции выступает в данном случае ее достоверность, способность правильно отражать правовую реальность, служить эффективным средством познания⁷.

Юридический подход рассматривает презумпцию как явление изначально правовое. Согласно этому подходу правовая презумпция выступает в качестве юридической обязанности субъектов правоотношений признать презюмируемый факт установленным. Здесь презумпция – не логический прием, а средство регулирования общественных отношений, инструмент решения правовых задач. Критерием ее эффективности является степень полезности в правовом регулировании⁸.

В юридической науке наблюдается противоречивость представлений о **юридических свойствах презумпций**. В правовом смысле презумпции имеют теоретическую и прикладную стороны. С теоре-

⁷ См.: Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159–170.

⁸ См.: Там же.

тической точки зрения правовые презумпции являются вспомогательными нормами, которые интегрируются в нормативно-правовой массив и вместе с основными нормами образует единый регулятор общественных отношений, являются элементом правового механизма⁹. Прикладное значение правовых презумпций проявляется в трех основных аспектах: социальном, юридико-практическом и политическом¹⁰.

Социальный аспект характеризует направленность презумпций на обеспечение единообразия правового регулирования, стабильности правопорядка, защиты прав и свобод граждан. Презумпции помогают установить рациональный и справедливый порядок доказывания обстоятельств дела путем распределения обязанности доказывания между участниками процесса.

Юридико-практический аспект презумпций выражается в освобождении участников правоотношений от доказывания некоторых фактов, которые закон признает определенно существующими, но в то же время определяет порядок опровержения презюмируемого факта. С помощью презумпций устраняются излишние противоречия, ускоряется юридический процесс¹¹, создаются условия для законного и обоснованного юридически значимого поведения.

Политический аспект определяется правовой природой презумпций и указывает на то, чьим интересам служит использование презумпций в праве¹²; иными словами, выражает определенное отношение государства к другим субъектам права. Например, установление презумпции невиновности в уголовном праве или презумпции добросовестности в гражданском праве свидетельствует о том, что государство относится к отдельному человеку, прежде всего, как к честному, порядочному члену общества, однако совершенно справедливо допуская при этом возможность опровержения этих презумпций в отдельных случаях. Такие презумпции приобретают значение принципов права, что также обуславливает их политическое значение.

⁹ См.: Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2002. С. 13.

¹⁰ См.: Червонюк В. И. Теория государства и права. М.: Норма, 2009. С. 153–155.

¹¹ См.: Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854; Цит. по: Мейер Д.И. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 98–121.

¹² См.: Бабаев В.К. Указ. соч. С. 14–17.

Учитывая вышеизложенное, юридическую конструкцию презумпции доверия полиции в системе социальных норм и отношений, охраняемых государством, можно представить следующим образом.

Презумпция доверия полиции – это модель правоотношений с участием полиции, закреплённая в нормах права и применяемая в регулировании общественных отношений на основе доверия полиции, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели.

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Одной из особенностей женской преступности, представляющей интерес с точки зрения совершенствования мер, направленных на повышение эффективности профилактической деятельности по рассматриваемому направлению правоохранительной деятельности, является ее определенная «двойственность». С одной стороны, данное свойство определяется высоким уровнем виктимности противоправной деятельности в рассматриваемой сфере. С другой, весьма устойчивой стигматизацией¹, имеющей весьма значительную субъективную составляющую. Другими словами, женщине преступившей уголовно-правовой запрет и подвергнутой за это наказанию, бывает сложнее ресоциализироваться, чем представителям других видов преступников.

Сквозь призму специфических особенностей, характеризующих женскую преступность и имеющих достаточно устойчивую основу², должны оцениваться и формируемые меры противодействия данному негативному социально-правовому явлению.

При этом на такого рода двойственность накладывается и неоднозначность, определяемая ролью женщины в современном социуме.

Представительницы прекрасного пола все более активно и открыто участвуют в выработке решений на глобальном уровне по всему спектру вопросов современной жизни. Они успешно руководят крупными транснациональными корпорациями, международными организациями, государственными и общественными структурами, правительствами ведущих стран и являются позитивными образцами для общественного подражания.

При этом существуют неделимые и недеделируемые именно женские аспекты семейно-бытовых отношений, от успешного решения которых зависят существенные и фундаментальные вопросы построения общественного общежития и обустройства.

При этом данные аспекты могут иметь и ярко выраженный криминогенный характер, например, следование противоправному, а в

¹ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994. С. 341–343.

² См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С.192.

крайних проявлениях, и преступному (например, террористическому) образу действия партнера.

Степень деструктивного воздействия криминогенных и антиобщественных установок на женскую психику, которая является достаточно устойчивой к внешнему негативному воздействию³, мультипликационно усиливается за счет возникающих внутренних (субъективных) негативных установок.

Данный фактор важно учитывать при анализе механизма преступного поведения, поскольку несколько, не очень значимых в отдельности криминогенных факторов могут в результате оказать значительное совместное криминогенное воздействие.

С приобретением криминального опыта женщины более активно (чем мужчины) теряют способность к установлению и поддержанию социально полезных связей.

Женская психика является более восприимчивой к воздействиям внешней среды⁴, что позволяет ей воспринимать картину окружающего мира многозначно, но в то же время секторально, допуская одновременное существование нескольких комфортных для носителя (женщины) несовпадающих, а иногда противоположных оценок по одному вопросу. Такой подход наиболее отчетливо может проявляться в отношении членов ее социальной группы. Например, восприятие женщиной близкого человека как преступника не делает его негативно субъективно воспринимаемым и не вызывает отторжения совершаемых противоправных деяний.

Отметим, что для того, чтобы объективно оценить состояние современной женской преступности и выявить тенденции и закономерности ее изменения, следует использовать оценки как качественных характеристик, так и количественных показателей, поскольку такой многозначный и разноречивый спектр детерминации определяет особенности соответствующих предупредительных мер. При этом мы обозначили лишь некоторые направления возможного анализа.

В плане рассматриваемой темы представляют интерес возможности, предоставляемые анализом данных официальной уголовной статистики, характеризующих результаты противодействия преступлениям, совершенным женщинами.

Рассматривая количественные показатели, демонстрирующие свойства женской преступности, отметим, что данное явление, с уче-

³ См.: Гилинский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб., 2002. С. 77–78.

⁴ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. С. 308.

том высказанных в криминологической науке точек зрения⁵ будет отражать совокупность преступлений, совершенных лицами женского пола, достигшими возраста уголовной ответственности, а также самих этих женщин на определенной территории за определенный промежуток времени.

Одним из основных статистических показателей, характеризующих женскую преступность, является количество женщин, совершивших деяния, запрещенные уголовным законом. Представляется интересным сравнить тенденции указанной статистической совокупности с закономерностями аналогичных показателей преступности несовершеннолетних. Такой подход вызван некоторой схожестью криминогенных факторов данных видов преступности, а также тем соображением, что как женская преступность, так и преступность несовершеннолетних являются очень чувствительными (хотя и не схожими) индикаторами наличия факторов социально-экономической нестабильности (табл. 1).

Таблица 1

**Тенденции женской преступности и преступности
несовершеннолетних⁶**

Год	Выявлено женщин, совершивших преступлений	Прирост, %	Выявлено несовершеннолетних, совершивших преступлений	Прирост, %
2003	205 884	–7,8 %	145 577	3,7 %
2004	163 259	–20,7 %	151 890	4,3 %
2005	178 446	9,3 %	149 981	–1,3 %
2006	204 927	14,8 %	148 595	–0,9 %
2007	200 892	–2,0 %	131 965	–1,2 %
2008	200 834	0,0 %	107 890	–8,2 %
2009	194 202	–3,3 %	85 452	–0,8 %
2010	172 375	–1,2 %	72 692	–4,9 %
2011	159 329	–7,6 %	65 963	–9,3 %
2012	154 368	–3,1 %	59 461	–9,9 %
2013	156 268	1,2 %	60 761	2,2 %
2014	158 156	0,8 %	54 369	–1,0 %
2015	172 178	8,2 %	55 993	2,4 %
2016	148 026	–14,0 %	48 589	–3,2 %
2017	146 916	–0,7 %	42 504	–2,5 %

⁵ См.: Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 63.

⁶ См.: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 23.04.2018).

Можно отметить, что рассматриваемым показателям женской преступности присущ более динамичный и «разорванный» характер изменений, что может свидетельствовать об отсутствии единой последовательной линии профилактической работы либо о частой смене существенных криминогенных и антикриминогенных факторов.

Также представляет интерес тот факт, что до 2007 г. наблюдался разнонаправленный характер изменений рассматриваемых видов преступности.

Сравним приведенные данные о количестве женщин, совершивших преступления, с тенденциями общего объема лиц, совершивших преступления за указанный промежуток времени на территории Российской Федерации (рис. 1).

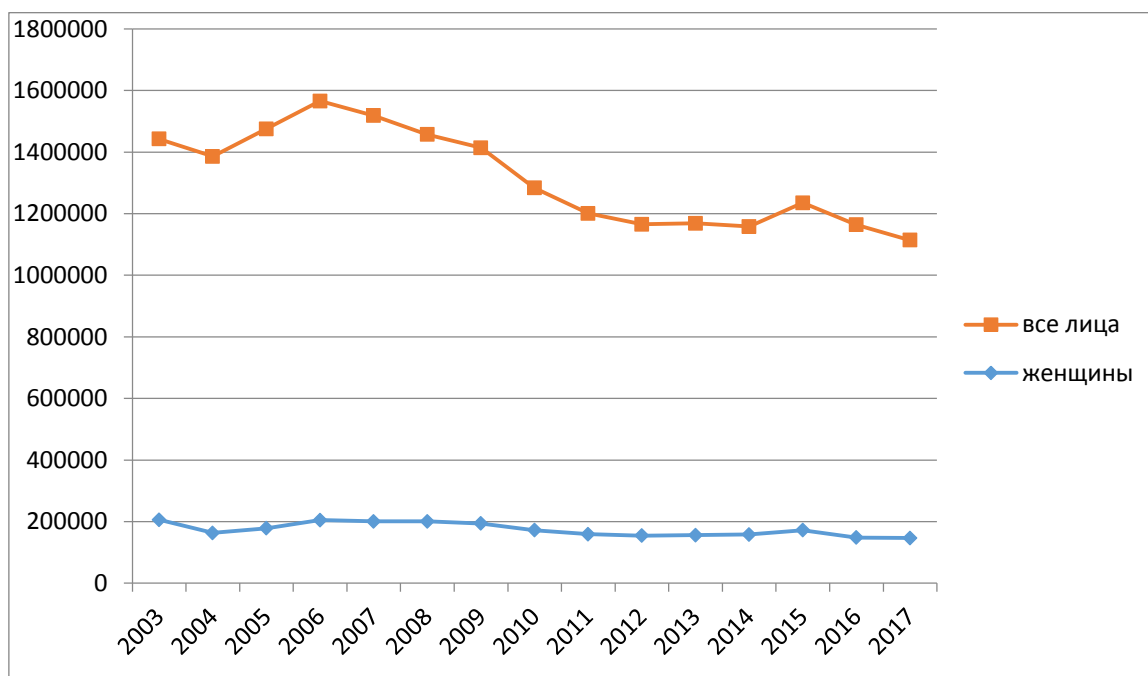

Рис. 1. Количество выявленных лиц (всего) и женщин (отдельно), совершивших преступления на территории Российской Федерации в 2003–2017 гг.⁷

Можно отметить, что в настоящее время женская преступность имеет тенденцию к снижению объема лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты, что совпадает с тенденциями общей преступности в России.

В качестве наиболее криминогенных можно обозначить периоды с 2005 по 2006 и с 2003 по 2015 г., которые характеризуются макси-

⁷ См.: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.11.2017).

мальными по своим значениям показателями объема и динамики выявленных лиц женского пола.

Общие тенденции количества выявленных женщин, совершивших преступления, совпадают с закономерностями изменения всего объема выявленных лиц, совершивших преступления, однако динамика рассматриваемого вида преступности более подвижна.

С учетом того, что в начале 90-х годов (1990–1995 гг.) удельный вес женщин, совершивших преступления, составлял в среднем 12,4 %⁸ от общего объема выявленных лиц, совершивших преступления, то в качестве тревожной тенденции можно отметить увеличение удельного веса женщин в общем объеме выявленных преступников⁹.

Важным источником криминологической количественной информации являются данные, представленные на Портале правовой статистики¹⁰ (поддерживается Генеральной прокуратурой Российской Федерации).

На основе анализа представленных на указанном ресурсе данных можно выделить три основные криминогенные группы женщин-преступников.

Первая – лица, имеющие начальное и основное общее образование (43,9 % от всех лиц женского пола, совершивших преступления по данным за 2016 г.). Данная группа совершает преступления в сфере семейно-бытовых отношений, корыстные преступления, не связанные с профессиональной деятельностью, в том числе в составе маргинальных групп. Указанные представители криминалитета активно участвуют в обороте запрещенных товаров и услуг (например, незаконный оборот наркотиков и иных запрещенных веществ).

Вторая – группа с высшим профессиональным образованием (25,7 %). Сфера их криминальной деятельности – это должностные преступления с корыстной, а также иной личной мотивацией (например, обучение детей в престижных учебных заведениях).

Особого внимания заслуживает криминальный мотив, связанный с нежеланием публично показать свою некомпетентность либо скрыть допущенные служебные просчеты.

Достаточно часто такого рода преступные деяния совершаются в группе и по предварительному сговору.

⁸ См.: Преступность и правонарушения. 1994: статистический сборник. М., 1995. С. 27.

⁹ См.: Криминология / под общей ред. А.И. Долговой. М.: Издательская группа ИНФРА-М., 1997. С. 668.

¹⁰ См.: URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 11.08.2018).

Третья – лица, имеющие среднее профессиональное образование (25,2 %). Данные представители характеризуются совершением преимущественно корыстных преступлений при реализации профессиональной деятельности (например, сфера торговли, хранения материальных ценностей и т.п.)

Отметим, что данное соотношение уровня образования является достаточно устойчивым при одновременном усилении криминальной пораженности лиц с высшим профессиональным образованием.

Сказываются на степени криминальной пораженности и возрастные характеристики рассматриваемой группы преступников.

Самая криминогенная группа – женщины в возрасте от 30 до 49 лет (53,9 % от объема женщин, совершивших преступления в 2016 г.). Потом следует возрастная группа от 25 до 29 лет (17,2 %). И далее – группа женщин в возрасте от 18 до 24 лет (14,5 %).

Если рассматривать указанные показатели, начиная с 2010 г., то ранее высокую криминальную активность проявляла группа в возрасте от 18 до 24 лет, которой свойственна ситуационная криминальная мотивация.

На этом фоне весьма тревожной тенденцией является уже отмечавшаяся отечественными учеными устойчивая рецидивная составляющая рассматриваемого вида преступности¹¹. В криминологической литературе указывалось, что «социально-нравственная деградация у женщин-рецидивисток происходит по общему правилу гораздо интенсивнее, чем у неоднократно судимых мужчин»¹². Одновременно повышается удельный вес женщин, совершающих тяжкие преступления и преступления в группах¹³.

Отметим, что подобного рода набор параметров является весьма тревожным с точки зрения воспроизводства рецидивной преступности женщин, что, в свою очередь, существенно повышает значение эффективных профилактических мер в противодействии женской преступности.

В этом плане представляется целесообразным отдать приоритет реализации комплексных профилактических мероприятий, проводимых совместно с мерами по противодействию иным видам преступности (корыстной, насильственной, преступности несовершеннолет-

¹¹ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. С. 302.

¹² Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: Изд-во Щит-М, 1998. С. 221.

¹³ См.: Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Издательская группа ИНФРА-М, 1997. С. 669, 671.

них и т.п.) и имеющих длительный (не менее 5 лет), плановый характер.

Профилактические меры в рассматриваемой сфере должны быть взаимосвязаны с иными мерами социально-экономического характера, направленными на повышение уровня жизни населения и его социальной обеспеченности, а также поддержание принципа социальной справедливости.

Отдельным комплексом мер должны реализовываться программы, направленные не только на ресоциализацию женщин, отбывших уголовное наказание, но и попавших в тяжелую жизненную или психотравмирующую ситуацию. Важное значение имеют меры по реинтеграции в социальную среду, демонстрирующие положительную социальную оценку, в том числе на уровне круга общения и зоны комфорта.

Уголовная политика в рассматриваемой сфере должна, с одной стороны, идти по пути либерализации уголовного наказания за нетяжкие или совершенные впервые преступления, а с другой, не снижать степень неотвратимости и суровости уголовно правового воздействия при устойчивых криминальных проявлениях, имеющих характер преступного профессионализма и рецидива.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Обеспечение общественного доверия и поддержка граждан нормативно закреплено в ст. 9 Федерального закона «О полиции» и является одним из критериев официальной оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с требованиями приказа МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» (далее – приказ МВД России №777-16 г.) результаты оценки общественного мнения представляются ФГКУ «ВНИИ МВД России» на основе материалов ФСО России, два раза в год – апреле и ноябре.

По результатам исследования ФСО России в 2016 г. общественно-го мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Челябинская область характеризовалась, как неблагополучная. По уровню доверия граждан к органам внутренних дел и защищенности личных и имущественных интересов граждан от преступных посягательств из 85 субъектов Российской Федерации Челябинская область находилась на 83 месте, а по уровню эффективности нашей деятельности по защите интересов граждан – на 84 месте.

В соответствии с требованиями приказа МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ МВД России № 1040-13 г.) ГУ МВД России по Челябинской области занимало в рейтинге по стране:

- в 2014 г. – 33 место,
- в 2015 г. – 22 место,
- в 2016 г. – 16 место.

В 2017 г. при четверти регистрируемых в Челябинской области преступлений (33 332, +1,1 %) после Москвы (71 961, –23,9 %), Московской области (43 668, –7,7 %) и Краснодарского края (33 492, –1,5 %) (по данным ГИАЦ МВД России за 6 мес.) мы показали стабильную эффективность работы по итогам 1 квартала – 4 место, по итогам полугодия и семи мес. – 2 место, по итогам восьми мес. – 3 место в рейтинге по стране.

В сентябре 2017 г. по распоряжению Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Александровича Колокольцева проведено инспектирование ГУ МВД России по Челябинской области, по результатам которого инспекторской комиссией результаты деятельности оценены удовлетворительно, т.е. была подтверждена высокая итоговая ведомственная оценка (определяемая МВД России) при отрицательной вневедомственной оценке (определяемая результатами изучения ФСО России общественного мнения).

Негативное отношение населения (по результатам изучения общественного мнения к полиции) и при этом высокие и стабильные показатели эффективности нашей работы (по результатам ведомственной оценки) стало поводом для нашего обращения в текущем году к руководству МВД России для проведения исследования общественного мнения сотрудниками МВД России.

В мае 2017 г. по распоряжению статс-секретаря – заместителя министра внутренних дел Российской Федерации Игоря Николаевича Зубова для проведения социологического опроса в Челябинскую область прибыла группа сотрудников ФГКУ «ВНИИ МВД России» и Академии Управления МВД России.

Нами было предложено на выбор ряд территорий для изучения общественного мнения. В итоге для проведения опроса определены областной центр и район с наиболее сложной социальной ситуацией – Коркинский. В сотрудничестве с Южно-Уральским государственным университетом, Челябинским государственным университетом и Коркинским горно-строительным техникумом проведен опрос более 756 жителей г. Челябинска и 368 жителей отдельного района (Коркино).

Обработанные сотрудниками МВД России результаты изучения общественного мнения в мае 2017 г. в указанных муниципальных образованиях Челябинской области показали значительное превышение показателей опросов, предоставленных в ФГКУ «ВНИИ МВД России» сотрудниками УИС Спецсвязи ФСО России по Челябинской области в апреле 2017 г. Так:

показатель уверенности в защищенности своих личных и имущественных интересов от противоправных посягательств отметили 49,2 % (данные ФСО 27,3 %) опрошенных граждан;

выразили доверие органам внутренних дел и рассчитывают на их помощь 54 % (данные ФСО 29,35 %) респондентов;

эффективность ОВД как государственного института по защите личных и имущественных интересов граждан оценили 55,1 % (данные ФСО 28,5 %).

Учитывая значительную разницу в оценочных показателях опросов и не высказывая сомнения к объективности результатов УИС Спецсвязи ФСО России, можно сделать вывод о несовершенстве применяемых методик и подходов к изучению общественного мнения на территории одного территориального образования.

Актуальность вопроса вызывает еще и тот факт, что *оценка общественного мнения* (как вневедомственная оценка) в соответствии с Приказом МВД России № 1040-13 г. учитывается также по результатам инспектирования оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России в Сводной оценочной ведомости, оставаясь при этом *необъективной*, так как мнение граждан об уровне их защищенности не формируется деятельностью только одной полиции, *мнение* о безопасности, защищенности, уровень виктимности *складываются из оценки деятельности всех правоохранительных органов* – следственного комитета, ФСБ, таможенных органов, а также прокуратуры, судов и др.

В целях решения имеющихся проблем предлагаю:

1. Исключить из итоговой комплексной оценки деятельности территориальных органов МВД России в соответствии с требованиями Приказа МВД России № 1040-13 г. вневедомственную оценку их деятельности, как *не носящую сегодня объективный характер*.

Соблюдая нормы, предусмотренные ст. 9 Федерального закона «О полиции», изучать общественное мнение в территориальных органах МВД России на региональном уровне с выставлением оценок:

уровню удовлетворенности населения доступностью полиции;

готовности граждан к сотрудничеству с полицией;

своевременности и качеству реагирования полиции на заявления и сообщения о преступлениях и иных правонарушениях.

Рассмотреть возможность вывода оценки общественного мнения *по этим вопросам* на федеральном уровне.

2. ФГКУ «ВНИИ МВД России» инициировать внесение в МВД России предложений по дополнению Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. за № 345 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. № 385), *по созданию общегосударственной системы*

оценки правоохранительных органов, разработке методик по изучению общественного мнения населения о деятельности всех федеральных органов государственной власти правоохранительной направленности, в том числе судебной власти.

Сегодня мы лишь констатируем отсутствие общедофедеральной оценки деятельности органов правоохраны.

3. Считаю целесообразным пересмотреть организацию мониторинга мнения населения о деятельности полиции, закрепив его проведение за независимыми социологическими службами посредством проведения тендера.

В настоящее время оценки, выставленные ФСО России, не носят исследовательский характер. Так, *не выполняются* в ходе исследований такие *функции*, как:

описание: не определяются зависимости, что не дает возможности проникнуть в сущность изучения общественного мнения и выработать необходимые решения;

объяснение: нет раскрытия связей между установленными в процессе описания фактами, эмпирическими зависимостями, гипотезами; вывода определенных предложений и положений, что не позволяет понять, почему полиция работает недостаточно эффективно и какие негативные факторы лежат в основе сложившегося положения;

предвидение: нет выдвижения научно обоснованных предположений относительно вероятного будущего изменения, развития изучаемого явления, то есть невозможно определять правильные цели и выработать эффективные управленческие решения.

Таким образом, сохраняется упрощенный математический подход обработки анкетных данных, не способный отвечать целям реформирования ОВД, связываемых с удовлетворением возрастающих потребностей населения в формировании гражданского общества и реализации принципов правового государства.

4. Рассмотреть возможность отдельного мониторинга очного (интервьюирование) или заочного (анкетирование) опроса граждан, а также интернет-опроса с использованием аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях изучения и учета общественного мнения *граждан, непосредственно сталкивающихся с работой полиции*. Именно оценка потерпевших и свидетелей, участников ДТП, лиц, обратившихся в органы внутренних дел за оказанием государственных услуг, а также с заявлениями о преступлениях и происшествиях, будет наиболее достоверно отражать мне-

ние населения об эффективности принимаемых полицией мер, *а оценка ранее судимых лиц и лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, predetermined заранее.* Для справки: в Челябинской области каждый третий житель в возрасте от 14 до 70 лет ранее привлекался к уголовной ответственности.

5. При сохранении сложившейся практики изучения общественного мнения, рассмотреть и положительно решить вопрос *о конкретизации* такой формы мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, как взаимодействие с ФСО России в организации социологических исследований при проведении опросов населения (п. 2 приказа МВД России № 777-16 г.) *путем допустимости* проведения этой деятельности *совместно*.

Полагаю возможным распространить положительную практику Челябинской области по привлечению студентов образовательных организаций к проведению опросов граждан.

Руководство ГУ МВД России по Челябинской области критично относится к выставленной нам сотрудниками ФСО России оценке по результатам изучения общественного мнения в 2016 г. и принимает все необходимые меры к повышению уровня доверия к себе и поддержки граждан.

Наши предложения носят дискуссионный и неоконченный характер, могут быть дополнены и изменены.

В. А. Плешаков,
доктор юридических наук, профессор
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ Ю.М. АНТОНЯНА О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СИТУАЦИИ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД России. В 1957 году окончил юридический факультет МГУ, работал следователем, оперуполномоченным уголовного розыска, начальником отделения милиции, старшим инспектором по особым поручениям МВД СССР, доцентом, профессором Академии МВД СССР, главным научным сотрудником ВНИИ МВД России. Автор более 500 опубликованных научных работ по криминологии, психологии, уголовному праву, уголовно-исполнительному праву, философии религии. Среди них свыше 60 монографий, из которых более половины принадлежит его личному авторству. Соавтор пяти учебников по криминологии, один учебник по криминологии написан им лично.

Говоря о Юрии Мирановиче Антоняне как о выдающемся ученом, я бы хотел особое внимание обратить не только на разносторонность и глубину его научных интересов, но и доказать перспективность его исследований, когда он может быть провидцем научного направления, подхваченного ведущими зарубежными учеными и ставшего одним из основных стратегических направлений в предупреждении преступлений.

Одним из таких направлений является ситуационное предупреждение.

Проблема взаимосвязи конкретной жизненной ситуации и личности при совершении преступления разрабатывалась российскими учеными-криминологами достаточно давно. Так, А.М. Яковлев еще в 1966 г. указывал, что все влияющие на человека обстоятельства выступают «в определенном комплексе, сочетании, в форме конкретных жизненных ситуаций, воплощаясь в тех требованиях, которые предъявляет к лицу непосредственное окружение»¹. В.Н. Кудрявцев в своих публикациях последовательно уделял внимание взаимосвязи лич-

¹ Яковлев А.М. Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования // Советское государство и право. 1966. № 2. С. 63.

ности преступника и ситуации совершения преступления². Были и другие фундаментальные исследования в этом направлении³. Наиболее значимой применительно к рассматриваемой проблеме была работа Ю.М. Антоняна «Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления», опубликованная в 1973 г. В этой работе Ю.М. Антонян заложил основы в криминологическое изучении ситуаций совершения преступлений. При этом он указывал: «Очевидно, что конкретная жизненная ситуация, складывающаяся до и в момент совершения преступления, может играть решающую роль в преступном деянии. Хотя, конечно же, никакая жизненная ситуация не приводит фатально, минуя волю и сознание субъекта, к совершению преступления. Поэтому основное внимание акцентируется на взаимодействии, взаимовлиянии конкретной жизненной ситуации и личности, ее социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей»⁴.

В этой и других вышеперечисленных работах, по сути, была заложена теоретическая основа ситуационного подхода в криминологии. В последнее время роль конкретной ситуации в механизме индивидуального преступного поведения рассматривалась в основном фрагментарно лишь в некоторых учебниках «Криминология».⁵ Фундаментальные же исследования этой проблемы в рамках криминологической науки в современный период не проводились.

В.Н. Кудрявцев уже в 2003 г. в числе стратегий борьбы с преступностью особо выделил стратегию безопасности, меры которой он определяет как «предпринимаемые в целях защиты людей, промышленных, военных, научных и иных объектов от преступных посягательств неустановленных (неопределенных) лиц»⁶. В рамках данной

² См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 242–253; Взаимосвязь элементов преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 25. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. Гл. VII. С. 12.

³ См.: Механизм преступного поведения. М., 1981; Криминальная мотивация: сборник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1986; Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1976; Алимов С.Б. Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1971; и др.

⁴ Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 4.

⁵ См.: Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 150–153; Криминология: учебник / под ред. проф. В.Д. Малкова. М., 2004. С. 104–108; и др.

⁶ Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 307.

стратегии рассматривается ситуационное предупреждение, задача которого «состоит в том, чтобы опасную, провоцирующую или иным образом содействующую совершению преступления ситуацию превратить в нейтральную»⁷. Рассматривая тенденции и перспективы различных стратегий борьбы с преступностью, В.Н. Кудрявцев выделяет два пути их реализации: эволюционный и реформаторский. При этом эволюционный путь, связанный с планомерным, последовательным и, по-видимому, достаточно медленным совершенствованием той громоздкой и неповоротливой системы уголовной юстиции, пройденный многими странами, не дал существенных результатов и поэтому в западных странах и США, столкнувшись с наиболее тяжкими проявлениями преступности, несколько раньше нас стали разрабатывать более радикальные меры⁸. К таким мерам можно отнести и ситуационное предупреждение.

Ситуационный подход в предупреждении преступлений не нов. Он активно развивается за рубежом, поддержан международными организациями. Целый раздел «Руководства по основным направлениям предупреждения преступлений», принятого ООН 7 сентября 1990 г., был посвящен ситуационному предупреждению преступности, которое в основном связано с сокращением возможностей правонарушителей.

С этими проблемами столкнулись и правоохранительные органы США и Великобритании, что подвигло их на пересмотр устоявшихся в криминологии подходов. «В теоретической криминологии, по сути, был осуществлен переход от поиска причин преступности к определению тех факторов окружающей среды, которые способствуют или препятствуют совершению преступлений»⁹. Это направление в криминологии, развиваемое еще с 80-х годов прошлого столетия, получило название «Энвайроментальная криминология» (*environmental criminology*)¹⁰, что переводится, как «криминология окружающей среды» или «криминология повседневной жизни»¹¹. Довольно подробно об этих изменениях в подходах к этому виду предупреждения преступлений описано в недавно изданной монографии А.Л. Гуринской: *Англо-американская модель предупреждения преступности:*

⁷ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. М., 2003. С. 313.

⁸ См.: Там же. С. 345.

⁹ Гуринская А.Л. *Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 65.

¹⁰ См.: Wortley R.K., Tomnsley M. (eds). *Enviromental criminology and crim analysis.* Routledge, 2017.

¹¹ Garland D. *The culture of control*, 2001.

критический анализ¹². В основе этой криминологии лежит идея ограничения возможности преступника в совершении преступления, чтобы даже имея мотив на совершение преступления, он отказался бы от его реализации под влиянием внешних препятствующих условий, в том числе из-за страха задержания на месте преступления или по горячим следам.

Становление англо-американской модели предупреждения преступности Э. Корвальо объясняет тем, что проблема преступности рассматривается политиками как проблема обеспечения безопасности¹³. Об этом автор статьи писал еще в 1998 г., в том числе в своей докторской диссертации¹⁴. Стратегия обеспечения криминологической безопасности предполагает смещение акцентов с воздействия на саму преступность и причины, ее порождающие, на обеспечение криминологической защиты объектов возможного преступного посягательства.

Важно понять, что причины и условия, способствующие формированию личности преступника, лежат в глубинных пластах социальной жизни и связаны со многими имеющимися противоречиями, которые разрешить в ближайшее время не представляется возможным, то есть база для дальнейшего развития преступности будет сохраняться еще неопределенное время. Поэтому необходимо при разработке стратегии борьбы с преступностью наряду с мерами по воздействию на преступность, личность преступника, нейтрализующие криминогенные факторы и предупреждающие преступные проявления предусматривать и меры по защите личности, общества, государства от преступных посягательств, снижающие заинтересованность в совершаемом преступном посягательстве и выгоду от него, создающие трудности в их совершении, повышающие риск пресечения и его раскрытия. Важно своевременно определять наиболее виктимогенные объекты возможных преступных посягательств, категории лиц с повышенной виктимностью и мерами виктимологической профилактики снижать риск преступных посягательств, подготавливая необхо-

¹² См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018.

¹³ См.: Carvalho H. The preventive turn in criminal law. Oxford University Press, 2017. P. 9. Цит. по: монографии Гуринской А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018.

¹⁴ Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних. М.: Академия управления МВД России, 2008.

димый отпор преступникам, расставляя всевозможные преграды на пути совершения преступлений.

Как указывает в своей монографии А.Л. Гуринская, американские криминологи проводили исследования того, как совершаются кражи, в том числе с проникновением в жилище, вооруженные нападения, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Эти исследования подтвердили идею о том, что правонарушители действительно мыслят рационально, соизмеряют те блага, которые они могут получить от своего поведения, с теми опасностями, которые им грозят¹⁵.

Таким образом, возведение преград различного рода на пути реализации преступного умысла в настоящее время может существенно повысить уровень обеспечения криминологической безопасности. Но такие преграды должны возводиться на основе изучения ситуаций совершения преступлений.

Автор не раз в своих работах обосновывал необходимость введения в науку криминологии частной криминологической теории «ситуационной криминологии». Основной задачей ситуационной криминологии должно стать исследование ситуации совершения преступления, ее роли в механизме индивидуального преступного и виктимного поведения.

Предмет такой «микрокриминологии» или «ситуационной криминологии» может включать в себя ситуацию подготовки и совершения преступления или предкриминальную, криминогенную и криминальную ситуации, факторы, способствующие развитию и реализации таких ситуаций, личность преступника и механизм формирования и реализации мотивов индивидуального преступного поведения, виктимогенную ситуацию и факторы, ее порождающие и развивающие, личность жертвы, меры, нейтрализующие предкриминальную и криминогенную ситуации, меры, устраняющие или снижающие уровень криминальности ситуации совершения преступления, меры криминологической защиты и виктимологической профилактики.

Конкретная криминологическая ситуация отражает индивидуальное своеобразие того или иного преступления. Вместе с тем в каждой криминологической ситуации присутствует ряд признаков, делающих ее похожей на другие ситуации такого же типа, то есть типовые. Следовательно, процесс выявления типовых ситуаций есть результат

¹⁵ См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 319.

обобщения наиболее характерных для данного типа ситуаций признаков и моделирования интегрированной ситуации. Это необходимо для выработки стратегии и тактики предупреждения такого типа преступлений, для которых характерны данные криминологические ситуации.

Такие типовые ситуации должны лечь в основу информационной системы. Подобная информационная система основывается на данных первичного учета преступлений, в котором необходимо разработать свой классификатор криминологических ситуаций (в статистических карточках на выявленное преступление).

И такая типологизация способов совершения преступлений вроде бы проведена в справочнике № 12 «Способ совершения преступлений», который используется при заполнении пункта 29 формы 1 (на выявленное преступление) и пункта 50 формы 2 (на лицо, совершившее преступление). Однако в этом справочнике приводится лишь 35 таких способов. Опрос сотрудников органов внутренних дел, заполняющих эти карточки, показал, что во многих случаях перечисленные в справочнике способы не соответствуют способу совершения конкретного преступного деяния. В результате ни о каком обобщении способов совершения преступлений на территориальном уровне, а тем более на уровне всей страны не может быть и речи. Мониторинг же ситуаций совершения преступлений, включающий в себя и способы совершения преступлений, необходимо проводить на постоянном уровне. Изучение ситуации совершения преступления позволит выявить те обстоятельства, которые нацелили преступника на данный объект преступного посягательства, способствовали реализации его мотивации.

Знание таких ситуаций, обобщение их наиболее характерных для определенного вида преступлений признаков позволит не только определенным образом их классифицировать, изучить ситуационные факторы, провоцирующие преступника, способствующие реализации его преступного замысла, но и, что главное, выработать меры ситуационного предупреждения. При этом такие меры направлены не на преступника, а в основном на защиту от преступного посягательства.

Такой мониторинг поможет ответить на следующие вопросы. В каких случаях тот или иной объект подвергается преступному посягательству? Что способствовало тому, что именно на этот объект было совершено нападение? Какие преграды и как были преодолены преступником? Почему эти преграды не остановили преступника?

Какие меры можно предпринять, чтобы исключить либо существенно затруднить преступные посягательства того или иного вида? И т.п.

Таким образом, криминологический мониторинг криминальных ситуаций не только важен, но и необходим, поскольку только с его помощью можно принимать реальные меры защиты граждан, имущества от возможных преступных посягательств, то есть реализовывать конституционное право граждан на государственную защиту от преступных посягательств.

Это позволит разрабатывать оптимальные программы принятия решений по предупреждению преступлений определенного вида, способа совершения.

При таком подходе по каждому совершенному преступлению необходимо анализировать криминологическую ситуацию, выявляя неиспользованный потенциал профилактической ситуации, принимать меры по предупреждению рецидива преступления, дальнейшей виктимизации жертвы. Результаты такого анализа должны быть использованы для повышения эффективности предупреждения такого типа криминологических ситуаций. В этом случае специалист по предупреждению преступлений (это может быть участковый уполномоченный, либо специальный сотрудник профилактических подразделений, о создании которых в органах внутренних дел уже много говорилось на разных уровнях) должен присутствовать на месте совершения преступлений в составе следственно-оперативной группы.

Ситуационный подход необходимо реализовывать и в предупреждении преступлений. Об этом уже не раз говорилось, в том числе и автором этой статьи. Поэтому обозначу лишь основные направления криминологической защиты объектов преступного посягательства, которые могут стать эффективным средством воздействия на криминологическую ситуацию.

Меры криминологической защиты призваны решать четыре основные задачи: во-первых, более эффективно могут защищать объект преступного посягательства; во-вторых, создавать осознаваемые преступником трудности в совершении данного преступления, в-третьих, снизить заинтересованность в совершении преступления и, в-четвертых, увеличить осознаваемую преступником угрозу разоблачения и задержания.

Кроме того, изучение ситуации может показать, какую роль в ней сыграл потерпевший, то есть помочь выработать меры защиты и виктимологической профилактики.

Таким образом, к мерам криминологической защиты можно отнести следующие:

1. Непосредственная защита объектов преступного посягательства, которая включает в себя:

укрепление объекта преступного посягательства или усиление его сохранности, реализуемое путем разработки более эффективных запирающих устройств, укрепления дверей, окон, установления охраны и охранной сигнализации и т.п.;

разработку специальных нормативов криминологической безопасности строительных объектов, разработку стандартов криминологической безопасности в других сферах: технологической (создание автоматических без доступа человека технологических линий по производству, переработке материалов, наиболее расхищаемых, драгоценных камней, металлов, ГСМ, алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ и т.п.), финансовой (увеличение безналичного оборота денежных средств, разработка методики проведения финансовых операций, снижающих риск хищения), административной (меры предупреждения коррупции) и других;

дальнейшее развитие системы страхования от криминальных посягательств и др.

2. Создание осознаваемых преступником трудностей в совершении данного преступления включают в себя:

меры по введению специальных режимов безопасности на объектах возможных преступных посягательств, пограничных, миграционных, пропускных и иных режимов;

принятие мер, при которых средства совершения преступлений становятся недоступными для преступников, проверка пассажиров железнодорожного, авиа- и автотранспорта, спортивных болельщиков и зрителей при посещении спортивных и культурно-массовых мероприятий и т.п.

3. Меры, снижающие заинтересованность в совершении преступления уменьшающие ценность имущества, создающие трудности при их реализации. Это нанесение специальных трудно сводимых и скрытых маркировок, создание каталогов произведений искусства, антиквариата и других особо ценных вещей.

4. Меры, увеличивающие осознаваемую преступником угрозу разоблачения и задержания.

Это расширение и установка различных видов наблюдения за объектами возможного преступного посягательства. При этом используются следующие виды наблюдения:

формальное – установка видеонаблюдения за подъездами, наиболее оживленными участками микрорайонов, в метро и на других видах транспорта, за движением автотранспорта, расширение и корректировка дислокации патрульно-постовых нарядов органов внутренних дел, привлечение к патрулированию населения;

неформальное – визуальное наблюдение, осуществляемое жителями по месту жительства, установка дежурства в подъездах, использование возможностей наблюдения со стороны расположенных в микрорайонах служб безопасности и охраны, сторожей;

естественное наблюдение, осуществляемое гражданами из окон квартир, учебных заведений, административных зданий, организуется путем корректировки проектов зданий микрорайонов, зон отдыха, стоянок автотранспорта с учетом хорошей просматриваемости и освещенности.

Организация быстрого взаимодействия с органами правопорядка при помощи специально установленной в общественных местах аппаратуры прямой связи.

Наконец, это установление определенных правил (условий) обеспечения криминологической безопасности в архитектуре, планировании микрорайонов, мест отдыха детей, мест парковки автомобилей и т.п.

Но для того, чтобы эффективно применять эти меры, необходимо организовать изучение криминальных ситуаций, их систематизировать и классифицировать.

Пока этой проблеме не уделяется должного внимания. Государственная статистика о зарегистрированных преступлениях не предусматривает их систематизацию и анализ. Создание электронного банка данных криминальных ситуаций важно как в целях криминалистики, чтобы вырабатывать типовые меры раскрытия преступлений, розыска и разоблачения преступников, так и для криминологии в целях их глубокого изучения и выработки мер криминологической защиты и виктимологической профилактики.

В. А. Р а ч и ц к а я,
кандидат юридических наук;
П. С. Ж у к о в
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УБИЙСТВ НА ОСНОВЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ МОТИВОВ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Все преступления имеют свойственные лишь им совокупности криминологических характеристик, которые могут являться основанием их типологизации. Убийство как вид насилия «произрастает» из древнейших времен, но постоянно порождается современными тому или иному периоду развития общества причинами¹. Каждое убийство имеет свои особенности, однако при наличии сходства причин и условий их совершения, нравственных, психологических свойств убийц, их пола, возраста, мотивов, которыми движимы преступники, возможно типологическое описание этих преступлений.

Для построения типологии убийств и разработки системы дифференцированных и эффективных мер предупреждения по борьбе с ними проводится сбор и обработка информации об их совершении. С этой целью необходимо создание автоматизированной информационно-поисковой базы данных, в рамках которой накапливались бы сведения о лицах, совершавших насилие, а также сведения, используемые с целью обнаружения и квалификации отдельных видов преступлений. При сборе информации о личности преступника необходимо выяснить по фактам жизни, как реагировал данный субъект на различные жизненные ситуации, условия формирования личности данного преступника и т.п.²

Эффективность мер предупредительного воздействия является основной целью их разработки, поэтому такие меры представляют собой совокупность мероприятий социального контроля, административного надзора, оперативно-розыскных мероприятий, а также виктимологической профилактики. При этом необходимо определить категорию лиц, в отношении которой должна осуществляться профи-

¹ См.: Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1977. С. 8.

² См.: Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007. С. 10–11

лактика, то есть объект профилактики. Поэтому очень важна организация эффективного взаимодействия субъектов профилактики убийств, связанного с обменом информацией.

Социальный контроль распространяется на лиц, склонных к совершению убийств в силу их образа жизни, административный надзор – на лиц, склонных к насилию и отбывших наказание в виде лишения свободы. Оперативно-розыскные мероприятия направлены на недопущение совершения убийств со стороны лиц, замысливающих совершить такие посягательства. Виктимологическая профилактика направлена на создание типологии потенциальных жертв убийств, выявление и нейтрализацию виктимологических факторов, влияющих на принятие решения о совершении убийства, снижение виктимности потенциальных жертв преступления и др.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий необходима подготовка квалифицированных специалистов субъектов профилактики убийств, а также быстрое реагирование на любые изменения социальной среды, которые могли бы способствовать преступному насилию; своевременную и полную регистрацию всех случаев убийств и иных фактов наступления насильственной смерти, дающих основание заподозрить убийство.

Одним из перспективных направлений работы по профилактике убийств является их предупреждение на стадии формирования мотивов их совершения. Важным направлением является профилактическая деятельность по борьбе с некоторыми видами убийств, осуществляемая в семье (на раннем этапе формирования личности), затем в трудовом коллективе; выявляются особенности психологических черт убийц, специфика мотивов совершения таких преступлений, субъективных причин их совершения.

К первой группе мер предупреждения убийств следует отнести те, которые совершены по мотиву корысти³. Многовариантность ее понимания и своеобразие мотива предопределяет тип психологического механизма возникновения и реализации корысти в насильственном преступлении, в том числе и убийстве.

Для профилактики таких преступлений на государственном уровне разрабатываются специализированные программы, концепции борьбы с разными видами убийств; проводится криминологическая экспертиза действующего законодательства и др. Субъектами профи-

³ См.: Причины преступности в России: материалы международной науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения Антоныяна Ю.М. (31 окт. 2013 г.). М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. С. 217.

лактики проводятся оперативно-розыскные мероприятия, связанные с выявлением лиц, способных совершить такие деяния, раскрытием убийств в ходе разбойных нападений, розыском и задержанием преступников и др.; проводятся специальные мероприятия в процессе исправления лиц, осужденных за убийства по корыстным мотивам; виктимологическая профилактика, в частности, предупреждение аморального, провоцирующего поведения возможных жертв.

В содержание второй группы могут входить меры по предупреждению убийств, совершаемых по мотивам самоутверждения и защиты. Одним из важных направлений предупредительной деятельности, осуществляемой субъектами профилактики таких убийств, является разработка мер упреждающего воздействия на личность несовершеннолетнего с целью предотвращения глубокой социально-психологической деформации и негативных проявлений в будущем. Несовершеннолетние являются потенциальным резервом убийц, поскольку очень часто первое преступление ими совершается до их совершеннолетия. Конечно, необходим комплексный подход для предупредительного воздействия на таких преступников с участием психиатра соответствующего профиля, психолога и социального работника.

Следующей группой убийств, нуждающихся в профилактическом воздействии, могут являться те, которые совершаются по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды⁴. Очевидна необходимость комплексного характера таких мер. Они должны быть направлены не только на совершенствование действующей правовой базы, регламентирующей деятельность религиозных организаций и механизмы осуществления контроля за ними, но и на совершенствование деятельности специализированных подразделений по борьбе с террористическими и экстремистскими проявлениями, в том числе и повышение эффективности противодействия экстремизму в сети Интернет, потому что массовая доступность интернета и средств персональной связи дают современным экстремистам возможности для планирования своей деятельности и организации связи между собой, поэтому при разработке таких мер необходимо учитывать специфику противоправных действий в виртуальном пространстве. По данным статистики, постоянно происходит увеличение количества преступлений экстремистской направленности, совершенных в Интернете.

⁴ См.: Рачицкая В.А. Типология убийств по мотивам их совершения. М., 2015. С. 101.

Одним из важных направлений предупредительной деятельности являются меры, направленные на выявление и нейтрализацию убийств, совершаемых по некрофильским мотивам. В предупреждении данного вида убийств наряду с другими важными мерами существует необходимость в выявлении лиц, постоянно прибегающих к насилию. Как уже отмечалось, личность насильственного преступника может формироваться с детства и выражаться в совершении насильственных действий, например, проявлении жестокости к животным, к людям, участии в избиении и др.

Предупреждение убийств, совершаемых преимущественно по мотивам мести и ревности. Часто убийства совершаются именно по таким мотивам, так как многие возникающие личностные конфликты исчерпываются с помощью убийства. Убийства на почве мести следует предупреждать, своевременно выявляя конфликты, особенно длительные; выявлять лиц, которые вынашивают планы мести, поводы, послужившие основанием для острых противоречий и т.д. Субъекты профилактики убийств на почве ревности должны проводить работу по сбору информации о лицах, совершивших насилие в ходе семейного конфликта, с целью привлечения их к ответственности (жертвами преступлений в таких случаях могут являться члены семьи). Это позволит предотвратить совершение ими тяжких преступлений в будущем. Также необходимо осуществлять контроль за семьями при наличии в них лиц, страдающих расстройствами психической деятельности, алкоголизмом, наркоманией.

Следующей группой является предупреждение убийств, совершаемых по мотивам сострадания. Объектом профилактической деятельности могут являться лица, которые из страха за своего ребенка или нежелания, чтобы ребенок повторил «тяжелую» судьбу своего родителя, лишают его жизни. Поэтому необходимо осуществлять контроль за семьями при наличии в них лиц, страдающих расстройствами психической деятельности. При необходимости в отношении таких лиц с целью недопущения совершения ими данного вида убийства следует применять меры медицинского характера с последующим психиатрическим обследованием.

В системе мер борьбы с убийствами существует направление по предупреждению преступлений, которые совершаются из хулиганских побуждений. Одним из приоритетных направлений субъектов профилактики являются меры общепрофилактического характера, в частности, систематическое обследование мест, где наиболее часто совершаются насильственные преступления, преступления против

общественного порядка; проведение специальных рейдов, проверок; осуществление мероприятий, направленных на своевременное выявление и изъятие незаконно хранимого оружия, пресечение фактов его противоправного изготовления в производственных условиях и др.

Главная цель при разработке и совершенствовании мер по предупреждению убийств – это их эффективность, которая во многом зависит от объективности и качества полученной информации субъектами профилактики, ресурсного обеспечения, разработки комплекса нормативных документов, рекомендаций по ведению и единообразному осуществлению профилактической деятельности, а также соответствия их реалиям сегодняшнего дня.

З. Р. С а л а е в,
старший следователь 4 отдела следственной части
по расследованию организованной преступной деятельности
Следственного управления
УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве

ОБМАН КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННОГО С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ УСЛУГ ОККУЛЬТНОГО ИЛИ ИНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Нормативное определение мошенничества (ст. 159 УК РФ) содержит указание на способы совершения этой формы хищения – обман и злоупотребление доверием. В уголовно-правовой науке принято считать, что не каждому мошенничеству ввиду специфичности сфер его проявления и своеобразия механизма совершения преступления присущи оба этих типичных способа.

Вместе с тем для мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного и психологического характера, в качестве способа совершения преступления возможны и обман, и злоупотребление доверием. В рамках настоящей публикации сделаем акцент на обмане как способе исследуемого вида мошенничества.

Обман имеет место в том случае, когда виновное лицо заведомо предоставляет ложные сведения о качестве услуг оккультного или психологического характера (например, обещает исцеление в результате приема «заговоренной воды», осознавая, что в результате его действий не наступит тех положительных последствий, которые были обещаны в результате процедуры). Обман также может иметь место, когда виновное лицо обещает выполнить в принципе невозможные действия (например, воскресить мертвого или поговорить с умершим и т.д.). Практика показывает, что обман встречается в большинстве случаев предоставления услуг оккультного или психологического характера.

Рассмотрим более подробно способы обмана, связанного с предоставлением услуг оккультного или психологического характера.

Н.А. Лопашенко, исследовав виды обмана как способа совершения мошенничества, выделяет схожие с показанным выше виды обмана:

цыганский обман, в том числе обман с использованием гадания. По мнению автора, взимание денег или получение вещей за сам факт

гадания (предсказание судьбы и т.п.) преступным, как правило, не является. Однако в ряде случаев лицо, пользуясь обманом, выходит далеко за рамки первоначальной договоренности о стоимости сеанса, предрекая, например, в силу якобы открывшейся «порчи» верную гибель потерпевшему и близким ему людям, если в его доме останется хотя бы одна золотая вещь. Степень психологического воздействия цыганки или другого предсказателя на потерпевшего в некоторых случаях настолько велика, что тот действует практически под гипнозом, неосознанно и не помня впоследствии факта передачи своих денег или вещей;

обман в лечении или целительстве. В этой разновидности обмана виновный якобы осуществляет лечение потерпевшего, исцеляет его, снимает с него «порчу», хотя на самом деле его действия не имеют никакого отношения к медицине, в том числе народной, или к целительству. Имеет место обман с целью получения денег или имущества потерпевшего⁵.

Указанные виды обмана схожи по своему содержанию с обманом, связанным с оказанием услуг оккультного и психологического характера, однако исследуемые виды обмана обладают существенной спецификой, предполагающей особый набор иных способов совершения преступления.

Изучение судебной практики и проведенный опрос экспертов позволили выделить следующие типичные формы обмана, характерные для мошенничества, связанного с предоставлением услуг оккультного или психологического характера:

обман, связанный с предоставлением этих услуг посредством использования сети Интернет. В современных условиях информатизации общества этот способ стал одним из наиболее часто встречающихся видов обмана, связанного с предоставлением оккультных или психологических услуг. Сегодня интернет-среда «пестрит» объявлениями, в которых предлагается «вернуть мужа», «приворожить» другого человека, излечиться от неизлечимого заболевания или пагубной зависимости. В таком случае взаимосвязь между потерпевшим и виновным лицом происходит, как правило, путем он-лайн переписки. Денежные средства за предполагаемые услуги переводятся либо на банковскую карту виновного, либо посредством использования различных способов оплаты, таких как QIWI-кошелек или Яндекс-

⁵ См.: Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 240.

деньги. В последнее время популярность для оплаты таких услуг приобретают различные крипто-валюты, прежде всего, биткоины;

обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг посредством ТВ или иных средств связи и массовых коммуникаций (кроме Интернета). В таком случае потерпевший, как правило, реагирует на рекламу оккультных или иных психологических услуг, предоставляемую посредством телевидения или иных информационно-телекоммуникационных сетей, таких как радио, газеты, журналы. Связь преступника (который зачастую не находится на территории Российской Федерации) и жертвы происходит посредством телефонного звонка, соответственно, услуги оказываются во время телефонного разговора, а денежные средства на счет виновного лица поступают либо с помощью денежного перевода с карты на карту, либо путем использования уже указанных способов оплаты. Данная форма обмана также встречается достаточно часто в современной практике и предполагает большое число потерпевших от совершенного деяния и значительные масштабы распространения услуг оккультного или психологического характера и широкий охват аудитории:

обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг посредством личного взаимодействия в современной практике встречается относительно редко, связан с предоставлением указанных выше услуг представителями отдельных этнических групп (цыгане) либо иными так называемыми уличными целителями. Для таких лиц подобный вид обмана является одной из форм их профессиональной деятельности. Например, потерпевшему сообщается, что по его руке было прочитано о наличии у него тяжело излечимого заболевания либо возникновении беды, которая непременно должна произойти с ним в ближайшее время. Мошенник способен избавить от подобных проблем за определенную денежную сумму. После получения соответствующего вознаграждения потерпевшему сообщается, что он здоров или избавлен от будущих неурядиц. Такой вид обмана направлен не на неопределенную группу лиц, как в случае предоставления оккультных услуг посредством интернета или телевидения, а на конкретных лиц, которые выбраны в качестве жертвы возможного обмана. При этом данный вид обмана предполагает наличие больших сумм обращенных в пользу виновного лица денежных средств, либо иного имущества, либо права на имущество. Денежные средства или иное имущество в таком случае передаются лично либо через посредника;

обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг посредством телефонной связи. Телефонная связь является еще одним удобным для преступников способом оказания оккультных или иных психологических услуг. Как правило, взаимодействие между виновным лицом и потерпевшим начинается с помощью телефонной связи. Виновный по телефону предлагает оказать определенный вид оккультных либо психологических услуг. При этом жертва возможного обмана может быть подобрана заранее посредством изучения ее личных данных (например, выявления квартир, в которых проживают пенсионеры, получения доступа к медицинским картам на предмет установления заболеваний). Не редкость и «сплошной обзвон» потенциальных потерпевших. Денежные средства могут переводиться уже указанными ранее способами – путем денежного перевода с карты на карту, либо путем использования иных способов оплаты (Яндекс-деньги или QIWI-кошелек).

Таким образом, основными способами обмана в случае мошенничества, совершенного в процессе оказания услуг оккультного или иного психологического характера, являются: обман, связанный с предоставлением этих услуг посредством использования сети Интернет; обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг с помощью ТВ или иных средств массовых коммуникаций; обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг при личном взаимодействии, обман, связанный с предоставлением оккультных или иных психологических услуг с использованием телефонной связи.

О МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ В ЖИЛОМ СЕКТОРЕ

Нарушения общественного порядка и спокойствия граждан, имеющие многообразные формы проявления, снижают качество жизни законопослушных граждан, отрицательно влияют на нравственные отношения, воспитание несовершеннолетних, создают нервную обстановку в местах проживания и нахождения граждан, вызывая у них чувство незащищенности.

Более того, своевременно не пресекаемые нарушения спокойствия и тишины граждан в форме громкой нецензурной брани, шумного распития спиртных напитков и т.п. зачастую являются предпосылкой к более опасным противоправным проявлениям.

Анализ правоприменительной практики МВД России свидетельствует о значительном распространении преступлений, совершенных в жилом секторе. В 2017 г. в Российской Федерации на бытовой почве совершено 113 629 преступлений, из них: убийств – 3 343, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 10 401, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью – 10 928. За 9 мес. 2013 г. число таких преступлений составило 87 888, в числе которых убийств – 1 899, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 6 451, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью – 7 946.

Остается актуальной проблема предупреждения преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних их родителями, иными законными представителями, а также другими лицами, фактически проживающими совместно с потерпевшими.

За последние пять лет их доля возросла до трети от общего количества преступлений этой категории, совершенных в Российской Федерации. Значительно (на 23,7 %) возросло число несовершеннолетних, ставших жертвами собственных родителей, на 32,3 % увеличилось количество убийств матерью новорожденного ребенка.

В настоящее время законы об административных правонарушениях некоторых субъектов Российской Федерации предусматривают административную ответственность за правонарушения в семейно-

бытовой сфере, в том числе за совершение «семейно-бытового дебоширства», «бытового дебоширства» или «нарушение прав членов семьи».

В частности, законом Калужской области от 28 февраля 2011 г. № 122–ОЗ «Об административных правонарушениях в Калужской области» (принят постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 17 февраля 2011 г. № 234) (далее – Закон № 122–ОЗ) была предусмотрена ответственность за нарушение условий проживания в семье. Данная норма звучит следующим образом: «Нарушение условий проживания в семье, выражающееся в явном неуважении к членам семьи (лицам, проживающим совместно), сопровождающееся нецензурной бранью, а равно уничтожением и (или) повреждением имущества» (предусмотрен штраф до 5 тыс. руб.). В 2017 г. данная норма утратила силу, так как диспозиция статьи 2.7 Закона №122–ОЗ словосочетание «нарушение условий проживания» не имеет признаков, раскрывающих его содержание, что неизбежно влечет проблемы правоприменительной практики.

Также сотрудниками органов внутренних дел в республиках Алтай, Башкортостан, Бурятия, Мордовия, в Чувашской Республике, в Архангельской, Ивановской, Калужской, Кировской, Костромской, Мурманской, Нижегородской и Пензенской областях ежегодно пресекается, в среднем, порядка 5 тыс. административных правонарушений данной категории. Привлечение лиц к административной ответственности за семейно-бытовое дебоширство позволило в данных субъектах России снизить количество преступлений против личности, совершенных в семейно-бытовой сфере.

Например, за 9 мес. 2017 г. число убийств, совершенных на бытовой почве, в Ивановской области снизилось на 36,8 %, в республиках Бурятия и Башкортостан – на 27,9 % и 18,2 % соответственно, в Мурманской области – на 8,3 %.

Принимая во внимание, что предупреждение преступлений посредством применения административно-правовых средств является эффективным направлением профилактической деятельности, необходимо принятие ряда законодательных инициатив МВД России, которые будут способствовать предупреждению совершения нарушений, в том числе в быту.

Данная инициатива является не только превентивной мерой, но и предполагает повышение уровня доверия граждан к сотрудникам полиции. Отсутствие в законодательстве ответственности за правонарушения, совершаемые в жилом секторе, в том числе в сфере семей-

но-бытовых отношений, порождает определенное недоверие к системе государственной власти, что объективно требует законодательного вмешательства. У МВД России как субъекта законодательной инициативы, есть для этого все ресурсы.

В 2014 г. МВД России подготовлен проект федерального закона «О внесении изменения в статью 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Кодекс). Предметом правового регулирования названного законопроекта является расширение признаков объективной стороны состава административного правонарушения, квалифицируемого как мелкое хулиганство. Данный законопроект в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Действующая редакция ст. 20.1 Кодекса в настоящее время затрудняет привлечение к административной ответственности лиц, совершающих правонарушения в рамках семейно-бытовых конфликтов.

Таким образом, в целях решения указанной проблемы законопроектом уточняется правовое понятие мелкого хулиганства, предусматривающее возможность квалификации противоправных действий, совершаемых как в общественных местах, так и в жилом секторе.

Законопроект направлен на устранение имеющегося правового пробела, затрудняющего в настоящее время привлечение к административной ответственности за действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан не только в общественных местах, но и в жилых помещениях, в том числе совершаемые на почве семейно-бытовых конфликтов.

Предлагается также дополнить санкции проектируемой статьи альтернативным наказанием в виде обязательных работ в целях обеспечения возможности выбора адекватного правового воздействия с учетом характера совершенных противоправных действий, а также оценки личности правонарушителя.

Кроме того, законопроектом предлагается ввести обязательное дополнительное наказание за повторное совершение данного правонарушения, что способно повлиять на рост данного вида правонарушений и послужить сдерживающим фактором, носящим профилактический характер, а в дальнейшем снизить количество правонарушений в рассматриваемой сфере.

Однозначно, что предлагаемые изменения по усилению административной ответственности за мелкое хулиганство будут способствовать повышению общей превенции по отношению к вышеуказанным правонарушениям в области охраны общественного порядка и повысят уровень доверия к сотрудникам полиции.

Ю. В. Т а р а с о в а,
кандидат юридических наук, доцент
(ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В соответствии со ст. 13 Конвенции о правах ребенка, ребенок имеет право свободно получать и передавать информацию любого рода, в том числе из сети Интернет, однако информация в сетях массовых коммуникаций недостаточно контролируется.

В российском законодательстве имеются нормативные акты, защищающие детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, в частности, Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В то же время государство не в состоянии полностью обеспечить соблюдение законодательства, поэтому многое зависит от воспитания и отношения родителей к своему ребенку. Зачастую родители не придают огромного значения тому, что именно смотрит подросток посредством видеосюжетов, публикуемых через сеть Интернет.

В настоящее время особую остроту приобрела проблема насилия, освещаемого на телевидении и в сети Интернет. Практически во всех демонстрируемых программах, сериалах, фильмах и даже мультфильмах присутствует насилие, происходит вытеснение отечественных, качественных и нравственных телевизионных программ для подростков и замещение их далеко не лучшими образцами западной массовой культуры. За последние годы в нашей стране качественные художественные фильмы для детей и подростков практически единичны в связи с тем, что экономически невыгодны. Проанализировав программу телевизионных передач центральных каналов, можно констатировать, что почти половину всего телевизионного контента занимают передачи, имеющие возрастное ограничение 12+ или 16+.

Однако родители, обращая внимание на возрастные ограничения передач, достаточно редко запрещают их просмотр детям.

Таким образом, предпринимаемых мер со стороны государства и средств массовой информации для ограничения подростков от негативной информации недостаточно.

Структурам, осуществляющим редактирование сюжетных линий в телевизионных компаниях, по нашему мнению, необходимо уделить особое внимание разъяснительной работе в форме рекламных роликов для родителей, объясняющих о вреде информации, которую могут получать их дети от просмотра передач, имеющих объективные возрастные ограничения. Кроме того, вышеуказанный закон предписывает показывать подобные передачи не в «коммерческое» вечернее время с целью получения большего дохода от размещения рекламных роликов, а в ночное время для обеспечения исключения целевой аудитории подростков.

Ограничить подростков от информации, получаемой через интернет, достаточно сложно: они начинают осваивать глобальную сеть и достигают практических результатов в ее освоении гораздо быстрее, чем их родители. Зачастую большинство родителей просто не придают значения информации в социальных сетях, доступных для детей.

При этом дети не понимают масштаба угрозы со стороны Глобальной сети и подвергаются ее влиянию. Таким образом, подростки в силу своей неопытности, из-за отсутствия системы ценностей сталкиваются со «взрослой» информацией, которая может нанести вред их физическому и психическому здоровью и развитию.

Несмотря на попытки государственных структур ограничить доступ к информации, содержащейся в интернете, в частности, посвященной пиротехнике, суициду, наркотическим, психотропным и иным сильнодействующим веществам, сайтам, содержащим порнографические материалы, подростки имеют возможность ознакомиться с ней, используя специализированное программное обеспечение или ресурсы, позволяющие обходить подобные ограничения (так называемые «анонимайзеры»).

Большим риском для неокрепшей психики подростка являются знакомства с помощью сети Интернет с людьми или такими компаниями, как радикальные политические группы, сатанинские культы. Опасно их вовлечение в азартные игры. Массовое увлечение подростков простыми компьютерными, сюжетными играми, создание групп по интересам наносят непоправимый вред психическому и физическому здоровью подростка, отнимая подавляющую часть его времени и отвлекая его от школьных занятий, хобби или отдыха.

Неверно утверждать, что на поведение современных подростков негативное влияние оказывают лишь компьютерные игры, интернет и средства массовой информации. Причины могут быть самые раз-

личные. Согласно исследованиям психологов, количество преступлений, связанных с влиянием со стороны телевидения и интернета, в последнее время выросло на 30 %.

Необходимо учесть, что специальные институты зарубежных стран оказывают массовое информационное влияние на подростков, например, так называемая «оппозиция Навального», выступающая противовесом действующей власти в стране.

Действенными мерами для нравственного становления и (или) сохранения личности могут стать: совместный просмотр передач, предназначенных для семейного досуга; обращение внимания на информацию, поступающую из сети Интернет и позитивно влияющую на развитие и вместе с тем ограничивающую подростков от той, которая носит деструктивный характер. Нелишним было бы стимулирование со стороны государства тех средств массовой информации, которые демонстрируют передачи, документальные и художественные фильмы, предназначенные для широкого круга молодежи. Необходимо проводить постоянную просветительскую работу, как среди детей, так и их родителей, агитирующую за нравственные ценности и здоровый образ жизни.

Таким образом, отечественные средства массовой информации, создавая журналы, статьи, передачи и так далее должны решать главные задачи, направленные на расширение кругозора подростков, повышение уровня образованности, культуры, начитанности детей и подростков. Здоровый образ жизни, высокий реализованный интеллектуальный потенциал, глубина доброй морали должны характеризовать молодое поколение нашего государства.

Современная жизнь демонстрирует, что от многочисленных социальных, нравственных проблем не застрахованы ни высокоразвитые, ни демократические, ни страны бывшего социалистического лагеря, что нередко приводит к конфликтам, влекущим за собой человеческие жертвы. Недавно казалось «доступным» оружие в руках подростков лишь в западных странах, однако примеры из российской действительности поражают воображение нормального человека.

Так, 3 февраля 2014 г. в средней школе № 263 г. Москвы ученик 10 класса открыл огонь, убив учителя и охранника. По свидетельству учителей и одноклассников юноша был из благополучной семьи, хорошо учился и девиантным поведением не отличался, правда, убийца

мало общался с одноклассниками, любил компьютерные игры, предпочитал интернет-общение со сверстниками в глобальной сети¹.

Также в августе-сентябре 2016 г. в г. Пскове два 15-летних подростка покончили собой, предварительно открыв стрельбу по наряду полиции. «Нестандартности» этим противозаконным действиям добавила трансляция подростками своих действий через Интернет².

¹ См.: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/02/03/5879181.shtml> (дата обращения: 28.04.2017).

² См.: URL: <https://m.interfax.ru/536963> (дата обращения: 28.04.2017).

П. В. Т е п л я ш и н,
кандидат юридических наук, доцент
(Сибирский юридический институт МВД России)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В настоящее время проведение, порой, крупномасштабных и содержательно-глубинных преобразований в правоохранительной деятельности осуществляется без должной верификации внедряемых в практическую сферу идей и их предварительного апробирования, в связи с чем особую актуальность приобретает криминологическое исследование теории правового экспериментирования и института криминологического эксперимента в правоохранительной деятельности.

Так, в качестве криминологического эксперимента возможно понимать осуществляемую соответствующими компетентными органами фактически временную апробацию презюмируемых законотворческих нововведений либо правоохранительных моделей для выяснения экономической рентабельности, стратегического эффекта и результативности реализуемых правовых норм и (или) установлений в целях выработки оптимальных вариантов применения организационно-юридических решений, которые будут закрепляться в базовых нормативных установках, направленных на оптимизацию противодействия преступности.

В настоящее время криминологический эксперимент необходимо относить к одному из основных средств повышения результативности правоохранительной деятельности, который обеспечивает минимизацию правотворческих и организационно-правовых ошибок, способных привести к существенным и крайне нежелательным социально-экономическим и репутационным для уголовной политики последствиям, а также избрать максимально перспективный вариант дальнейшего криминологического обоснования избранной модели воздействия на преступность.

Соотнесение предполагаемого и достигнутого результата в правоохранительной деятельности лежит в основе оценки эффективности криминологического эксперимента. В процессе криминологического эксперимента в контролируемых правоотношениях осуществляется определенное тестирование экспериментальных юридических норм и (или) криминологических моделей противодействия преступности с целью проверки и (или) опровержения либо подтверждения

изначальной гипотезы об их эффективности, полезности и экономической рентабельности, а также выявления каких-либо «побочных эффектов» их действия.

Фактическим основанием проведения рассматриваемого эксперимента выступает отсутствие четкого представления и конкретной информации о прогнозируемых последствиях принятия соответствующих правовых норм либо действия конкретной правоохранительной модели (механизма, подхода) или их комплекса, что исключает обоснованный выбор наиболее оптимального варианта правового регулирования правоохранительных отношений и просчета его экономической рентабельности, стратегического эффекта и практической результативности.

Исследование ретроспективного опыта и современной практики реализации криминологического эксперимента в сфере правоохранительной деятельности позволяет выделить следующие его признаки:

- наличие юридических оснований для проведения;

- наличие экспериментальных норм, которые отражают содержание самого эксперимента, носят ограниченный конкретным экспериментальным объектом (субъектным составом, регионом, задачами противодействия криминальным вызовам, временным периодом и т.п.) характер и выступают определенным прототипом будущих норм либо криминологических моделей общего действия;

- познавательный и преобразовательный характер, отражающий, в свою очередь, такие свойства правового эксперимента, как проверка смоделированной конструкции будущей криминологической модели и контролируемое изменение социальной действительности в правоохранительной сфере;

- создание достаточно изолированных условий реализации эксперимента, позволяющих оказывать минимальное влияние на его вероятные побочные факторы;

- установление контроля, а не пассивное наблюдение за процессом его осуществления и проведение оценки результатов правового эксперимента, включая проверку их достоверности.

Основные направления воздействия криминологического эксперимента на социально-правовую действительность в рамках правоохранительной деятельности обуславливают выделение следующих его функций:

- ценностной (аксиологической), заключающейся в оценке полезности и значимости проверяемых правовых норм, либо действия конкретной криминологической модели, либо их комплекса;

познавательной (гносеологической), состоящей в проверке гипотезы, которая лежит в основе реализуемого эксперимента и обнаружении его побочных факторов (последствий);

управленческой (преобразовательно-регулятивной), проявляющейся в воздействии на развитие правоохранительной деятельности, в направлении достижения установленной для правового эксперимента цели и конкретных задач;

прогностической, позволяющей определить в рамках реализации правового эксперимента соответствующие тенденции и перспективы развития правоохранительной деятельности и направлений ее возможного реформирования;

целеполагающей, состоящей в формировании оптимальной криминологической модели противодействия преступности (ее соответствующего вида).

На основе социологического учения о социальном эксперименте как методе научного познания окружающей действительности эксперимент в правоохранительной сфере (криминологический эксперимент) необходимо относить к натуральному (реализуется в реальной действительности), активному (используется экспериментальный фактор), полевому (применяется к объектам, существующим в условиях естественной среды), практическому (носит прикладной характер), инновационному (подчинен поиску и конструированию новых криминологических моделей противодействия преступности) и контролируемому (осуществляется наблюдение за экспериментальным процессом и, при необходимости, управление экспериментальной ситуацией) экспериментированию.

Выяснить роль и место криминологического эксперимента в правоохранительной деятельности позволяет классификация. Такие эксперименты можно классифицировать на отдельные виды на основании следующих критериев:

по видам преступности (в частности, в сфере уличной преступности);

по отдельным средствам профилактики правонарушений, о которых идет речь в ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

в зависимости от категории правонарушителей (например, эксперимент по оптимизации профилактического воздействия на лиц, подвергнутых административному надзору);

в зависимости от задействования отдельных субъектов профилактики правонарушений (в частности, с участием органов местного самоуправления);

форм профилактического воздействия;

внедрения различных технических средств и методов противодействия преступности;

применения инновационных профессионально-кадровых нововведений для сотрудников правоохранительных органов.

Также критериями может выступать цель, длительность проведения эксперимента, его масштабы (уровни), механизм обоснования поставленных гипотез, правотворческий либо правоприменительный характер (включая апробацию такого экспериментального фактора, как социально-правовой институт), инновационный или уточняющий характер, способ проверки гипотезы об эффективности правотворческой либо правоприменительной идеи и другие критерии. Используется, как правило, их совокупность, образуя комплексные критерии.

В качестве вывода необходимо отметить, что изучение содержания и результатов проведения криминологических экспериментов в правоохранительной деятельности показывает, что основными тенденциями их осуществления выступают:

недостаточная степень научного обеспечения такого экспериментирования;

слабая проработка возможностей многовариативности криминологического эксперимента;

усиление влияния конъюнктурно-экономических и политических факторов на принятие решений об их проведении, содержание и оценку их результативности;

отсутствие научно проработанных механизмов оценки хода и итогов их проведения;

слабое участие общественности в реализации криминологического эксперимента и наблюдении за его проведением.

Таким образом, при реализации криминологического эксперимента крайне важна его исследовательская составляющая, строгое соблюдение основных начал его организации и проведения в целях выяснения экономической рентабельности, стратегического эффекта и результативности реализуемых экспериментальных моделей.

ПРЕСТУПНОСТЬ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ПОЛИЦИИ

Гипотезы, которые выдвигают криминологи относительно будущего преступности, о том, каким будет облик преступника будущего, могут подтвердиться, а могут и нет. Но подобное положение вещей характерно для всех гуманитарных наук. И это не значит, что важность этих наук и теоретической криминологии незначительна, просто это особенность, которую стоит воспринимать как данность.

Достижения науки в наши дни часто происходят на стыках разных областей знания. Так, физика и химия наплатили железные двигатели топливом, химия, биология и медицина позволяют изобретать препараты, которые излечивают миллионы людей от смертельных болезней, а физика без математики кажется вовсе беспомощной. Не секрет, что многие идеи футурологов соединяются с идеями точных наук. Подводные лодки, летательные аппараты, космические корабли, планшетные компьютеры, смартфоны существовали в воображении людей, порой, за сотни лет до их изобретения.

Футурология питала вдохновением многие науки, при этом являясь областью социологии, она обнаруживает свое родство через нее и с криминологией. И если по мнению финского криминолога Патрика Тернудда (Patrick Törnudd, 1985)¹, «В криминологии никогда не будет Нобелевской премии», то можно ли так же полагать, что криминология не обладает потенциалом, чтобы потрясти мир. Если криминология не смогла сделать это самостоятельно, то может ли она сделать это с помощью других наук, идя плечом к плечу с ними?

Может ли гуманитарная область знания полноправно соединиться для решения важных задач с точной наукой? И нужна ли криминология миру, где на смену разуму приходят нейросети, а любому человеку доступен объем информации в 140 млн петабайт, что составляет приблизительный объем памяти интернета. Возможно, когда-нибудь именно искусственный разум решит проблемы человечества лучше ученых и именно на его развитие стоит бросить все силы?

В своей книге профессор Ю.М. Антонян высказал мнение, что криминология – это такая же неотъемлемая часть нашей цивилизации, как медицина, политика, торговля, искусство, и что без нее не

¹ См.: Fattah E.A. (1997) *Criminology: Past, Present and Future*. Palgrave Macmillan, London, p. 1.

стоит принимать законы, решать большие и мелкие социальные проблемы, предупреждать преступность, исполнять наказание и исправлять преступников, а также устанавливать законный порядок на улицах городов².

Вероятно, и в будущем эта идея не потеряет актуальности, так как и если все ранее названные профессором области знания показали свою незыблемость перед испытаниями времени, то и такое явление всех известных цивилизаций, как преступность, будет бросать вызов людям и добиваться очередного ответа.

Иногда отдельные виды преступности сравнивают с болезнями, например, «коррупция – это болезнь нашего общества», или «футбольное» хулиганство в европейских странах называли «английской болезнью». В этом плане криминологи могут позавидовать медикам – последним удалось почти полностью искоренить многие болезни. Болезни преступности лишь затихают, иногда вследствие изменений исторического климата отмирают сами собой.

Например, когда лошадиной тяге на смену пришли двигатели внутреннего сгорания, такое преступление, как конокрадство, которое знала еще русская «Правда» Ярослава Мудрого (сборник правовых норм Киевской Руси), стало редкой экзотикой. Однако уповать на развитие прогресса современникам этих событий пришлось недолго, довольно быстро обыденностью стали кражи «железных коней» – автотранспорта. В свете подобных процессов мнения о будущем преступности представлены разными позициями – крайние из них похожи на утопию и антиутопию.

Исторически разум человека доказал свою способность решать самые фантастические задачи, однако он также непрестанно генерирует новые проблемы для человечества. Сможет ли наука изменить сущность людей, купировать их «преступные гены» – это вопрос не только науки, но и этики. Впрочем, это лишь одна из проблем, которые будут стоять перед криминологией.

Футуролог от криминологии Е.А. Фаттах предположил, что преступники будущего, вероятно, будут иметь многие из тех же качеств, что и сегодняшние, а именно: корыстолюбие, эгоизм, агрессивность, но способы совершения ими преступлений могут быть абсолютно другими. Дальнейшее развитие технологий позволит преступникам

² См.: Антонян Ю.М. Наука криминология. М., 2015. С. 6.

вторгаться в дома, используя компьютерные технологии, телефонные каналы и видеовходы, они смогут воздействовать на своих жертв с помощью психотронных устройств или методов манипулирования мыслями, требуя денег за то, чтобы держаться подальше от вашего мозга³.

Потенциал, с которым наука о преступности встретит будущее, достаточно велик и, кажется, с готовностью ждет этой встречи. В настоящее время существует множество образовательных учреждений, в которых преподаются курсы криминологии в виде учебной дисциплины или отдельных курсов, таких как предупреждение преступлений, виктимология, деликтология. Разрабатываются современные подходы, которые превосходно функционируют и дополняют существующие теории. В свою очередь, в исследовательских учреждениях, например, во ВНИИ МВД России, методы криминологии позволяют сделать систему уголовного права более гибкой и приспособленной к существующим и грядущим проблемам.

На руку будущим борцам с преступностью создаются новые и расширяются существующие информационные базы, хранящие образцы папиллярных узоров, ДНК и антропометрических данных, которые можно отсортировать за секунды. Внедряются системы наблюдения, такие как «Безопасный город», совершенствуются системы контроля за средствами связи. Уже в наши дни лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, контролируются при помощи электронных браслетов, фиксирующих удаление от контрольной станции на недопустимое расстояние. Такое нововведение позволяет разгрузить правоохранительные органы от содержания граждан в изоляторах временного содержания, что облегчает и экономическую нагрузку на государство, а в дальнейшем наверняка исполнение наказаний в виде лишения свободы будет возможно по месту жительства осужденного.

Мобильные устройства связи в наши дни могут контролировать местонахождение граждан, также как и установить их маршруты в любой заданный интервал времени. Вероятно, когда так называемые носимые устройства или гаджеты будут вживляться в тело человека, то проблема розыска пропавших без вести станет столь же экзотичной, как и конокрадство.

³ См.: Fattah E.A. (1997) *Criminology: Past, Present and Future*. Palgrave Macmillan, London, p. 46.

Что касается киберпреступности, то нет сомнений, что ее роль возрастет, а вслед за этим будет усиливаться роль и влияние субъектов предупреждения данного вида преступлений. В наши дни такие настолько не готовы к противодействию, что мы даже не можем подсчитать точный ущерб от действий кибер-преступников. По мнению В.Б. Клишкова, основным субъектом профилактики такой преступности должна выступать система органов внутренних дел⁴, однако, вероятней всего, будет и прежде сохраняться практика разделения данной деятельности между различными службами.

Шпионские программы на миллионах компьютеров во всем мире прямо сейчас скрытно анализируют действия их владельцев и содержание хранилищ памяти, собирают отдельные данные, например, имена пользователей, пароли, номера учетных записей или банковских счетов, сведения о водительских удостоверениях.

Многие пользователи не знают, что мощности их компьютеров используются злоумышленниками для совершения противоправных действий (хакерские атаки, манипуляции с криптовалютой или для воздействия на общественное мнение).

От действий хакеров не защищены даже самые охраняемые и передовые корпоративные и правительственные системы, а хакерские взломы Пентагона ведут счет на десятки, что может угрожать безопасности всего мира, поэтому без усиления подразделений по борьбе с киберпреступностью будущее человечества не обнаруживает светлых перспектив.

Новые достижения прогресса будут порождать новые подходы к противодействию преступности, а последние потребуют законодательного закрепления и разрешения, при этом велика вероятность того, что вместе с полезными функциями возрастет вероятность недобросовестного использования и нарушения прав граждан. Уже в наши дни правоохранительные органы США получили законную возможность для тайного посещения аккаунтов социальной сети Фейсбук без разрешения его пользователя, что фактически является нарушением тайны переписки, однако американскую общественность удалось убедить, что владельцем аккаунта является компания Фейсбук, а не зарегистрированный пользователь. Различные общественные организации и отдельные активисты пытаются изменить это положение, но

⁴ См.: Клишков В.Б. Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития. СПб., 2017, С. 88.

в настоящее время закон в этом противостоянии на стороне государства.

Если внимательно прислушаться, то можно услышать, как будущее стучится к нам во все двери. Так, еще одним острым этическим вопросом является использование беспилотных летательных аппаратов. Гипотетически при использовании такого устройства, оборудованного видеокамерой, правоприменителю можно даже не проникать в жилище и получать информацию, например, подглядывая в открытое окно без необходимости санкционирования таких действий. Вероятно, специалистам по вопросам этики и процессуального права следует в кратчайшие сроки заняться регламентацией применения таких устройств.

Нет сомнений, что тактика допроса дополнится более совершенными устройствами, чем полиграф, и более продвинутыми техниками распознавания лжи. Некоторые открытия последних лет в области нейробиологии обещают возможность чтения мыслей при помощи специальных устройств, что ставит множество этических вопросов, особенно связанных с вероятностью неслужебного использования такой техники, а также применения в криминальных целях. Еще одним любопытным аргументом может быть применение устройств для чтения мыслей в целях наказания граждан еще до совершения ими преступлений, то есть благодаря тому, что стало известно о замысле, но эта перспектива не выглядит столь близкой.

Стоит заметить, что с изменениями в обществе и мире будет меняться и преступность, однако кроме переменных элементов преступность всегда будет содержать и постоянные. Так, профессор Ю.М. Антонян указывает на то, что за всю историю человечества никогда не менялись мотивы преступников, и что преступность обнаруживает неизменное единство между прошлым и настоящим, которое, вероятно, наследует и будущее⁵.

⁵ См.: Антонян Ю.М. Наука криминология. М., 2015. С. 110.

В. А. У т к и н,
кандидат юридических наук, доцент;
С. В. И в а н ц о в,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КРИТЕРИЙ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ

Органы внутренних дел относятся к государственной структуре, в деятельности которой нередко возникают проблемы, вызывающие негативные последствия у части общества. Проводимые замеры общественного мнения о доверии полиции гражданами фиксируют цифру от 50 до 75 %. Это те, кто, отвечая на ряд контрольных вопросов о работе полиции, удовлетворены ее состоянием и наверняка поддержат дополнительные полномочия полиции. Надо учитывать, что полиция выполняет важную функцию по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан и нарушение ими законности и служебной дисциплины вызывает осуждение у другой части общества и умаляет авторитет их в частности и власти в целом. Для того чтобы добиться единодушной поддержки о нововведениях дополнительных полномочий в системе МВД, требуется большая разъяснительная работа среди населения. Эти проблемы могут быть сняты в процессе их обсуждения с использованием уже имеющегося опыта при принятии Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»).

11 апреля 2017 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации группой (далее – Государственная Дума) депутатов (Э.А. Валеев, В.И. Пискарев) внесен законопроект № 147239-7 с изменениями в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации¹. Законопроект касался снятия ряда препятствий эффективного исполнения полицией своих обязанностей по защите граждан от преступных посягательств.

Суть их в установлении паритетов между полномочиями полиции и правами и законными интересами граждан. Но особую дискуссию вызвали в общественной и правовой сферах презумпция доверия и поддержка сотруднику полиции при выполнении им служебных обя-

¹ См.: Законопроекты. 10 мая 2018 г. // СПС КонсультантПлюс.

занностей. Данная формулировка нова для российского законодательства и нигде ранее не использовалась. Не содержатся ее разъяснения во вносимых дополнениях в Федеральный закон «О полиции». На практике презумпция означает опровержимое или неопровержимое доказательство какого-либо факта, например, показаний полицейского по административному делу.

Зарубежный европейский опыт опровержения свидетельств полицейских не нашел широкого освещения у нас в стране в силу особенностей статуса полицейских в сфере борьбы с преступностью. Во многих государствах полиция имеет высокий уровень доверия, служба в ней престижна, гласна и опирается на широкое доверие общества. Независимый аудит является традиционным инструментом контроля гражданских властей за соблюдением законов со стороны полиции².

В озвученных в Государственной Думе в процессе выступления заместителем министра МВД России Зубовым Игорем Николаевичем пояснениях предлагалось расценивать предложение как доверие и поддержку государством действий и требований сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей, подразумевая при этом их законность. Затем эти действия могут быть обжалованы в суде или другом порядке. Как говорится в новой редакции ст. 30 Федерального закона «О полиции», сотрудник полиции не подлежит преследованию за действия, совершенные при выполнении обязанностей, возложенных на полицию, и в связи с реализацией прав, предоставленных полиции, если эти действия осуществлялись на основании и в порядке, установленном федеральными законами или иными нормативными актами, составляющими правовую основу деятельности полиции. Если будет доказана неправомерность действий полицейского, то он подлежит ответственности в рамках законодательства. Такой порядок меняет систему приоритетов, отдавая предпочтение защите полицейскими граждан и юридических лиц, а не прав преступника. Поэтому обеспечение безопасности, особенно при тяжких преступлениях, защита жертвы происходит в первую очередь, а все остальное имеет номинальное значение.

Следует учесть, что введение института презумпции доверия полиции служит напоминанием гражданам, нарушающим закон, соблюдать обязанности, предусмотренные ст. 19.3 (Неповиновение закон-

² См.: Ильченко В.А. Отношение общества и полиции за рубежом и в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 138–141.

ному распоряжению сотрудника полиции) КоАП РФ, а в случаях, предусмотренных ст. 318 (Применение насилия в отношении представителя власти) и 319 (Оскорбление представителя власти) УК РФ – об уголовной ответственности, а для полицейских – по ст. 63 (Обстоятельства, отягчающие наказание за совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел) УК РФ – об отнесении действий к отягчающим обстоятельствам умышленных преступлений, совершенных работниками органов внутренних дел (к другим правоохранительным структурам положения ст. 63 УК РФ не относятся).

Таким образом, в нововведении речь идет, прежде всего, о поддержке сотрудника полиции при выполнении служебных обязанностей и их решительных действиях по защите граждан от преступных посягательств. Однако 20 июня 2017 г. законопроект с рассмотрения был снят в связи с несоответствием ст. 104 Конституции Российской Федерации.

Представляется, что актуальность доведения законопроекта до требуемого уровня не отпала.

Преступность в России и мире развивается таким образом, что она угрожает все больше безопасности государств, о чем отмечено в специальных документах по теме³.

Особенно опасно распространение таких преступлений, как организованные и межнациональные, вооруженные и коррупционные, связанные с нелегальной миграцией, оборотом оружия и наркотиков и, наконец, экстремистской и террористической направленности.

В 2017 г. в России зарегистрировано 2058,5 тыс. преступлений, что на 4,7 % меньше, чем в предыдущем году. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 27 субъектах Российской Федерации. Половина преступлений не раскрыта, и за каждым из таких преступлений стоит потерпевший, которому ущерб не возмещен. Возросло число погибших от преступлений и получивших тяжкий вред здоровью. Каждое пятое преступление тяжкое или особо тяжкое. Возрос незаконный оборот оружия, наркотиков. Не раскрыто 783 убийства. 58,2 % расследуемых преступлений совершены ранее судимыми. Иностранцы совершили 41 тыс. преступлений.

Последние годы данные криминальные направления преступности неудержимо растут и приносят большой вред государству, обществу и гражданам.

³ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // СПС КонсультантПлюс.

Применение презумпции доверия к сотрудникам полиции в процессе выполнения ими служебных обязанностей требует согласованного подхода к профилактике преступлений, которая сейчас осуществляется в соответствии с вступившим в силу Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁴. Суть этого закона, принятого в России впервые, – эффективное средство сдерживания преступности, особенно по виктимологическому направлению, позволяющее избрать способом защиты от преступления осмотрительное поведение потенциальной жертвы, недопущение ее попадания в криминальные ситуации, что позволяет сберечь свое имущество, честь и достоинство.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» содержит ряд нормативных предписаний, которые могут выполнять и внештатные сотрудники полиции, активисты-общественники. Это повышение уровня правовой грамотности, развитие правосознания граждан (общая профилактика), выявление лиц, подверженных риску стать пострадавшими, и оказание им помощи (индивидуальная профилактика). Все это положительно влияет на имидж полиции и повышает уровень доверия к ней. Учитывая данные обстоятельства, 20 декабря 2017 г. Правительственная комиссия по профилактике преступлений приняла решение провести в 2018 г. с заинтересованными организациями всероссийский виктимологический опрос потерпевших от преступлений и по полученным результатам скорректировать профилактическую работу.

В условиях оптимизации системы МВД России, ограниченных расходов на правоохранительную деятельность, отсутствия у государства возможностей компенсировать ущерб по нераскрытым преступлениям – это дополнительный малозатратный действенный резерв против преступности.

И когда исследовательский коллектив Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя под руководством профессоров – авторов данной статьи – предложили меры по защите потенциальных жертв на Московском метрополитене их же силами, предупредили о возможных опасных ситуациях и подсказали, как их не допустить, то одной трети преступлений в 2017 г. УВД на Московском метрополитене «не досчитались». Высвободившиеся силы полиции обеспечивали в это время безопасность проведения массовых перевозок и куль-

⁴ См.: Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

турно-спортивных мероприятий, осуществляя досмотр вызывающих тревогу пассажиров, задерживая лиц, находящихся в розыске, имеющих при себе оружие и наркотики, т.е. выполняли профессиональную работу для безопасности 9 млн пассажиров метрополитена⁵.

В итоге есть основание рассматривать полицейских с презумпцией доверия к их служебной деятельности как профессионалов по пресечению не только уличной преступности, но и организованному противодействию преступности на объекте особой важности, выполняющих стратегическую функцию в столице. С уверенностью можно сказать, что расширение полномочий одного направления деятельности полиции – презумпции доверия – не умаляет возможности выполнения других обязанностей (профилактики преступлений).

Как в любом ответственном деле, при введении законодательной нормы презумпции доверия полиции необходимо организационное обеспечение.

Презумпция доверия полиции при исполнении должностных обязанностей должна быть заслуженной. По крайней мере, можно указать на три критерия эффективного решения этой задачи.

Первоначально оценивают официальные данные о преступности и мерах по воздействию на нее. Низкие показатели, неэффективные меры вряд ли позволят дать органам внутренних дел дополнительные функции, да еще под гарантии презумпции доверия.

Другим критерием показателей работы по направлениям является изучение общественного мнения, уровня доверия граждан района обслуживания ОВД, а также мнение экспертов из независимых организаций по эффективности выполнения задач, стоящих перед полицией. Здесь в силу вступает оценка выполнения гл. 2 (Принципы деятельности полиции) Федерального закона «О полиции», измеряется уровень позитивной оценки полиции населением.

Завершается перечень заслуг анализом средств и методов противодействия преступности. Преимущество отдается целенаправленной профилактике, раскрытию преступлений, а не числу запретов и ограничительных мер, применяемых полицией (рис. 1, 2).

Следующим условием применения презумпции доверия полицейским является ее организационно-правовое обеспечение. Четкое разграничение между сотрудниками подразделений полиции компетенций и задач, которые содержатся в изменениях в Федеральный закон

⁵ См.: Уткин В.А. Личная безопасность своими силами (по материалам криминологического исследования) // Безопасность бизнеса. 2017 г. № 6. С. 24–29.

«О полиции», и отражение их в ведомственных нормативных актах, административных регламентах и должностных инструкциях должны определить служебные полномочия рядового и начальствующего состава. Важно также разграничить должностные обязанности и «уличные» функции, которые должен выполнять любой полицейский. Непременной задачей является процесс повышения уровня профессиональной подготовки полицейских, их умение незамедлительно выполнять служебные задачи.

Следует обеспечить целевое разъяснительное информирование граждан, юридических лиц о содержании презумпции доверия полицейским, их законных распоряжений.

Имеет значение для реализации относительно существенное изменение в подходах к исполнению полицейскими должностных обязанностей – это нравственно-этическое воспитание, недопущение, где возможно, обострения ситуации конфликта. Данное положение сейчас недостаточно используется в связи с отменой в 2013 г. Кодекса профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел, который нужно срочно вернуть после необходимой корректировки.

В связи с этим важно, чтобы полицейские чувствовали, что они выполняют важные государственные задачи, находясь под защитой государства и одобряемые обществом. Это направление должно не только декларироваться, но и грамотно проверяться, а при сомнениях оспариваться в установленном законом порядке.

Проведенный анализ назначения и содержания предлагаемой презумпции доверия полицейским при исполнении служебных обязанностей является необходимым условием реагирования государства и общества на обострение криминогенной обстановки в России и социально-экономической ситуации в мире. Противникам нововведения желательно перейти к конструктивным предложениям: как сделать эффективной безопасность граждан и общества (при этом полицейских лучше защищать от противодействия преступников), улучшить профилактику и обучать население бдительному и осмотрительному поведению.

Дискуссия перед принятием любого социально значимого закона – это обычное явление, но затягивание решения проблемы недопустимо, поскольку криминологическая ситуация в стране осложняется и требует новых адекватных подходов.

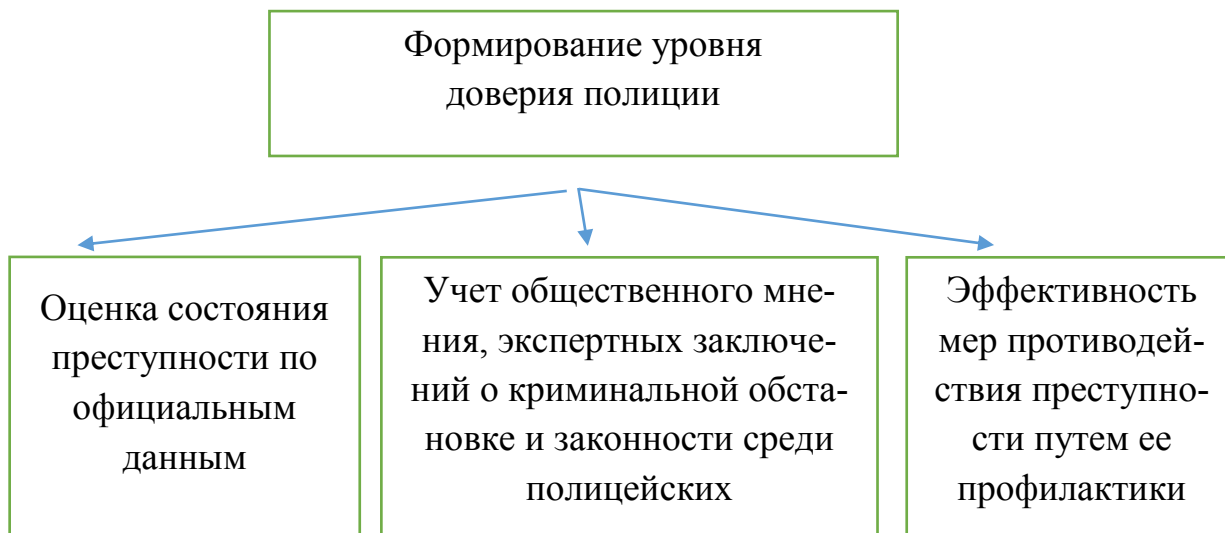

Рис. 1. Презумпция доверия полиции

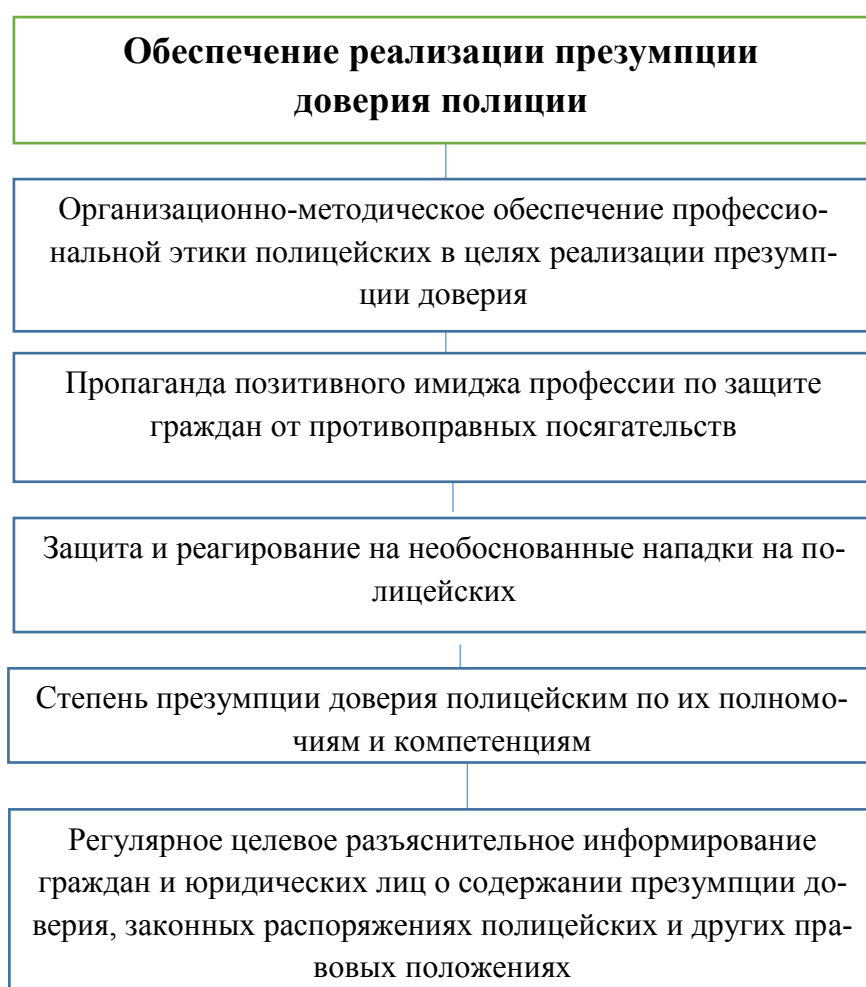

Рис. 2 Средства и методы противодействия преступности

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Назначение уголовного наказания несовершеннолетним – проблема, не теряющая свою актуальность. Несовершеннолетние преступники нуждаются в особом подходе при привлечении их к уголовной ответственности – суду необходимо подбирать такой объем репрессий, который будет способствовать исправлению и при этом исключит стигматизацию личности несовершеннолетнего. В связи с этим необходимость оптимальной гуманизации уголовной политики особенно остро стоит в отношении обозначенной категории лиц.

В данной сфере государством уже проделан большой объем работы, которая принесла вполне осязаемые результаты. Так, в 2003 г. удельный вес лишения свободы в общем числе наказаний, применяемых к несовершеннолетним, составлял 26,4 %¹. С внесением ряда изменений в уголовное законодательство этот показатель начал постепенно уменьшаться и в 2015 г. составил 19,4 %, в 2016, 2017 г. – 17,5 %².

Однако изучение судебной статистики в целом позволяет говорить о наличии другой проблемы: в настоящее время судами в отношении несовершеннолетних широко применяется условное осуждение. За последние 5 лет указанная мера уголовно-правового характера назначалась 44 % несовершеннолетним³. Массовое применение условного осуждения практически сводит к нулю превентивный потенциал наказания, содействует укреплению атмосферы безнаказанности. Как отмечает С.В. Расторопов, часто такую же позицию разделяют и сами осужденные, «которые в отдельных случаях воспринимают применение условного осуждения как фактическое освобождение

¹ См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 01.08.2018).

² См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения: 01.08.2018).

³ См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения: 01.08.2018).

ние от наказания, то есть прощение государством в лице суда совершенного преступления»⁴.

Чем обусловлено столь широкое применение условного осуждения?

По нашему мнению, у сложившейся ситуации есть объективные причины, одной из которых являются санкции статей Особенной части УК РФ, разработанные без учета особенностей статуса несовершеннолетнего лица. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. Из указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, ряд составов относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести, за совершение впервые которых в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ лицам в возрасте от 14 до 16 лет наказания, альтернативные лишению свободы, в пределах санкции статьи назначить невозможно (ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ).

В части статей санкция является безальтернативной (ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 163, ч. 2 ст. 214 УК РФ), из закрепленных в них наказаний несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 16 лет, совершившему преступление впервые, можно назначить только ограничение свободы.

Несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 107, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 119, ч. 1, 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 127.2, ч. 2 ст. 165, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 232, ч. 2 ст. 274, ч. 1 ст. 294 УК РФ, в соответствии с санкциями данных статей можно назначить лишь лишение свободы на срок, не превышающий 5 лет.

Кроме того, в УК РФ есть достаточное количество статей, «альтернативность» санкций которых заключается в возможности назначить несовершеннолетнему за преступление средней тяжести либо штраф, либо лишение свободы (ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 205.2, ч. 2 ст. 207, ч. 1 ст. 267, ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 291.1, ч. 1 ст. 296, ч. 2 ст. 306, ч. 2 ст. 309, ст. 316, ч. 1 ст. 318). Подобная конструкция имеется в санкциях статей, устанавливающих ответственность за тяжкие преступления, например: ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 213, ч. 4 ст. 261.

⁴ Расторопов С.В. К вопросу о понятии и правовой природе условного осуждения // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 16.

Указанные нами конструкции санкций крайне неудачны, так как приводят к значительному разрыву в карательном содержании между предусмотренными наказаниями, что создает трудности при назначении справедливого наказания, его индивидуализации и дифференциации, вынуждает суды применять условное осуждение.

Более детальное изучение статистических данных позволило установить другую тенденцию: за совершение тяжкого преступления в настоящее время в отношении 68 % несовершеннолетних осужденных мера наказания назначается условно, тогда как за преступление небольшой тяжести – 7,5 %.

В частности, за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 161 УК РФ (тяжкое преступление), уровень назначения реального наказания несовершеннолетним составляет всего 22 %, тогда как за преступление небольшой тяжести, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ (в санкции которой закреплён широкий спектр наказаний), – 92,5 %;

Аналогичные показатели применения условного осуждения наблюдаются и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) – лишение свободы условно назначается 70 % несовершеннолетних; разбой при отягчающих обстоятельствах (ч. 2–4 ст. 162 УК РФ) – 51 %; вымогательство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 163 УК РФ) – 77 %; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения при отягчающих обстоятельствах (ч. 2–4 ст. 166 УК РФ) – 59 %. В санкциях указанных статей альтернативы лишению свободы для несовершеннолетних нет, этим, по нашему мнению, и объясняется высокий процент применения условного осуждения.

Если рассмотрим данные в целом за 2017 г., то увидим, что за тяжкие преступления наказание условно назначается примерно 68 % несовершеннолетних осужденных, за особо тяжкие – 18 %, а за преступления небольшой и средней тяжести – 19 %⁵.

Практика, когда несовершеннолетние, виновные в совершении более тяжкого преступления, оказываются в более выигрышном положении, является, как минимум, нелогичной. Выходит, что строгость назначаемой меры уголовно-правового характера фактически не зависит от степени общественной опасности преступления.

Опасность сложившейся практики можно подтвердить следующим фактом: за 2017 г. из 20 634 несовершеннолетних осужденных

⁵ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Форма № 12.

1 205 чел. на момент совершения преступления не отбыло условное осуждение к лишению свободы и 5 чел. в период отбывания реального наказания, не связанного с лишением свободы, что составляет 5,8 % и 0,02 % соответственно от общего числа осужденных лиц, не достигших 18 лет, подобные показатели наблюдаются и за предыдущие годы⁶. Приведенные данные показывают высокий уровень совершения повторных преступлений среди несовершеннолетних, осужденных условно, что свидетельствует о низкой эффективности данной меры в сравнении с реальными наказаниями, не связанными с изоляцией от общества.

Решением выявленных проблем может стать оптимизация санкций статей Особенной части УК РФ посредством включения в санкции за преступления небольшой и средней тяжести наказаний, не связанных с лишением свободы, и оптимизации правил назначения наказаний несовершеннолетним с допущением назначения наказаний, не связанных с лишением свободы при их отсутствии в санкциях, в случаях если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без лишения свободы.

Подобные предложения согласовываются с требованиями международных стандартов (Пекинские правила, Токийские правила)⁷ и способны позитивно изменить практику назначения наказаний несовершеннолетним.

Следующей острой проблемой в сфере назначения уголовных наказаний несовершеннолетним является необходимость оптимизации применения к указанной категории лиц наказания в виде лишения свободы. Существующие в УК РФ ограничения в применении к несовершеннолетним данной меры весьма незначительны. Хотя анализ статистики и показывает положительную динамику, данные показатели остаются на недопустимо высоком уровне. Кроме того, около 30 % от общего числа лиц, не достигших 18-летия, приговоренных к реальному отбыванию лишения свободы, осуждены к столь строгому

⁶ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Форма № 12.

⁷ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 нояб. 1985 г. резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 10.08.2018); Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 10.08.2018).

наказанию за преступления небольшой и средней тяжести⁸. По этой причине считаем необходимым введение в уголовный закон положения, устанавливающего более широкие ограничения в назначении рассматриваемого вида наказания, распространив его на несовершеннолетних осужденных, совершивших в возрасте до шестнадцати лет преступления небольшой или средней тяжести, а также остальных несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Законодательное закрепление указанного положения не отразится на уровне преступности несовершеннолетних и не будет чрезмерно мягким, так как в настоящее время даже к несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления, применяется условное осуждение в 68 % случаях, у взрослых этот показатель находится на уровне 46 %⁹. Считаем, что недопустимо лишать свободы рассматриваемую категорию лиц за совершение преступлений небольшой и средней тяжести на фоне столь широкого применения условного осуждения за более тяжкие преступления.

Проведенное исследование обосновывает необходимость оптимизации современной практики назначения несовершеннолетним уголовных наказаний. Научное осмысление и разработка оптимальных путей устранения выявленных проблем будет способствовать повышению эффективности уголовной политики государства.

⁸ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Форма № 12.

⁹ См.: Там же.

П. Д. Ф р и з е н,
кандидат юридических наук, доцент
(Барнаульский юридический институт МВД России)

ЭФФЕКТИВНАЯ БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК КРИТЕРИЙ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ

Доверие к сотрудникам органов внутренних дел формируется на основе комплекса различных факторов. Одним из основных критериев, по которым граждане судят о деятельности сотрудников полиции – это успешное предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений. Предметом нашего исследования выступает деятельность сотрудников полиции по борьбе с организованной преступностью, поскольку указанный вид преступности обладает высокой общественной опасностью и вызывает большой резонанс в обществе.

Итак, как мы уже отметили, преступные посягательства, совершенные в соучастии, как правило, характеризуются повышенной общественной опасностью, поскольку совместная деятельность нескольких лиц усиливает их криминальные возможности, как в части подавления сопротивления жертвы, так и противодействия полиции.

Успешное совершение совместного преступления и достижение преступного результата, к примеру, в виде завладения чужим имуществом, зачастую формирует у преступников и их окружения чувство превосходства, вседозволенности и безнаказанности, вследствие чего в преступную деятельность вовлекаются все новые и новые лица, происходит так называемый процесс самовоспроизводства преступности. Известны ситуации, когда банальная кража, совершенная группой лиц, впоследствии перерастает в более опасные организованные формы хищения¹.

Известно, что организованная преступность обладает крайне высокой общественной опасностью, поскольку ей присущи следующие признаки: а) устойчивость; б) превращение преступной деятельности в основной источник дохода либо в существенный элемент легальной деятельности; в) создание системы защиты от

¹ См.: Белоусов И.В., Лелеков В.А. Криминологическая характеристика групповой и организованной преступности в Воронежской области // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 3. С. 18–21.

уголовного преследования и социального контроля путем использования коррумпированности правоохранительных органов и аппарата государственной власти.

Поскольку организованная преступность поражает важнейшие сферы и отрасли экономической жизнедеятельности страны, В.С. Овчинский связывает с ней криминализацию общества и огосударствление мафии. Он же считает, что главная особенность современной организованной преступности заключается в том, что она уже сама начинает оказывать определенное влияние и на экономику, и на политику, и на социальные процессы в различных регионах мира².

Результаты криминологических исследований организованной преступности свидетельствуют о том, что уже продолжительное время ее представители максимально стремятся использовать легальные структуры и возможности, становятся активными деятелями официальных политических структур, имеют влияние на деятельность полиции. Зачастую они пытаются контролировать федеральные и региональные государственные и общественные институты, органы местного самоуправления, правоохранительные органы.

В частности, в последние годы возросло их влияние в сфере незаконного оборота наркотических средств, незаконной продажи оружия, незаконного производства и оборота алкогольной и табачной продукции, посягательств, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием³, фальшивомонетничества, хищения автотранспортных средств, организации занятия проституцией, а также преступлений коррупционной направленности.

Организованная преступность, расширяя географию и масштабы своей преступной деятельности, изменяя и усложняя тактику организации преступного бизнеса, вышла на более высокий уровень существования, что позволяет ей нарушать установленные

² См.: Овчинский А.С. Интрузивно-системная преступность как один из основных факторов финансово-экономических кризисов и социально-политической нестабильности в России // Организованная преступность в России: философский и социально-политические аспекты: матер. науч.-практ. конф. 27–28 мая 1999 г.: М., 1999. С. 194–197.

³ См.: Ботвин И.В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: монография. М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2017. С. 134.

государством запреты (ограничения), маскироваться от общественного контроля, создавая угрозу безопасности государства⁴.

Рассматриваемый вид преступности вызывает обоснованное возмущение граждан. В общественном сознании она связывается с властью денег, коррупцией, нивелированием принципа справедливости. Именно поэтому в борьбе с ней принцип неотвратимости ответственности за преступную деятельность должен быть одним из основных⁵. Реализация указанного принципа позволит вывести вопрос о доверии полиции на качественно высокий уровень.

К наиболее важным направлениям деятельности полиции по борьбе с организованной преступностью следует отнести:

- совершенствование структуры полиции, укрепление ее финансового, материально-технического, кадрового и иного обеспечения;

- создание в Главном информационно-аналитическом центре МВД России для регистрации и учета данных об организованной преступности межведомственного банка данных на региональные, межрегиональные и транснациональные преступные группы и сообщества;

- обеспечение надежной защиты потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, а также информационно-пропагандистской работы в этом направлении;

- международное сотрудничество на основе реализации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополнение ее протоколов;

- противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем⁶.

Особое внимание предлагается уделить состоянию законности при вынесении сотрудниками полиции постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, в том числе за отсутствием события либо состава преступления по таким деяниям, как убийство, бандитизм, организация преступного сообщества или участие в нем, а также по преступлениям в сфере экономической деятельности.

⁴ См.: Ильин А.Е., Прокофьева Т.В. Истоки современной организованной преступности // Российский следователь. 2014. № 13. С. 47–51.

⁵ См.: Кошелюк Б.Е. Профилактика организованной преступности: основные проблемы // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 124–126.

⁶ См.: Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. С. 232.

В связи с этим представляется обоснованным предложение В.В. Меркурьева о проведении не реже одного раза в полугодие в субъектах Российской Федерации прокурорских проверок законности и обоснованности принятых решений органами предварительного следствия при возбуждении, приостановлении, прекращении, расследовании уголовных дел по преступлениям, совершенным участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций)⁷. Кроме того, представляется, что результаты таких проверок должны быть обнародованы с целью увеличения доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов.

Очень важным для определения усилий борьбы с организованной преступностью является знание источников получения преступными организациями доходов⁸. Прежде всего, это незаконный оборот наркотиков. Отдельные преступные организации практически полностью живут за счет незаконного оборота наркотиков, поэтому борьба с наркотизмом и наркоманией имеет исключительное значение и как составная часть предупреждения организованной преступности.

Подводя итог вышесказанному, можно полагать, что способы борьбы с организованной преступностью в части обеспечения общественного доверия к себе полиции необходимо искать на том направлении, идя по которому общество укрепляет солидарность граждан и расширяет свободу индивида. Организованная преступность вызывает обоснованное возмущение граждан. В общественном сознании она связывается с властью денег, коррупцией, нивелированием принципа справедливости, безнаказанностью. Именно поэтому в борьбе с ней принцип неотвратимости ответственности за преступную деятельность должен быть одним из основных.

⁷ См.: Меркурьев В.В. Криминологическая характеристика организованного сопротивления борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 25–41.

⁸ См.: Ботвин И.В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. Барнаул, 2017. № 2. С. 167–169.

А. М. Х а м и н с к и й,
член Общественного совета при ГУ МВД России по г. Москве,
председатель правления НП
«Республиканское юридическое общество»

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Основываясь на своем опыте общественного деятеля и правозащитника, могу сказать, что полиция, стоящая на страже общественного порядка и защиты прав и законных интересов граждан, является наиболее значимым органом государственной власти с точки зрения взаимодействия с российским обществом. Приоритетное значение при этом взаимодействии имеют как эффективность решения возникающих задач, так и оперативность реагирования на обращения граждан. Этими факторами и обусловлены те вопросы, которые я считаю нужным поднять в своем выступлении.

И первый из них, так сказать, «отправная точка» всех дальнейших мероприятий по формированию презумпции доверия полиции – это вопрос актуального состояния уровня доверия граждан к правоохранительным органам.

В ноябре 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал данные исследования, согласно которым уровень доверия полиции со стороны граждан в течение года вырос с 47 % до 67 %, а объем положительных оценок работы – с 24 % до 46 %. Тем не менее, красноречивым я считаю тот факт, что ни в опубликованных на сайте МВД России аналитических материалах исследования, проведенного ФГКУ «ВНИИ МВД России» по теме «Работа полиции: доверие и оценки» за 2017 год, ни в материалах СМИ, ссылающихся на данные исследования, не приведено ни одной реальной цифры. Лишь указано, в каких субъектах Российской Федерации, с точки зрения населения, дела обстоят более или менее плохо. Это указывает на то, что ни по одному показателю, включая «Уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств», «Уровень доверия к органам внутренних дел в обеспечении их личной и имущественной безопасности», «Оценка эффективности деятельности органа внутренних дел как государственного органа по защите интересов граждан» и др., похвалиться нечем. Поясню, почему я считаю именно так.

Я регулярно работаю в Приемной ГУ МВД России по г. Москве (далее – Главк). Принимаю граждан совместно с руководителями Главка. За последние 15 месяцев в ходе личных приемов (более 30) мы получили свыше 300 жалоб от граждан о несоблюдении процессуальных сроков при рассмотрении поданных ранее обращений, что указывает на пренебрежение сотрудниками правоохранительных органов нормами законодательства Российской Федерации.

Приведу также пример, когда я, член Общественного совета Главка, выступил с заявлением о преступлении, связанном с присвоением средств граждан мошенниками, якобы помогающими играть на рынке Форекс. Были оформлены все необходимые заявления, опросы, приложены аудиозаписи разговоров с мошенниками, а через 8 месяцев я узнаю, что все эти документы даже не были проведены через Книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях.

Экстраполируя свой опыт работы в Приемной Главка и ранее – координации работы Общественной приемной Управления Роспотребнадзора по г. Москве, общаясь с коллегами из Общественных советов иных правоохранительных, контрольных и надзорных органов, участвуя в заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации, могу ответственно заявить: в статистических данных ВЦИОМ, ВНИИ МВД России и прочих исследовательских центров присутствуют ответы двух категорий граждан. Первая – это те, кто с правоохранительными органами никак не сталкивался. Их можно считать условно одобряющими работу полиции и других органов государственной власти. И вторая – те, которые сталкивались именно с теми проблемами, о которых я говорил выше. И результаты исследований и опросов будут зависеть исключительно от того, в какой пропорции эти две категории граждан присутствуют в выборке.

Если же мы оценим ситуацию с доверием полиции с точки зрения основных тенденций развития гражданского общества в современной России, то сможем пронаблюдать следующее. Гражданское общество в настоящее время действительно развивается. Однако развивается совсем не в том направлении, в котором этого ожидают Президент Российской Федерации или соответствующие органы государственной власти. Активные граждане объединяются в большинстве своем на фоне негативных явлений общественной жизни, будь то трагедии, пожары, катастрофы или «громкие» дела с коррупционной составля-

ющей. К сожалению, самоорганизация вокруг государственных запросов у граждан отсутствует.

За последние полгода я неоднократно принимал участие в организации публичных дебатов, которые так или иначе затрагивали работу государственной системы, в том числе правоохранительных органов. Могу отметить только то, что активность проявляют преимущественно оппозиционно настроенные по отношению не просто к актуальной, но и к легитимной власти в стране в целом граждане. Мы можем наблюдать это как в соцсетях, так и на массовых мероприятиях. В разгар протестных выступлений подобных деятелей, в июле 2017 г. я разработал для Администрации Президента Российской Федерации программу, направленную на снижение рисков протестного голосования на почве именно такой вот повышенной социальной и информационной активности указанных «персонажей». К сожалению, это те самые люди, которые наиболее эффективно проводят в настоящее время работу с общественным мнением, в том числе в несегментируемых социальных прослойках, утроив число условно одобряющих работу полиции и других органов государственной власти граждан, положительное мнение которых держится исключительно на отсутствии каких-либо контактов с ними и ровно до возникновения такой необходимости.

Поэтому, говоря о доверии полиции, нам предстоит работать в двух сферах.

Первая касается устранения недостатков в работе по тем направлениям, в которых граждане сталкиваются с правоохранительными органами. В первую очередь, это касается приведения качества исполнения сотрудниками своих служебных обязанностей, соответствующих требованиям Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377, и прочих законодательных актов.

Вторая – это грамотная «подсветка» для общественности тех достижений сотрудников, которыми мы можем по праву гордиться. Помимо чисто служебных, я подразумеваю также спортивные, культурные и иные успехи руководства и личного состава. Речь идет о необходимости заполнения информационных пробелов, которые, в противном случае, будут все более и более активно оккупироваться оппозиционными и просто злонамеренными «крикунами», нацелен-

ными на дестабилизацию ситуации в стране. Неудивительно, что они пользуются нашими информационными пробелами для того, чтобы продвигать именно те установки, которые им выгодны. К сожалению, постоянно меняется законодательство, регулирующее деятельность блогеров, тогда как именно они выступают рупорами тех или иных идей. Здесь мы можем только поступать в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, «играя» на их территории по свойственным блогосфере правилам, на чем я остановлюсь подробнее ниже. Даже если мы вдруг исправим и улучшим работу полиции в два, три или пять раз, отсутствие информирования широкой общественности о положительных результатах опять сыграет против нас на фоне откровенно лживых, но многочисленных публикаций.

А теперь хочу подробно сконцентрироваться на тех этапах, которые необходимо пройти.

Первый шаг к формированию презумпции доверия полиции – это повышение уровня доверия органам государственной власти в целом. Для реализации этой задачи я предлагаю повысить эффективность работы Общественных советов при государственных органах Российской Федерации.

В порядке реализации положений ст. 90 Конституции Российской Федерации, ст. 17 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» и иных нормативных правовых актов необходимо создать в системе правоохранительных, контрольных и надзорных органов унифицированный механизм работы с населением. Выработав и внедрив единую государственную политику, гарантирующую гражданам прямой доступ к органам государственной власти для решения возникающих проблем, в том числе в зонах ответственности сотрудников полиции, мы одновременно снизим нагрузку непосредственно на аппарат органов государственной власти за счет решения членами профильных Общественных советов всех уровней – от министерского до окружного – проблем, с которыми в органы государственной власти чаще всего обращаются граждане.

Таким образом, аппарат будет освобожден от решения вопросов, не требующих его прямого вмешательства и контроля. Реализация

такого проекта не потребует дополнительных расходов из средств федерального бюджета, реформирования имеющихся или создания новых Общественных советов, однако обеспечит прямой диалог между государством, гражданами и институтами гражданского общества. Подробно прописанный механизм у меня имеется, и я готов передать его органам МВД России для инициирования начала работы в данном направлении.

Потенциал для взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества – общественными, правозащитными организациями, средствами массовой информации – широчайший и благотворнейший. Для подтверждения этого могу снова сослаться на собственный опыт.

В 2017 г. в рамках проекта «Москва – территория закона» совместно с «Союзом добровольцев России» был проведен мониторинг деятельности предприятий общественного питания и финансовых компаний в ЦАО г. Москвы. Сводный отчет по фактам выявленных в 117 кафе, ресторанах и клубах, а также 20 финансовых компаниях нарушений был передан начальнику ОМВД России по Пресненскому району г. Москвы и главе Управы Пресненского района г. Москвы. Это положило начало массовым проверкам деятельности компаний, создающих риски жизни и здоровью граждан и ухудшающих общую криминогенную обстановку в столице.

Также в рамках реализации программы Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2018–2021 гг., направленной на правовое просвещение граждан и организаций, я веду просветительскую деятельность в СМИ, способствуя внедрению в общественное сознание методических рекомендаций по формированию слухоустойчивого общества.

Разъяснительная работа с населением в основном связана с размещением материалов, содержание которых в популярной форме информирует граждан о недопустимости участия в несогласованных митингах, об истинных побудительных причинах организаторов подобных незаконных мероприятий, о гражданских правах и действенных механизмах их реализации, а также по вопросам медицинского и психологического характера.

Второе важное направление моей просветительской деятельности в СМИ относится непосредственно к повышению престижа правоохранительных органов и в конечном итоге служит целям, созвучным тематике нашего сегодняшнего мероприятия.

Еще до начала моей работы в Общественном совете я обратил внимание на размещение блогером Варламовым материалов, дискредитирующих работу сотрудников полиции. Это было откровенное вранье. В ответ я разместил статью на либеральном портале «Сноб», которая набрала почти 150 тыс. просмотров – почти втрое больше, чем было у стартового «пасквиля» Варламова.

По результатам митинга 26 марта 2017 г., проведенного Алексеем Навальным, я разместил в этом же рассаднике так называемых идей статью, где назвал организатора этого несанкционированного мероприятия «гапоном». Материал только на «Снобе» прочитали более 220 тыс. человек, общий охват с учетом публикаций в соцсетях составил около 2 млн человек, а к Навальному прочно приклепилось не самое лестное прозвище.

Это примеры правильного реагирования на подобные инсинуации.

Всего в 2016–2018 гг. вышло более 600 подобного рода публикаций в СМИ, включая оппозиционные. Комплексное предложение по реализации положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, также было направлено мною в Администрацию Президента Российской Федерации в 2017 г. Ряд его положений считаю необходимым к внедрению по линии МВД России в самое ближайшее время.

Кроме того, в рамках рабочей встречи с заместителем начальника полиции – начальником УГИБДД ГУ МВД России по г. Москве генерал-майором полиции Виктором Коваленко мы обсуждали вопросы культурно-просветительского направления сотрудничества правоохранительных органов с институтами гражданского общества, а также в контексте патриотического воспитания детей и юношества. Пришли к выводу, что в целях формирования гражданского общества и активной позиции каждого из его членов имеет смысл сконцентрироваться на организации взаимодействия с людьми посредством актуальных информационных каналов, то есть первостепенные задачи будут направлены на развитие интересного гражданам материала, присутствие представителей правоохранительных органов в рунете, на телевидении, а также на музейной карте столицы, в том числе при поддержке Правительства Москвы.

Итак, взаимодействие правоохранительных органов с институтами гражданского общества, включая коммуникационную составляющую

щую, я считаю вторым важнейшим шагом для формирования презумпции доверия полиции.

Последний по порядку, хотя отнюдь и не по значимости, третий шаг – это реформирование систем материального и социального обеспечения сотрудников полиции.

Сейчас речь пойдет об информации, не являющейся секретом ни в системе МВД России, ни в обществе в целом. Материальное обеспечение сотрудников полиции находится в удручающем состоянии, в силу чего мотивация к повышению результативности работы отсутствует напрочь.

И подозрения, и явления, связанные с тем, что сотрудники полиции зарабатывают деньги иными, кроме как предусмотренными Дисциплинарным уставом способами, в ряде случаев, к сожалению, небезосновательны.

Понимая, что в органах существует служебная субординация, считаю, что поднять вопрос о повышении денежного вознаграждения сотрудников, обеспечении их и членов их семей соцпакетами должны именно представители институтов гражданского общества. В сочетании с должной информационной поддержкой это должно привести к тому, чтобы и служить в органах внутренних дел стало так же престижно, как это было 40-60 лет назад, и отношение к правоохранителям со стороны населения поднялось бы на соответствующий их труду и мере ответственности уровень.

В связи с вышеизложенным на первый план в деле формирования презумпции доверия полиции выходят следующие задачи, которые я прошу включить в протокол круглого стола.

Предложения члена Общественного совета при ГУ МВД России по г. Москве А. М. Хаминского

В целях повышения эффективности работы Общественных советов при государственных органах Российской Федерации, органам МВД России инициировать:

создание в системе правоохранительных, контрольных и надзорных органов унифицированного механизма работы с населением по принципу работы Общественного совета при ГУ МВД России по г. Москве;

внедрение по линии МВД России принципов взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества

и субъектами общественного контроля, в части проведения мониторингов, направленных на выявление правонарушений;

включение отдельных представителей МВД России и правоохранительных органов, имеющих высокий личный индекс медийного присутствия, в реализацию информационных программ профильных органов государственной власти и институтов гражданского общества, обеспечивающих нравственное и патриотическое воспитание, а также правовое просвещение граждан.

Со стороны институтов гражданского общества также инициировать реформирование системы материального и социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел.

Р. М. Я н б у х т и н,
кандидат социологических наук, доцент
(Уфимский юридический институт МВД России)

ОЦЕНКИ И ИЗМЕРЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Внутрисистемный аспект управления полицией включает рассмотрение системы оценки и измерения деятельности органов внутренних дел (полиции) в качестве важного социального инструмента управления, а также необходимого условия для повышения качества и эффективности деятельности органов внутренних дел (полиции). Определяя перспективы развития теории управления органами внутренних дел в настоящее время, одним из приоритетных направлений научных исследований провозглашено создание эффективной системы научного сопровождения и выработка путей оптимизации методики оценки деятельности органов внутренних дел¹.

В исследованиях российских ученых, посвященных проблематике оценки различных аспектов деятельности органов внутренних дел, представлены теоретические разработки и практические рекомендации, подходы, методологии, критерии оценки деятельности правоохранительного органа². Кроме того, вопросы повышения эффективности деятельности органов внутренних дел рассматриваются учеными в свете преобразования правоохранительного органа, представляя его с позиции социальной системы, организации и др.³

¹ См.: Яськов Е.Ф., Коробов В.Б. Становление и развитие теории управления органами внутренних дел: результаты, проблемы и перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 2 (10). С. 21.

² См.: Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: опыт системного исследования. СПб.: СПб акад. МВД России, 1998; Ипамян А.П. Методологические основы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. М., 1976; Каминская В.И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973; Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск, 1993.

³ См.: Берекашвили Л.Ш. Проблемы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. М., 1981; Егорышев С.В. Органы внутренних дел как социальная организация: проблемы их реформирования и повышения эффективности деятельности: дис. ... д-ра соц. наук: 12.00.05. Уфа, 1998; Ипамян А.П. Оценка эффективности деятельности органов внутренних дел в механизме их реформирования // Труды Академии управления МВД России. 2007. № 4. С. 47–55; Общественное мнение о милиции: 1995–2000 гг. М.: ВНИИ МВД России, 2001.

Между тем проблема измерения и оценки эффективности функционирования полиции как социального института в аспектах управленческой деятельности также представляет собой одну из важнейших теоретико-методологических проблем, требующих осмысления, и связана с уточнением понятия «эффективность деятельности органов внутренних дел (полиции)» и разработкой оценочных критериев эффективности деятельности полиции.

Давая в общем приближении определение эффективности деятельности милиции, Ю.Е. Аврутин полагает, что эффективность представляет собой специфическое системное состояние деятельности милиции, характеризующее цели, общие принципы, содержание, организацию, формы, методы, средства, личностный стиль и результаты ее осуществления; его (состояния) соответствие потребностям общества в обеспечении порядка и законности⁴.

«Эффективность деятельности ОВД (полиции)» в авторском прочтении раскрывается, исходя из представления полиции как социального института, главным назначением которого является удовлетворение общественно значимых потребностей в защите жизни и здоровья, прав и интересов личности и населения, обеспечение их безопасности, охрана общественного порядка и поддержание правопорядка. В этом контексте нами дается дефиниция понятия «эффективность деятельности полиции». «Эффективность деятельности полиции» в целом есть степень, мера достижения заданных социальных значимых целей, задач, отвечающих общественным ожиданиям и потребностям и определяемых внешними и внутренними параметрами функционирования, где субъектами оценки внутренних параметров выступают вышестоящие полицейские структуры, а субъектами оценки внешних параметров – население.

В тесной связи с рассмотрением теоретико-методологических подходов к определению эффективности деятельности органов внутренних дел, полиции находится проблема разработки теоретических основ оценки и измерения функционирования органов внутренних дел, выделения системы критериев оценки эффективности деятельности полиции и связанных с ними организационных, управленческих, социальных аспектов.

⁴ См.: Аврутин А.Ю. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 415.

Раскрывая проблему оценки и измерения эффективности деятельности ОВД (полиции) исследователи рассматривают теоретические аспекты данной проблемы (теоретические основания оценки и измерения, анализа), подходы к оценке результатов деятельности подразделений МВД России (построение адаптивного механизма оценки), осмысливают опыт выделения критериев эффективности деятельности полиции в практике зарубежных стран⁵.

Также в литературе обсуждаются вопросы о необходимости разработки новой парадигмы оценки работы правоохранительного органа в России. В частности, предлагается использовать гибкий подход к оценке деятельности органов внутренних дел, основывающийся на единой системе показателей, в соответствии с которыми оценка работы правоохранительного органа осуществляется в два этапа: первый этап заключается в анализе результатов деятельности, оперативной ситуации и определении на ее основе приоритетов, в результате чего формируются целевые ориентиры деятельности конкретного органа внутренних дел (плановые (критические) значения показателей на определенный период); второй этап – оценивается деятельность органов внутренних дел на основе сравнения плановых значений показателей с достигнутыми⁶.

Особенно актуальным сегодня представляется разработка адаптивной системы оценивания эффективности деятельности полиции и обновление критериев оценки деятельности полиции, одно из центральных мест среди которых занимает мнение населения о качестве работы органов внутренних дел (полиции), оцениваемое на основании систематического проведения социологических исследований

⁵ См.: Аврутин А.Ю. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Андреева И.А. Критерии и практика оценки деятельности полиции в Англии и Франции // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 76–84; Об отечественных научных разработках проблем критериев оценки деятельности органов внутренних дел и зарубежном опыте оценки деятельности полиции (материалы рабочей группы): аналитическая справка. М., 2001; Ульянов А.Д. Приоритеты в оценке деятельности органов внутренних дел // Труды Академии МВД России. 2011. № 2 (18). С. 32–37.

⁶ См.: Романовский И.Л., Степанов С.Ю. К вопросу о совершенствовании системы оценки деятельности органов внутренних дел // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 75–76.

общественного мнения по значимым для населения проблемам правоохранительного назначения⁷.

Такой подход к оценке деятельности ОВД (полиции) в большей степени отвечает позиционированию полиции как социального института.

Отличаясь первоначально фрагментарным характером, практика социологического изучения общественного мнения в сфере органов внутренних дел получила целенаправленное развитие после издания приказа МВД России от 22 августа 1992 г. № 295 «Об организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел»⁸; и со временем, пройдя доработку⁹, получило итоговое оформление в приказе МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации»¹⁰.

Практически параллельно активизировались исследования по изучению общественного мнения по вопросам эффективности деятельности правоохранительного органа, проводимые исследовательскими центрами Левада-центр, ВЦИОМ и другими, по данным которых результаты опроса отличались от показателей ведомственных ис-

⁷ См.: Бунов Е.Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 87–89; Воронов А.М., Кожуханов Н.М. Общественное мнение как критерий оценки эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности // Российский следователь. 2005. № 7. С. 36–39; Арчибасова Л.А. Общественное мнение в свете Федерального Закона «О полиции» // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 88–90; Кузнецов А.В., Кузнецова И.А. Общественное мнение о деятельности полиции как один из основных критериев официальной оценки // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 94–95.

⁸ См.: Об организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 авг. 1992 г. № 295.

⁹ См.: О неудовлетворительной организации работы по изучению общественного мнения: письмо МВД России от 4 нояб. 1993 г.; О мерах по совершенствованию организации изучения общественного мнения и повышения его значимости для улучшения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел: приказ МВД России от 4 июня 1997 г. № 746.

¹⁰ См.: О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации: приказ МВД России от 30 дек. 2007 г. № 1246.

точников (ВНИИ МВД России и социологических лабораторий вузов МВД России).

Учитывая имеющийся опыт и полученные результаты многолетних исследований общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, был издан приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции»¹¹. Как отмечается в литературе, в практике мониторинга общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел, проводимых силами МВД России на протяжении последних пяти лет, собраны, обработаны и проанализированы массивы социологической информации, полученные в результате опросов более чем 200 тыс. человек¹².

С принятием Федерального закона «О полиции» законодательно определено, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции (ч. 6 ст. 9)¹³. При этом, ориентируясь на показатели общественного мнения как основного критерия их деятельности, Закон «О полиции» следует принципу общественного доверия и поддержке граждан. Головным подразделением МВД России, отвечающим за координацию всей работы по проведению мониторинга общественного мнения на основе вневедомственного сбора социологической информации, утвержден ФГКУ «ВНИИ МВД России»¹⁴.

Значимость данного законодательного шага заключается в признании роли общественного мнения в оценке деятельности полицейских служб, подразделений, что бесспорно обогащает содержание управления. Между тем полноценное использование социального потенциала общественного мнения в управленческой деятельности требует обращения к проблеме определения и выбора критериев оценки деятельности подразделений полиции, отвечающих правоохранительному и социальному назначению полиции.

До принятия Федерального закона «О полиции» в органах внутренних дел практиковалась система показателей служебной деятель-

¹¹ См.: Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: приказ МВД России от 1 дек. 2016 г. № 777.

¹² См.: Ситковский А. Общественное мнение как основа криминологического прогнозирования в деятельности ОВД // Профессионал. 2013. № 1 (111). С. 38.

¹³ См.: О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

¹⁴ См.: О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России: приказ МВД России от 19 дек. 2012 г. № 1114.

ности, основывающаяся на признании приоритетным обеспечение закона и порядка, а не социального обслуживания населения. В связи с этим главными критериями эффективности деятельности правоохранительного ведомства выступали выявление и раскрытие преступления; обнаружение лица, совершившего преступление; исполнение уголовного наказания и др.

Оказание общественных услуг, обеспечение безопасности потерпевшего и свидетелей, своевременное возмещение ущерба пострадавшим в результате преступления, многие другие виды социальной деятельности органов внутренних дел не являлись основными показателями их деятельности. О серьезности подхода руководства МВД России к решению вопроса оценки эффективности деятельности органов внутренних дел (полиции) свидетельствуют принятые в последующие годы меры.

31 декабря 2013 г. МВД России издало приказ № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов внутренних дел Министерства внутренних дел Российской Федерации», согласно которому обновление системы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации связано со стремлением совершенствования оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России, в том числе полиции; концентрацией усилий личного состава на достижении конечных результатов при выполнении возложенных задач и реализации функций, а также – со структурными изменениями в системе МВД России¹⁵.

В соответствии с данным приказом утверждена и введена в действие инструкция, включающая показатели ведомственной оценки органов внутренних дел. С введением в действие новой системы оценки деятельности органов внутренних дел отныне о деятельности полиции можно судить по целому ряду критериев:

эффективность деятельности по ведомственным показателям;

результаты исследования общественного мнения;

итоги отчетов должностных лиц территориальных органов перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

информирование государственных, муниципальных органов и граждан;

¹⁵ См.: Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. № 1040.

результаты инспекторских выездов и зонального контроля.

Что касается эффективности работы территориальных органов субъектов Российской Федерации, то она оценивается по таким основным направлениям, как обеспечение законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, их дальнейшее предупреждение, качество расследования уголовных дел, возмещение материального ущерба, эффективность и соблюдение исполнения законодательства об исполнительных правонарушениях, обеспечение безопасности дорожного движения.

Вместе с тем новая система оценки деятельности органов внутренних дел по своей сути мало чем отличается от ранее действующей системы. По этому поводу в литературе есть мнение, что данная система оценки работы правоохранительного органа «вряд ли способна решить задачу качественной модернизации деятельности органов внутренних дел», поскольку в ней, с точки зрения ее организации, сохранились «многие черты предшествующей системы, так как была создана по ее подобию»¹⁶. В итоге разработка качественно новой схемы оценки деятельности органов внутренних дел остается нерешенной и потому крайне актуальной задачей¹⁷.

Таким образом, остается нерешенной и крайне актуальной задачей разработка качественно новой системы оценки и измерения эффективности деятельности органов внутренних дел, опирающейся на гибкую социально ориентированную систему показателей деятельности полицейских служб и подразделений и отвечающей современным представлениям общественности о назначении полиции. Сегодня, отвечая вызовам развития общества, в странах зарубежья утверждаются «менеджерские» методы оценки эффективности деятельности полицейских служб и подразделений, связанные с качеством оказания правоохранительных услуг населению. В частности, в 2008 г. в Англии была введена в действие система оценки эффективности под названием The Analysis of Policing and Community Safety (APACS), включающая показатели: уровень удовлетворенности полицейской службой, понимание местных проблем, набор в полицию представителей этнических меньшинств, противодействие антисоциальному поведению, уровень тяжкой преступности, процент завершенных и переданных в суд дел по тяжким преступлениям, количество поджо-

¹⁶ Бунов Е. Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 88.

¹⁷ См.: Там же.

гов на 10 тыс. человек, возвращение активов, число жертв дорожно-транспортных происшествий, динамика сокращения правонарушений, уровень рецидивной преступности, экономическая эффективность (соотношение расходов с качеством работы), количество больничных, соотношение количества повторных случаев домашнего насилия к их общему числу и др.¹⁸

В свою очередь, рассматривая проблему повышения эффективности деятельности полиции в социально-управленческом аспекте, мы полагаем целесообразным включить в основу системы оценки и измерения эффективности деятельности полиции показатели, учитывающие:

- уровень авторитета полиции;
- уровень уважения и доверия граждан к деятельности полиции;
- уровень удовлетворенности потребностей личности и населения в защите их прав и интересов, обеспечении безопасности их жизни;
- своевременное решение социально-правовых проблем граждан;
- динамику обеспечения безопасности личности и населения;
- степень мобилизованности полицейских служб, подразделений по предотвращению и пресечению правонарушений, раскрытию преступлений;
- частоту взаимодействия полицейских подразделений с проблемными категориями граждан, со средствами массовой информации;
- частоту обращений граждан в кризисные центры, службы доверия, службы собственной безопасности, на сайты Министерств, Управлений системы МВД;
- уровень безопасности личности и населения в процессе проведения специальных оперативных действий.

При этом приоритетным признать показатель «уровень удовлетворенности потребностей личности и населения в защите их прав и интересов, обеспечении безопасности их жизни».

Завершая рассмотрение проблемы методологического подхода к разработке системы современных параметров оценки и измерения эффективности деятельности полиции, рекомендуем:

- систематически отслеживать шкалу общественных ценностей широких слоев населения;

¹⁸ См.: Андреева И.А. Критерии и практика оценки деятельности полиции в Англии и Франции // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 78.

проводить систематическое обновление критериев эффективности деятельности полиции, учитывающих новые современные виды социальных потребностей, ожиданий различных социальных общностей, организаций, а также социальных нарушений, нарушений общественного порядка;

включить в систему оценки и измерения эффективности деятельности полиции индикаторы состояния правопорядка, связанные с широким общественным резонансом в порядке взаимодействия со слоями населения, в том числе проблемными категориями граждан.

Таким образом, при решении проблемы измерения и оценки деятельности органов внутренних дел (полиции) мы придерживаемся следующей методологической позиции: при определении эффективности деятельности полиции на вверенной им территории считать целесообразным использование двух категорий оценки эффективности:

«ведомственной» – оценки основных направлений деятельности полицейских подразделений (обеспечение законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, расследование преступлений, качество расследования уголовных дел, возмещение материального ущерба, обеспечение безопасности дорожного движения и др.) на основании инспекторских выездов и зонального контроля, отчетов должностных лиц и т.д;

«общественной» – оценки общественностью актуальных социально значимых аспектов деятельности полиции на основе использования вневедомственных источников социологической информации.

Главным и основным показателем эффективности следует рассматривать оценку населения, общественности, а ведомственную оценку эффективности деятельности полиции – как статистическую информацию. Признавая ценность ведомственной оценки эффективности деятельности полиции при проектировании, реализации, корректировке управленческих решений, предлагаем шире использовать ее социологические ресурсы в механизме управленческой деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрианов М.С. Смысловое пространство социальных представлений о деятельности правоохранительных органов и ее общественная оценка.....	3
Бормотова Т.М. Современные практики управления общественным мнением о деятельности полиции: социальные сети и Интернет.....	13
Винокуров С.И. Криминологические проблемы теории превенции в праве.....	18
Галкин Д.В. Об участии представительных органов власти в оценке эффективности деятельности полиции в регионах.....	25
Гончарова М.В. Тенденции преступности в Российской Федерации.....	33
Дьяченко Н.Н. Значение дискредитации в формировании общественного мнения и отношение граждан к полиции.....	38
Евсеев А.В., Чупис И.Н. Состояние и тенденции криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации.....	45
Ильюк Е.В. Харизма руководителя как один из факторов эффективности деятельности подразделения.....	60
Кардашова И. Б. О принципе презумпции доверия полиции.....	67
Коваленко В.И., Шураева Л.М. Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации.....	72
Коимшиди Г.Ф., Литвинов А.А., Шекк Е.А. Некоторые проблемы криминологического изучения миграционной преступности.....	80
Кокорев В.Ю. Презумпция доверия полиции в системе социальных норм и отношений, охраняемых государством.....	86
Муковозова А.С. О некоторых путях совершенствования мер предупреждения женской преступности.....	90
Носкова К.А. Об особенностях использования результатов проведения социологических исследований в оценке деятельности органов внутренних дел.....	97
Плешаков В.А. Реализация идеи Ю.М. Антоняна о криминологической значимости ситуации в совершении преступления.....	102
Рачицкая В.А., Жуков П.С. Предупреждение убийств на основе типологического описания мотивов их совершения.....	111
Салаев З.Р. Обман как способ совершения мошенничества, связанного с предоставлением услуг оккультного или иного психологического характера.....	116
Султанов К.А. О мерах по усилению административной ответственности за нарушения условий проживания в жилом секторе.....	120

Тарасова Ю.В. Влияние средств массовой информации на социализацию современной молодежи.....	123
Тепляшин П.В. Методологические основы криминологического эксперимента.....	127
Удодов Г.А. Преступность будущего и будущее полиции.....	131
Уткин В.А., Иванцов С.В. Защита жертв преступлений как критерий доверия полиции.....	136
Федотова Е.Н. Современная практика назначения несовершеннолетним уголовных наказаний: проблемы и перспективы.....	143
Фризен П.Д. Эффективная борьба с организованной преступностью как критерий доверия полиции.....	148
Хаминский А.М. Презумпция доверия полиции: актуальное состояние и условия формирования.....	152
Янбухтин Р.М. Оценки и измерение эффективности деятельности полиции.....	160

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

Сборник

Редактор *С. В. Дементьева*
Компьютерная верстка *С. В. Первой*

Подписано в печать 08.08.2019

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$ Печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 8,82

Тираж 100 экз.

Заказ № 37

Издатель: ФГКУ «ВНИИ МВД России»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

Группа ОП ФГКУ «ВНИИ МВД России»

АННОТАЦИИ

УДК 343.9+316

Андрианов, М. С. Смысловое пространство социальных представлений о деятельности правоохранительных органов и ее общественная оценка / М. С. Андрианов // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 3.

Рассматривается важный аспект российского массового правового сознания – представления граждан о социальной регуляции и их отношение к деятельности основных социальных институтов. На основании результатов опросов общественного мнения ведущими российскими социологическими центрами – оценок одобрения, влиятельности и институционального доверия – строится схема смыслового пространства социальных представлений о деятельности правоохранительных органов.

УДК 343.9+316

Бормотова, Т. М. Современные практики управления общественным мнением о деятельности полиции: социальные сети и Интернет / Т. М. Бормотова // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 13.

Рассмотрены социологические аспекты формирования общественного мнения о деятельности полиции в сети Интернет, характеризующие информационное пространство как инструмент, который при рациональном использовании в интересах органов внутренних дел может не только обеспечить эффективное взаимодействие с гражданским обществом, но и способствовать укреплению авторитета полиции, повышению доверия граждан к ней.

УДК 343.9+316

Винокуров, С. И. Криминологические проблемы теории превенции в праве / С. И. Винокуров // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 18.

Раскрывается востребованность и значимость феномена превенции в качестве объекта научного исследования для юриспруденции.

УДК 343.9+316

Галкин, Д. В. Об участии представительных органов власти в оценке эффективности деятельности полиции в регионах / Д. В. Галкин // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 25.

Представлен анализ критериев оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Рассмотрены достоинства и недостатки таких инструментов оценивания, как официальная статистика преступности и социологические опросы. Сформулировано предложение о наделении представитель-

ных органов власти субъектов Российской Федерации правом давать оценку эффективности правоохранительной работы органов внутренних дел в регионах.

УДК 343.9+316

Гончарова, М. В. Тенденции преступности в Российской Федерации / М. В. Гончарова // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 33.

На основе статистических данных ФГКУ «ВНИИ МВД России» (за 9 мес. 2018 г.) представлен анализ основных показателей преступности, характеризующих криминальную ситуацию на территории Российской Федерации.

УДК 343.9+316

Дьяченко, Н. Н. Значение дискредитации в формировании общественного мнения и отношение граждан к полиции / Н. Н. Дьяченко // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 38.

С приведением статистических данных и примеров оценивается воздействие массовой кампании по дискредитации сотрудников ОВД, ведущейся СМИ и в сети Интернет, на формирование общественного мнения о деятельности полиции, а также на отношение граждан к российской полиции.

УДК 343.9+316

Евсеев, А. В. Анализ криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации / А. В. Евсеев, И. Н. Чупис // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 45.

Отражен анализ криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации за период с 2013 по 2017 г., сформулированы прогнозные оценки, определены приоритеты профилактической деятельности.

УДК 343.9+316

Ильюк, Е. В. Харизма руководителя как один из факторов эффективности деятельности подразделения / Е. В. Ильюк // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 60.

Рассматривается эффективность деятельности правоохранительного органа, которая зависит от морально-психологического климата в коллективе, создаваемого руководителем. Харизма руководителя – это инструмент руководителя по управлению коллективом.

УДК 343.9+316

Кардашова, И. Б. О принципе презумпции доверия полиции / И. Б. Кардашова // Преступность и общество: сборник – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 67.

Рассматривается сущность принципа презумпции доверия сотруднику полиции. Анализируя возможность введения такого принципа в законодательстве, автор приходит к выводу, что он противоречит общеправовому принципу законно-

сти, нарушает принцип баланса интересов личности, общества и государства, а также содержит в себе коррупциогенные факторы, которые влекут за собой злоупотребление властными полномочиями сотрудниками полиции.

УДК 343.9+316

Коваленко, В. И. Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации / В. И. Коваленко, Л. М. Шураева // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 72.

Рассматриваются миграционные процессы в контексте их влияния на развитие криминальной ситуации. Основываясь на статистических показателях Федеральной службы государственной статистики и Главного управления по вопросам миграции МВД России, авторы анализируют современное состояние миграционной ситуации в стране и рассматривают основные миграционные риски, детерминирующие негативные тенденции отдельных видов преступности.

УДК 343.9+316

Коимшиди, Г. Ф. Некоторые проблемы криминологического изучения миграционной преступности / Г. Ф. Коимшиди, А. А. Литвинов, Е. А. Шекк // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 80.

Раскрываются некоторые особенности методологического подхода исследования миграционной преступности, выявленные в ходе проведенного исследования. В частности, выделяются разделение преступности мигрантов на три направления – преступность, связанная с правовым статусом иностранного гражданина или лица без гражданства и их общеуголовная преступность, а также преступность граждан России в сфере миграции. При сравнительном анализе преступности мигрантов-иностранцев и местного населения имеет принципиальное значение учет их социально-демографических особенностей.

УДК 343.9+316

Кокорев, В. Ю. Презумпция доверия полиции в системе социальных норм и отношений, охраняемых государством / В. Ю. Кокорев, О. В. Родимушкина // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 86.

Рассматривается юридическая конструкция презумпции доверия полиции в системе социальных норм и отношений, охраняемых государством.

УДК 343.9+316

Муковозова, А. С. О некоторых путях совершенствования мер предупреждения женской преступности / А. С. Муковозова // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 90.

Предпринята попытка обозначить пути учета составляющих криминологических свойств современной женской преступности в России. Обозначен ком-

плексный характер основных криминогенных факторов данного вида преступности. На основе анализа количественных показателей результатов противодействия женской преступности обозначены некоторые криминологические особенности предупреждения данного вида преступности. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование предупреждения женской преступности.

УДК 343.9+316

Носкова, К. А. Об особенностях использования результатов проведения социологических исследований в оценке деятельности органов внутренних дел / К. А. Носкова // Преступность и общество: сборник – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 97.

Рассматриваются особенности использования результатов проведения социологических исследований в оценке деятельности органов внутренних дел.

УДК 343.9+316

Плешаков, В. А. Реализация идеи Ю. М. Антоняна о криминологической значимости ситуации в совершении преступления / В. А. Плешаков // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 102.

Рассматриваются вопросы реализации идеи Ю. М. Антоняна о криминологической значимости ситуации в совершении преступления; раскрывается проблема взаимосвязи конкретной жизненной ситуации и личности при совершении преступления.

УДК 343.9+316

Рачицкая, В. А. Предупреждение убийств на основе типологического описания мотивов их совершения / В. А. Рачицкая, П. С. Жуков // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С.

Представлены некоторые группы мер по предупреждению убийств в зависимости от мотива их совершения, включающие меры по борьбе с обстоятельствами, способствующими достижению преступного результата.

УДК 343.9+316

Салаев, З. Р. Обман как способ совершения мошенничества, связанного с предоставлением услуг оккультного или иного психологического характера / З. Р. Салаев // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 116.

Рассматривается такой способ хищения, как обман, при предоставлении услуг оккультного или иного психологического характера.

УДК 343.9+316

Султанов, К. А. О мерах по усилению административной ответственности за нарушения условий проживания в жилом секторе / К. А. Султанов // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 120.

Рассмотрены актуальные проблемные вопросы и роль органов внутренних дел в реализации и формировании законодательства в сфере охраны общественного порядка. Проанализированы последние законодательные инициативы изменения федеральных нормативных правовых актов, регулирующих процедуру привлечения к административной ответственности; вносит предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства в сфере охраны общественного порядка и установлению дополнительной административной ответственности за нарушения условий проживания в жилом секторе. Действующая статья 20.1 КоАП РФ не распространяется на нарушения общественного порядка в жилых помещениях, хотя подобные противоправные деяния отражаются на всех гражданах проживающих поблизости места происшествия. Обозначены предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства в сфере охраны общественного порядка и установлению дополнительной административной ответственности за нарушения условий проживания в жилом секторе.

УДК 343.9+316

Тарасова, Ю. В. Влияние средств массовой информации на социализацию современной молодежи / Ю. В. Тарасова // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 123.

Рассматриваются вопросы воспитательного, нравственного, социального и правового характера относительно информации, получаемой подростками из теле- и радиопередач, из сети Интернет.

УДК 343.9+316

Тепляшин, П. В. Методологические основы криминологического эксперимента / П. В. Тепляшин // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 127.

Приводятся цель, признаки, функции, основание и классификация криминологического эксперимента в правоохранительной деятельности. Указываются основные тенденции его практической реализации. Делается вывод о необходимости научной проработки механизмов оценки хода и итогов осуществления криминологического экспериментирования.

УДК 343.9+316

Удодов, Г. А. Преступность будущего и будущее полиции / Удодов Г.А. // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 131.

Анализируются тенденции развития преступности, а также науки криминологии в свете изменений преступности. Выдвигаются гипотезы относительно изменений способов совершения преступлений, а так же мер противодействия и профилактики преступности в ближайшем будущем. Задачей автора было выявить те изменения преступности, на которые субъекты противодействия не смогут дать своевременный ответ. В работе изложено содержание идей других авторов по теме данной работы.

УДК 343.9+316

Уткин, В. А. Защита жертв преступлений как критерий доверия полиции / В. А. Уткин, С. В. Иванцов // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 136.

Анализируется презумпция доверия полиции как средство повышения эффективности последних, укрепления связи с задачами общества. Предлагаются меры обеспечения использования презумпции доверия в защите полицией жертв преступлений.

УДК 343.9+316

Федотова, Е. Н. Современная практика назначения несовершеннолетним уголовных наказаний: проблемы и перспективы / Е. Н. Федотова // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 143.

Анализируется современная практика назначения уголовных наказаний несовершеннолетним, выявляются основные тенденции и закономерности. Предлагаются новые в науке, основанные на положениях международных стандартов, пути ее оптимизации.

УДК 343.9+316

Фризен, П. Д. Эффективная борьба с организованной преступностью как критерий доверия полиции / П. Д. Фризен // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 148.

Приводится исследование деятельности по борьбе с организованной преступностью, как одного из критериев доверия полиции. Результаты криминологических исследований организованной преступности свидетельствуют о том, что ее представители максимально стремятся использовать легальные структуры и возможности, становятся активными деятелями официальных политических структур, имеют влияние на деятельность полиции. Способы эффективной борьбы с организованной преступностью с целью повышения доверия полиции, по мнению автора, необходимо искать на том направлении, идя по которому общество укрепляет солидарность граждан и расширяет свободу индивида.

УДК 343.9+316

Хаминский, А. М. Презумпция доверия полиции: актуальное состояние и условия формирования/ А. М. Хаминский // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 152.

Рассматривается презумпция доверия полиции: актуальное состояние и условия формирования.

УДК 343.9+316

Янбухтин, Р. М. Оценки и измерение эффективности деятельности полиции / Р. М. Янбухтин // Преступность и общество: сборник. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 160.

Рассматривается система оценки деятельности полиции. Являясь необходимым инструментом в практике управленческой деятельности органов внутренних дел, оценка деятельности правоохранительного института предполагает систематическое проведение исследований общественного мнения о деятельности полиции, связанных с использованием определенных критериев измерения оценки ее функционирования. Между тем анализ литературы и практики исследований общественного мнения о деятельности органов внутренних дел свидетельствует о ряде имеющихся здесь проблем теоретико-методологического характера. К числу таких открытых вопросов относится система критериев оценки и измерения эффективности деятельности полиции, отвечающая современным требованиям и ожиданиям общества. В связи с этим важной научной и практической задачей выступает рассмотрение ряда теоретико-методологических вопросов, связанных с определением системы оценки и измерения эффективности деятельности полиции в современных условиях.